

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Журнал издается с 2006 года
Выходит 4 раза в год

№ 10/2010

Учредитель

ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук, профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

В. И. Марков, доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе КемГУКИ

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент, начальник научного отдела КемГУКИ

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17. Журнал «Вестник КемГУКИ»

Тел.: (3842)73-30-64

Факс: (3842)73-28-08

E-mail: nir@kemguki.ru

Электронная версия журнала:

<http://ebooks.kemguki.ru/open/>

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

2010. № 10

Редактор *Ю. А. Соснина*

Перевод *А. А. Щербинин*

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Дизайн *А. В. Сергеев*

Подписано к печати 10.06.2010.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Заказ № 526.

Усл.-печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.

E-mail: izdat@kemguki.ru

**VESTNIK OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

JOURNAL OF THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH

Journal is published since 2006
Four times a year

№ 10/2010

Founder

Federal State Educational Institution of Higher Professional Education (FSEI HPE)
«Kemerovo State University of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of KemUCA

Assistant Chief Editor

V. I. Markov, Doctor of Culturology, Professor, Vice-Rector for Scientific Research of KemUCA

Administrative Secretary

L. Y. Egle, Candidate of Culturology, Docent, Chief of Scientific Department of KemUCA

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street, Journal «Vestnik of KemUCA»

Tel.: (3842)73-30-64

Fax: (3842)73-28-08

E-mail: nir@kemguki.ru

Web Journal link:

<http://ebooks.kemguki.ru/open/>

VESTNIK OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

2010. No. 10

Editor Y. A. Sosnina

Translation A. A. Sherbinin

Computer layout M. B. Sorokina

Design A. V. Sergeyev

Signed for print 10.06.2010.

Offset paper. Font «Times». Order № 526

Author's sheets 14,4. Printer's sheets 21,5. Number of copies 500.

Printed at the Publisher of KemUCA: 650029, Kemerovo,

19 Voroshilov Street . Tel. (3842)73-45-83.

E-mail: izdat@kemguki.ru

Состав редакционного совета журнала

Председатель совета:

Коллин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва)

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, ректор Московского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки (г. Москва)

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКИ (г. Санкт-Петербург)

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, заведующая сектором культурологических проблем социализации Российского института культурологии (г. Москва)

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, директор Томского областного колледжа культуры и искусств (г. Томск)

Волощенко Г. Г., доктор культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заведующий сектором региональной культурной политики Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск)

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий специалист сектора социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, профессор кафедры социологии и социальной антропологии МГУДТ (г. Москва)

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы (г. Москва)

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск)

Игумнова Н. П., кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки (г. Москва)

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Санкт-Петербург)

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, руководитель кафедры ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва)

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Молдавии, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета (г. Москва)

Чешев В. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск)

Editorial Council of the Journal

Chairman of editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Chief Scientist of Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Rector of Moscow State University of Culture and Arts, Honoured Worker of Science of the Russian Federation (Moscow)

Ariarskii M. A., Doctor of Culturology, Professor, Chair of Socio-cultural Activity of St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg)

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Chair of Theory and Practice of Culture of Russian Academy of State Service for the President of the Russian Federation) (Moscow)

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Chief of the Sector of Culturologic Problems of Socialization of Russian Institute of Culturology (Moscow)

Cheshev V. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Chair of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Construction (Tomsk)

Dolzhenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Professor, Director of the Centre of University Education of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Chair of Philosophy of Novosibirsk State University of Economy and Administration (Novosibirsk)

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Senior Specialist of the Sector of Socio-cultural Processes and Systems of Russian Institute of Culturology, Professor of the Chair of Social Science and Social Anthropology of Moscow State University of Design and Technology (Moscow)

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogic Sciences, Director-General of the All-Russia Library for Foreign Literature (Moscow)

Igumnova N. P., Candidate of Pedagogical Sciences, Chief Scientist of the Russian State Library (Moscow)

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Chair of Theory and History of Culture of St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honoured Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg)

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Author's Society, UNESCO Chair «Knowledge Society and New Information Technologies» of the Russian New University (Moscow)

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Vice-rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Chair of Ecology and Nature Management of Russian Academy of State Service for the President of the Russian Federation (Moscow)

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Director of Tomsk Regional College of Culture and Arts (Tomsk)

Voloschenko G. G., Doctor of Culturology, Docent of the Chair of Socio-cultural Activity of Omsk F. M. Dostoevsky State University, Chief of the Sector of Regional Cultural Politics of Siberian Branch of Russian Institute of Culturology (Omsk)

Состав научной редакции журнала

Гендина Н. И., доктор педагогических наук, профессор, директор НИИ информационных технологий социальной сферы (научный редактор раздела «Информационно-библиотечная деятельность»)

Миненко Г. Н., доктор культурологии, профессор, директор Центра исследований духовной антропологии (научный редактор раздела «Культурология»)

Балабанов П. И., доктор философских наук, профессор, директор НИИ прикладной культурологии (научный редактор раздела «Философия»)

Кулемзин А. М., доктор культурологии, профессор, заведующий лабораторией музееведения, заведующий кафедрой музейного дела (научный редактор раздела «Охрана памятников и музееведение»)

Пономарев В. Д., доктор педагогических наук, профессор, проректор по творческой и международной деятельности (научный редактор раздела «Режиссура театрализованных представлений»)

Прокопова Н. Л., доктор культурологии, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения (научный редактор раздела «Искусствоведение»)

Умнова И. Г., кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств (научный редактор раздела «Музыкальное искусство»)

Трусова Н. М., кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики социальной сферы (научный редактор раздела «Экономика и менеджмент»)

Коргужа Н. С., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-культурной деятельности (научный редактор раздела «Социально-культурная деятельность»)

Шунков А. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и русского языка (научный редактор раздела «Филология»)

Елисеенков Г. С., доцент, заведующий кафедрой дизайна (научный редактор раздела «Дизайн и реклама»)

Мирошниченко Л. В., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии (научный редактор раздела «Психология и педагогика»)

Лазарева Л. И., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной педагогики (научный редактор раздела «Социальная педагогика»)

Scientific Editorial Board of Journal

Balabanov P. I., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Director of Research Institute of Applied Cultural Science (Scientific Editor of Section «Philosophy»)

Gendina N. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of, (Scientific Editor of Sector «Information Library Activity»)

Korgozha N. S., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Socio-cultural Activity (Scientific Editor of Section «Socio-cultural Activity»)

Kulemzin A. M., Doctor of Culturology, Professor, Chief of Laboratory of Museum Discipline, Chair of Museum Activity (Scientific Editor of Section «Protection of Monuments and Museology»)

Lazareva L. I., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Social Pedagogics (Scientific Editor of Section «Social Pedagogics»)

Minenko G. N., Doctor of Culturology, Professor, Director of Research Centre of Spiritual Anthropology (Scientific Editor of Section «Culturology»)

Miroshnichenko L. V., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Pedagogics and Psychology (Scientific Editor of Section «Psychology and Pedagogics»)

Ponomaryov V. D., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Creative and International Activity (Scientific Editor of Section «Direction of Theatre Performances»)

Prokopova N. L., Doctor of Culturology, Professor, Chief of Laboratory of Theoretical and Methodic Problems of Art Research (Scientific Editor of Section «Art History»)

Shunkov A. V., Candidate of Philological Sciences, Docent, Chair of Literature and the Russian Language, (Scientific Editor of Section «Philology»)

Trusova N. M., Candidate of Economical Science, Docent, Chair of Economy of Social Sphere (Scientific Editor of Section «Economy and Management»)

Umnova I. G., Candidate of Art History, Docent, Chair of Theory and History of Arts (Scientific Editor of Section «Musical Art»)

Yeliseenkov G. S., Docent, Chair of Design (Scientific Editor of Section «Design and Advertisement»)

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение председателя редакционного совета журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» К. К. Колина.....	9
--	---

ФИЛОСОФИЯ

Колин К. К. Глобализация общества и нравственное измерение современного кризиса цивилизации.....	10
Винограй Э. Г. Категориальный анализ, реконструкция и алгоритмизация системного подхода.....	16
Степанов А. А. Познавательная модель самоидентичного становления человека.....	31

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Окладникова Е. А. Структурная модель имиджа страны и ее архаические компоненты.....	39
---	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Хилько Н. Ф. Профессиональное и самодеятельное киноискусство Западной Сибири в системе взаимодействия: история и современность.....	48
---	----

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Попов К. А. Церковное пение и духовность.....	56
Умнова И. Г. Духовные ориентиры творчества отечественных композиторов, зафиксированные в мемуарах и эссе.....	61
Чикунова Н. А. Композиционные закономерности службы Введения во храм Пресвятой Богородицы.....	66
Медведева Н. В. Содержание хоровых сочинений «Колокола» и «Всенощное бдение» С. В. Рахманинова в свете самоидентификации композитора.....	71

ДУХОВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Лега В. П. Христианская нравственность: взгляд с точки зрения классической философии.....	79
Тресвятский Л. А. Влияние Русской православной церкви на уровень религиозности сибиряков.....	88
Овчинников В. А. Православные монашеские обители на территории современной Кемеровской области в XVII – начале XXI века: традиции и современное состояние.....	97
Генина Е. С. Государство и Русская православная церковь в середине 1940-х – начале 1950-х годов (по материалам Кемеровской области).....	105
Астахов О. Ю. Эстетические ценности в богословской системе Августина.....	112

Юртаева О. В. Молитва в русской поэзии.....	115
Куваева Л. Н. Христианские традиции в русской литературе.....	122
Кудрина Е. Л. Духовно-нравственные проблемы развития художественного образования..	126
Насонов А. А. Роль религиоведческих дисциплин в формировании толерантного отношения к поликонфессиональности российского общества.....	132
Глебова М. В. Русская современная школа – основа духовного возрождения России.....	136
Гуськова Е. А. Духовно-нравственные аспекты воспитания молодежи школьного возраста.....	143
Ильченко Е. А. Влияние православной культуры на формирование духовно-нравственных качеств обучающихся.....	148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Сбитнева Г. И. Преподаватели кафедры ТДК на ежегодной конференции РБА.....	153
Егле Л. Ю. Межрегиональная научно-практическая студенческая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия».....	157
Пономарев В. Д., Белозёрова М. В., Шунков А. В., Коваленко Е. А. Ответственное созидание Отечества (итоги Первого открытого Международного пасхального фестиваля православной культуры).....	159
Астахов О. Ю. Межрегиональный круглый стол «Духовность в современном российском обществе: проблемы и стратегические ориентиры».....	165
Романова Н. И. Итоги проведения социально-культурного проекта «Чистое слово».....	171
Слушания в Общественной палате Кемеровской области о роли религиозных конфессий в духовном и нравственном воспитании подрастающего поколения.....	173
Сведения об авторах.....	181

CONTENTS

The Address of the Chairman of Editorial Council of Journal «Vestnik» KemUCA K. K. Kolin.....	9
--	----------

PHILOSOPHY

Colin K. K. Globalization of society and moral dimension of modern civilization crisis.....	10
Vinogray E. G. Categorical analysis, reconstruction and algorithm systems approach.....	16
Stepanov A. A. Conceptual model of self-identifying human evolution.....	31

CULTUROLOGY

Okladnikova E. A. Structural model of the country image and its archaic components.....	39
--	----

HISTORY OF ART

Khilko N. F. Professional and amateur film making of Western Siberia in the system of interaction: past and present.....	48
--	----

MUSICAL ARTS

Popov K. A. Church singing and spirituality.....	56
Umnova I. G. Spiritual guidance of creativity of domestic composers recorded in memoirs and essays.....	61
Chikunova N. A. Composite laws of church service of the entry of the most Holy Theotokos into the Temple.....	66
Medvedeva N. V. Choral contents of S. V. Rakhmaninov's «Bells» and «The All-Night Vigil» in the light of composer's branding.....	71

SPIRITUALITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: ISSUES AND STRATEGIC DIRECTIONS

Lega V. P. Christian morality: a view from the perspective of Classical philosophy.....	79
Tresvyatskiy L. A. Effect of Russian Orthodox Church on the level of Siberians' religiousness.....	88
Ovchinnikov V. A. Orthodox monastic houses to what is today Kemerovo region in the XVII – the beginning of XXI centuries: traditions and the present state.....	97
Genina E. S. State and Russian Orthodox Church in the middle of 1940th – early 1950th (on the materials of the Kemerovo Region).....	105
Astakhov O. Y. Aesthetic value in theological system of Augustine.....	112
Yurtayeva O. V. Prayer in Russian poetry.....	115
Kuvayeva L. N. Christian tradition in Russian literature.....	122

Kudrina Y. L. Spiritual and moral problems of cultural education development.....	126
Nasonov A. A. Role of religious discipline in the formation of a tolerant attitude towards polyconfessional Russian society.....	132
Glebova M. V. Russian modern school as basis of Russia's spiritual renaissance.....	136
Guskova E. A. Spiritual and moral aspects of raising school age youth.....	143
Ilchenko E. A. Effect of Orthodox cultures on the formation of spiritual and moral characteristics of students.....	148

THE UNIVERSITY SCIENCE LIFE

Sbitneva G. I. TDC Chair teachers at the RLA Annual Conference.....	153
Egle L. Y. Interregional Scientific and Practical Conference of Students «Culture and art: search and discovery».....	157
Ponomarev V. D., Belozyorova M. V., Shunkov A. V., Kovalenko E. A. Responsible creativity of the Fatherland (results of the First Open International Easter Festival of Orthodox Culture).....	159
Astakhov O. Y. Interregional Roundtable «Spirituality in contemporary Russian society: challenges and strategic directions».....	165
Romanova N. I. Results of Socio-cultural Project «Clean Word».....	171
Hearings in the Public Ward of the Kemerovo Region about the role of religious confessions in spiritual and moral upbringing of the younger generation	173
About the authors	183

ОБРАЩЕНИЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ» К. К. КОЛИНА

Уважаемые читатели!

По инициативе редколлегии журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» в настоящее время готовится тематический выпуск этого журнала, посвященный актуальным проблемам информационной культуры.

Редакционный совет предлагает для обсуждения на страницах журнала следующие основные вопросы:

1. Новая информационная культура человека и общества как стратегические факторы развития цивилизации в XXI веке:

- Информационная культура в условиях глобализации;
- Информационная культура и современная технологическая революция;
- Информационная культура и социальный интеллект общества;
- Информационная культура и проблемы информационной безопасности;
- Информационная культура и проблемы устойчивого развития.

2. Социально-экономические аспекты развития информационной культуры:

- Информационная культура общества как социальное благо;
- Информационная культура личности как важный фактор социализации человека в информационном обществе;
- Информационная культура современного специалиста.

3. Информационная культура и информационная безопасность:

- Гуманитарные аспекты информационной безопасности и актуальные проблемы информационной культуры;
- Филологические аспекты информационной безопасности и русскоязычное информационное пространство;
- Этические аспекты информационной безопасности. Информационная этика.

4. Электронная культура в информационном обществе:

- Электронная культура как новое направление развития информационной культуры человека и общества;
- Перспективы развития средств информатики и новые требования к информационной культуре личности;
- Проблемы и перспективы развития новой экранной культуры.

5. Информационная культура и образование:

- Образование в области информационной культуры в России: состояние и проблемы;
- Специфика и проблемы формирования информационной культуры личности в вузах культуры и искусств;
- Зарубежный и отечественный опыт формирования информационной культуры личности в системе образования.

Мне хотелось бы привлечь внимание читателей к этим актуальным проблемам и пригласить к их конструктивному обсуждению на страницах нашего журнала.

Председатель редакционного совета
К. К. Колин

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

К. К. Колин

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Проведен анализ нравственных аспектов современного глобального кризиса развития цивилизации и показано, что его основные причины находятся в гуманитарной сфере общества. Главными из них являются потребительская ориентация общественного сознания, а также снижение уровня нравственности и образованности общества.

Ключевые слова: глобализация общества, кризис цивилизации, нравственность, образование и воспитание.

K. K. Colin

GLOBALIZATION OF SOCIETY AND MORAL DIMENSION OF MODERN CIVILIZATION CRISIS

Moral aspects of contemporary global crisis of civilization development are analyzed and its main causes in the humanitarian sphere of society are shown. The principal among them is consumer orientation of social consciousness as well as reduction of morality and society education.

Keywords: globalization of society, crisis of civilization, morality, education and upbringing.

1. Глобализация общества как цивилизационный процесс

Одной из важнейших доминирующих тенденций развития современного общества является его всеобщая глобализация. Она стала особенно заметно проявлять себя в XXI веке и, по имеющимся прогнозам, в ближайшие годы не только сохранится, но и будет усиливаться.

Слова Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о том, что «глобализация — это то, что действительно определяет нашу эпоху», сказанные им еще в конце XX века, оказались пророческими. Глобализация действительно оказывает сильное влияние на многие важнейшие процессы жизнедеятельности современного общества, в том числе на экономику, науку, образование и культуру. При этом происходит не только широкое распространение новых товаров и достижений научно-технического прогресса, но также и взаимное проникновение различных культур, беспрецедентное по своим масштабам и последствиям в истории развития человеческого общества [1].

Исследования показывают, что процесс глобализации общества является весьма противоречивым. Он создает и новые возможности для развития человека и общества, и новые весьма серьезные угрозы для этого развития. Одной из таких угроз является *нравственная деградация общества*, которая в значительной мере обусловлена все боль-

шим распространением культурных ценностей и приоритетов стран Запада, ориентированных, главным образом, на личный успех и неограниченное потребление в ущерб духовному развитию человека.

В данной работе сделана попытка анализа именно нравственных аспектов процесса глобализации общества, которые, по мнению автора, и являются основными причинами системного кризиса цивилизации.

2. Гуманитарные причины современного кризиса цивилизации

По оценкам многих специалистов, духовная культура современного общества находится в состоянии глубокого кризиса. Именно этот кризис и является главной причиной основных глобальных проблем современности, дальнейшее развитие которых представляет собой реальную угрозу для дальнейшего существования и развития цивилизации.

Повышение внимания к гуманитарным аспектам проблем национальной и международной безопасности, которое наблюдается в последнее время, можно объяснить следующими двумя причинами. Первая из них заключается в том, что в последние годы все больше начинает осознаваться тот факт, что именно человек является главным компонентом богатства любой страны. Поэтому защита его жизненно важных интересов и ценностей и должна стать главной задачей систем национальной и международной безопасности. Ранее в качестве такой задачи рассматривалась, главным образом, лишь защита жизненно важных интересов государства.

Сегодня мы вновь обращаемся к личности человека, к проблемам защиты его прав, чести и достоинства, духовных ценностей и культуры. Именно это и обуславливает тот новый подход к проблемам национальной и международной безопасности, который предлагается положить в основу дальнейшей деятельности ООН и стратегии обеспечения национальной безопасности суверенных государств в XXI веке.

Вторая причина состоит в том, что именно в результате деятельности человека и возникают все те основные угрозы, которым должны противостоять системы международной и национальной безопасности. Иначе говоря, глобальные угрозы, а также беды и несчастья, которые сегодня переживает человечество, в своем подавляющем большинстве являются результатами деятельности самих людей, как наших современников, так и минувших поколений. Даже у многих участвовавших сегодня природных катаклизмов ученые обоснованно видят техногенную первопричину.

Именно поэтому проблемы обеспечения дальнейшего устойчивого развития цивилизации принципиально не могут быть эффективно решены без улаживания соответствующих нравственных и этических вопросов в человеческом сообществе, в том числе касающихся справедливого распределения природных ресурсов, а также тех новых благ, которые сегодня создаются в результате технологического прогресса.

Таким образом, ключ к решению глобальных проблем современности и обеспечению безопасного и устойчивого развития цивилизации сегодня следует искать не в экономике или геополитике, а в гуманитарной сфере, в решении проблем повышения нравственности и духовной культуры человека и общества.

3. Глобализация общества и культурная экспансия

Многие из перечисленных выше угроз обусловлены развитием процессов глобализации мирового сообщества, результатами которого является не только формирование международных рынков и общего экономического пространства, но также и *культурная*

экспансия со стороны стран Западной Европы и США по отношению к другим странам мира [1; 4]. Происходящая сегодня в результате этой экспансии девальвация культурных и нравственных ценностей является, по мнению ряда ученых, в том числе из капиталистических стран [5], главной причиной системного кризиса цивилизации, одно из наглядных проявлений которого – современный глобальный финансово-экономический кризис. Мало того, именно девальвация культурных и нравственных ценностей представляет собой сегодня основную угрозу для дальнейшего безопасного развития современной цивилизации, основанной на стремлении к неограниченному потреблению и социальном неравенстве [2].

Если же рассмотреть внутреннюю структуру угрозы развития потребительски ориентированной культуры, то в ней можно выделить следующие три основных компонента. Первый из них связан со все большим расслоением общества на богатых и бедных. Исследования показывают, что сегодня лишь 10 % населения земного шара принадлежат к материально обеспеченному классу. Вместе с тем, именно эти люди потребляют более трех четвертей всех ресурсов нашей планеты. Понятно, что такой уровень потребления невозможно обеспечить для всего населения Земли, численность которого ежегодно возрастает на 90 млн чел. и уже приближается к 7 млрд.

Режим сверхпотребления является губительным не только для нашей планеты, но и для самого человека. И, тем не менее, процесс социального расслоения в обществе продолжается, что является одной из главных причин роста социальной напряженности как в отдельных странах, так и в мировом сообществе в целом. Этому в значительной степени способствует процесс глобальной информатизации общества. Развитие глобальной сети Интернет и телевидения, где пропагандируется западный образ жизни и рекламируются предметы роскоши, содействует возникновению у многих людей чувства несправедливости современного социального мироустройства, что значительно повышает социальную напряженность.

4. Нравственные приоритеты общества и устойчивое развитие

Перспективы дальнейшего безопасного и устойчивого развития цивилизации самым тесным образом связаны с состоянием духовной культуры общества, ее ценностными ориентирами и приоритетами. Духовная культура является сегодня важнейшим стратегическим фактором обеспечения выживания человечества перед лицом быстро нарастающего глобального экологического кризиса, а также обострения международной борьбы за энергетические и природные ресурсы.

И здесь вполне уместно вспомнить известное высказывание И. Канта о моральном законе в человеке. Моральный закон в душе каждого человека – только он может обеспечить выживание человечества в современном все более сложном и опасном мире.

В формировании этого нравственного закона и заключается основная стратегическая задача духовной культуры на современном этапе развития цивилизации.

5. Духовно-нравственные аспекты обеспечения национальной безопасности и модернизации России

В 2009 году Президент России утвердил Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Она представляет собою официально признанную систему стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого

развития государства на долгосрочную перспективу. В тексте Стратегии отмечается, что условия глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений формируют новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, и в этих условиях Россия переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности.

Главными отличительными чертами этой политики являются комплексный подход к проблеме национальной безопасности и ее обеспечение, главным образом, путем реализации новой стратегии развития страны, основанной на ее системной модернизации. Поэтому концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности должны базироваться на взаимосвязи и взаимозависимости Стратегии национальной безопасности России и Концепции ее долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 года.

В то же время многие актуальные проблемы социально-экономического развития нашей страны обусловлены не только состоянием ее промышленности, транспорта, информационной инфраструктуры, но, главным образом, гуманитарными факторами, в числе которых наиболее важными являются духовная культура общества и национальное единство страны. Именно эти факторы и являются в современных условиях определяющими как для успешного социально-экономического развития России, так и для противодействия внутренним и внешним угрозам национальной безопасности.

Основные цели, задачи и направления модернизации России на ближайший период определены в Послании ее Президента Д. А. Медведева к Федеральному собранию Российской Федерации от 12 октября 2009 года. В нем показано, что системная модернизация России, результатом которой должны стать существенное повышение качества жизни населения и обретение нашей страной статуса мировой державы, самым тесным образом связана с необходимостью решения ряда задач, напрямую относящихся к сфере духовной культуры. В их числе были названы следующие:

- закрепление в национальной культуре нравственных установок и моделей поведения, которые определяют успешное развитие личности и нации в целом;
- сбережение единого культурного пространства страны во всем его многообразии;
- сохранение богатых национальных традиций народов России, а также традиций и наследия нашей культуры;
- развитие и совершенствование программ обучения русскому языку;
- воспитание молодежи в духе интеллектуальной свободы и гражданской ответственности;
- воспитание в гражданах нетерпимости к любым формам проявления коррупции;
- рост гражданского самосознания и развитие институтов гражданского общества.

Конечно же, это далеко не полный перечень тех задач, которые предстоит решить в сфере духовной культуры России для того, чтобы она стала, по определению Д. А. Медведева, «обществом умных, свободных и ответственных людей». Однако из содержания приведенных выше задач видно, что для реализации новой государственной политики системной модернизации страны необходимо адекватным образом изменить государственную политику в сфере духовной культуры. Здесь требуется системный подход, скоординированные действия федеральных и региональных органов государственной власти, а также организаций сферы образования, бизнеса, массовой информации, культуры и искусства, общественных организаций, входящих в состав формирующегося в России гражданского общества.

По существу, речь идет о необходимости разработки и реализации в период 2010–2020 годов долгосрочной целевой программы «Культура России». Необходимость этой Программы обусловлена тем, что в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года проблемы духовной культуры практически не рассматриваются. Анализ содержания этой Концепции показал, что духовная культура России как фактор ее социально-экономического развития в этом документе вообще не учитывается.

В то же время, анализ приведенного выше перечня задач в сфере духовной культуры, а также публикаций по этой проблеме свидетельствует о том, что у многих отечественных ученых и специалистов принципиально иная точка зрения на роль духовно-нравственных факторов в процессе системной модернизации страны. Они придают этим факторам первостепенное значение и считают их определяющими. Поэтому представляется необходимым более подробно проанализировать состояние духовной культуры России, а также имеющиеся здесь основные тенденции и процессы, которые являются угрозами для национальной безопасности. Только на этой основе могут быть определены направления государственной политики России в сфере духовной культуры на период до 2020 года. Некоторые результаты такого анализа представлены в работе [11].

6. Глобализация общества и научные исследования

Исследованию процесса глобализации общества в настоящее время уделяется значительное внимание в различных странах, в том числе и в России. В последние годы это внимание явно усиливается. Свидетельством этого может служить, например, создание Отделения глобальных проблем и международных отношений в составе Российской академии наук. Решение об этом было принято на общем собрании РАН в мае 2010 года.

Научно-исследовательский центр исследования глобальных процессов и устойчивого развития создан в 2008 году в составе Российского государственного торгово-экономического университета. Возглавляет его известный специалист в области глобализации и устойчивого развития академик АН Молдовы, доктор философских наук, профессор А. Д. Урсул. Свои исследования процессов глобализации общества этот Центр осуществляет с учетом их взаимосвязи с проблемами устойчивого и безопасного развития общества, а также его информатизации. В настоящее время готовится к печати сборник научных трудов этого Центра, посвященных данным вопросам.

В то же время необходимо отметить, что подавляющее большинство современных исследований процессов глобализации общества связаны, главным образом, с их философскими, геополитическими и экономическими аспектами, в то время как гуманитарным, в том числе нравственным, аспектам этой проблемы все еще уделяется недостаточное внимание.

7. Глобализация общества и образование

К сожалению, проблемы глобализации общества в современной системе российского образования на необходимом уровне еще не изучаются. Хотя, конечно же, знание о них сегодня необходимо каждому образованному человеку. Причин здесь много. Одна из них – это отсутствие соответствующих требований в государственных образовательных стандартах высшей школы. Другая причина – недостаточная методическая проработанность данной учебной дисциплины и дефицит необходимой учебной литературы.

Конечно, большое значение имеет и подготовка педагогических кадров, которые могли бы вести такие учебные курсы в российских вузах. Но все же самая главная причина здесь, вероятнее всего, состоит в том, что мировоззренческое значение изучения проблем глобализации общества в высшей школе России руководителями отечественного образования еще на должном уровне не осознано, хотя определенные подвижки в этом направлении в последние годы уже имеются.

Так, например, в структуре МГУ им. М. В. Ломоносова пять лет тому назад был создан факультет глобальных процессов, который стал одним из организаторов и участников недавно состоявшейся в этом университете крупной международной конференции, специально посвященной глобальным исследованиям. В составе данного факультета имеется кафедра *глобалистики* – сравнительно нового междисциплинарно-интегративного направления научных исследований, объектом которого являются процессы глобализации общества и связанные с ними глобальные проблемы.

В настоящее время студенты вышеуказанного факультета изучают новый курс «Глобальный эволюционизм», который направлен на раскрытие основного содержания эволюционных идей в глобалистике и связи этого научного направления с универсальной эволюцией. Программа курса разработана А. Д. Урсулом и является инновационной для системы высшей школы России [10].

Определенный интерес к изучению проблем глобализации общества и других аспектов глобалистики проявляют сегодня и руководители Сибирского федерального университета. В частности, в настоящее время в интересах повышения качества образования этим университетом совместно с учеными ряда институтов РАН начата реализация инициативного научно-образовательного проекта «Академические лекции ведущих ученых России по актуальным проблемам развития науки, образования, техники и технологий».

Уже на первом этапе деятельности в рамках этого проекта, в 2010 году будут разработаны и изданы в виде отдельных брошюр для использования в учебном процессе две академических лекции, посвященные проблемам глобализации общества и эволюционной глобалистики [8; 9].

В дальнейшем планируется чтение этих лекций в режиме телеконференций для преподавателей, аспирантов и студентов заинтересованных вузов, а также их размещение в сети Интернет в виде электронных образовательных ресурсов.

Примечания

1. Колин К. К. Проблемы глобализации: этнос и нация в культурологической перспективе // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2004. – № 4. – С. 17–23.
2. Колин К. К. Безопасное развитие общества как гуманитарная проблема. Международная безопасность России в условиях глобализации. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – С. 383–390.
3. Колин К. К. Гуманитарные аспекты проблем национальной и международной безопасности // Открытое образование. – 2010. – № 2. – С. 62–68.
4. Колин К. К. Неоглобализм и культура: новые угрозы для национальной безопасности // Знание. Понимание. Умение: научный журнал МГУ. – 2005. – № 2. – С. 104–111; № 3. – С. 80–87.
5. Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания: трансатлантический диалог: пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 284 с.
6. Колин К. К. Духовная культура как стратегический фактор национальной и международной безопасности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. – № 1. – С. 27–45.

7. Колин К. К. Информатизация общества в условиях глобализации: современное состояние и актуальные проблемы: лекция для студентов, обучающихся по программам специалитета и магистратуры различных направлений. – Красноярск: ИПК СФУ, 2009. – 42 с.
8. Урсул А. Д. Глобальное знание и глобальное образование (эволюционный подход). – Красноярск: ИПК СФУ, 2010 (в печати).
9. Урсул А. Д. Глобальный эволюционизм: учеб.-метод. пособие. – М.: МАКСпресс, 2010. – 48 с.
10. Астафьева О. Н., Колин К. К. Концептуальные основы государственной политики в области духовной культуры для обеспечения единства российского народа и национальной безопасности Российской Федерации. – Челябинск: ЧГАКИ, 2010. – 67 с.

Э. Г. Винограй

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, РЕКОНСТРУКЦИЯ И АЛГОРИТМИЗАЦИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Осуществлен категориальный анализ основных вариантов системного подхода. Сформирован обобщающий категориальный базис системных исследований методом системно-диалектической реконструкции рассмотренных категориальных форм.

Ключевые слова: системный подход, категориальный анализ системного подхода, системно-диалектическая реконструкция, категориальный базис системных исследований.

E. G. Vinogray

CATEGORIAL ANALYSIS, RECONSTRUCTION AND ALGORITHM SYSTEMS APPROACH

Categorical analysis of basic variants of a systematic approach is conducted. Summarizing categorical basis of systematic research by systematic dialectic reconstruction of reviewed categorical forms is made.

Keywords: systematic approach, categorical analysis of the systematic approach, systematic dialectic reconstruction, categorical basis of the systematic research.

«Диалектический момент»... требует указания различия, связи, перехода..., «единства» отрицательного с положительным, нахождения положительного в отрицательном... Без этого простое положительное утверждение неполно, безжизненно, мертво [20, т. 29, с. 208].

В. И. Ленин

Формирование всесторонне развитой, конструктивной системной методологии существенно зависит от полноты, точности, функциональной действенности категориального аппарата, положенного в ее основу. Категориальный аппарат является ведущим концептуальным конструктом, направляющим теоретический поиск, формообразование системного подхода и аккумуляцию основных итогов его развития [18; 24]. Разработанные к настоящему времени многообразные варианты категориальных структур систем-

ного подхода и общей теории систем (ОТС) внесли значительный вклад в становление системных представлений. Однако для целей всестороннего обобщения и углубления опыта, накопленного в сфере системных исследований, они все же недостаточны. Достижение данных целей требует основательной реконструкции категориального аппарата, т. е. его существенного обогащения, уточнения и преобразования. По нашему убеждению, адекватность подобной реконструкции достижима при ее осуществлении с системно-диалектических позиций. Поэтому **логическую основу предстоящей реконструкции составляет системно-диалектический подход**, определяющий главные ориентиры настоящего исследования.

Во-первых, таким ориентиром является *курс на аккумуляцию опыта существующих категориальных вариантов системного мышления*, обусловленный требованиями диалектического закона преемственности. Накопление опыта является необходимой предпосылкой наращивания всесторонности и обоснованности категориального инструментария.

Во-вторых, диалектическое построение системной методологии предполагает развертывание искомого категориального аппарата в деятельностном ракурсе. Необходимо избежать превращения его в упорядоченную тем или иным образом, но функционально неподвижную конструкцию. **Система категорий должна быть одновременно методологическим алгоритмом познания и действия** или, по выражению И. Канта, «...путеводной нитью, указывающей как и через какие пункты необходимо проводить исследование» [15, т. 4, с. 145]. Актуальным условием разработки такой системы категорий является известное методологическое требование: «Категории надо **вывести** (а не произвольно или механически взять) (не “рассказывая”, не “уверая”, а **доказывая**)...» [20, т. 29, с. 86].

В-третьих, непосредственным критериальным основанием предстоящей реконструкции является **критерий системного построения категориального аппарата системного подхода**. Такой критерий, детализированный в своих главных чертах, позволит объективно классифицировать и оценить существующие категориальные формы системного мышления, выделить их позитивные стороны, обнаружить ограничения, определить способы взаимодополнения, обобщения и развития их позитивных результатов. Конкретизирующими ориентирами, уточняющими критерий системности искомого аппарата, являются следующие требования:

* *полнота категориального состава* для отражения общесистемных качеств и закономерностей в пределах всего класса сложноорганизованных объектов. Требование полноты предполагает необходимость и достаточность выделяемого базового состава общесистемных категорий для детализирующего развития на их основе конкретно-системных представлений;

* *отражение в структуре категориального аппарата системного подхода объективной логики системодействия сложных объектов;*

* *категория «система» должна формироваться в контексте всего аппарата системного подхода как его обобщающий, связующий конструкт*. Она должна отражать функциональный механизм взаимосвязи категорий в системном исследовании, проектировании, управлении.

Последние два требования позволяют развернуть системный категориальный аппарат в наиболее развитом, функционально-деятельностном ракурсе, адекватном потребностям практического использования.

Сформулированные требования совместно составляют **комплексный критерий системности категориального аппарата системного подхода**, который позволяет перейти к конкретному анализу категориальных форм, актуальных для настоящего исследования. Рассмотрим с точки зрения этого критерия ряд наиболее продуктивных, на наш взгляд, категориальных вариантов системного подхода, предложенных В. Г. Афанасьевым, М. С. Каганом, В. Н. Сагатовским, Э. Квейдом. Выбор данных вариантов обусловлен тем, что они оперируют категориальными структурами, характеризующими ядро системного мышления, его ключевые звенья и формы.

По характеру построения рассматриваемые варианты можно разделить на две группы. Первые два варианта представляют комплексы системных характеристик, ориентированные на всестороннее описание развитых системных объектов. Отличительной чертой второй пары вариантов является то, что они сформированы не как дескриптивные категориальные комплексы, а как конструктивные методологические алгоритмы. Выделяемые в них категории не просто скоординированы по содержанию – они скомпонованы в систему последовательных логических ступеней познания, проектирования, управления.

В. Г. Афанасьев, определяя систему как «...совокупность объектов, взаимодействие которых вызывает появление новых интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим систему компонентам» [5, с. 99], выделяет следующие аспекты и, соответственно, категориальные характеристики системного подхода:

- * системно-элементный, отвечающий на вопрос, из каких компонентов состоит система;
- * системно-структурный, раскрывающий способ взаимодействия компонентов системы;
- * системно-функциональный, показывающий, какие функции выполняют система и образующие ее компоненты;
- * системно-интегративный, раскрывающий факторы сохранения, совершенствования и развития системы; в применении к социальным системам имеются в виду факторы управления;
- * системно-процессуальный (процедурный, операционный), показывающий, какие процессы совершаются в системе в целях сохранения ее целостности, совершенствования и развития;
- * системно-коммуникационный, где речь идет о взаимосвязях данной системы с другими как по горизонтали, так и по вертикали;
- * системно-исторический, отвечающий на вопрос, каким образом возникла система, какие этапы в своем развитии проходила, каковы ее исторические перспективы [6, с. 85].

В. Г. Афанасьев отмечает, что «только в единстве, взаимодействии эти аспекты превращают системный подход в могучее оружие познания и преобразования общества» [5, с. 111]. Однако способы достижения такого единства в работах данного автора, по существу, не раскрываются. Сформулированное понятие системы, весьма интересное и ценное в общем плане, дополняет другие системные категории внешним образом и не проясняет в явном виде механизм их взаимодействия в процессе познания и системной деятельности. Поэтому рассматриваемый категориальный комплекс, являясь по своему составу одним из развитых, все же не отвечает в должной мере структурным (второму и третьему) требованиям критерия системности.

Вариант системного подхода, развиваемый М. С. Каганом [13; 14], весьма близок по своему базовому категориальному составу к варианту В. Г. Афанасьева. Согласно данному подходу, рассмотрение сложнодинамических систем осуществляется как в статике, так и в динамике. Статический (предметный) аспект анализа включает выделение компонентов системы и способа их связи (структуры). Динамический аспект также исследуется в двух плоскостях: функционирование (деятельность системы) и развитие (возникновение, становление, эволюционирование, разрушение). По мнению М. С. Кагана, адекватное представление о сложнодинамической системе возникает при сопряжении трех плоскостей ее анализа: предметной, функциональной (отождествляемой с функционированием) и исторической. Функционирование рассматривается в данном подходе с внешней и внутренней сторон. В историческом аспекте также выделяются две стороны: генетическая и прогностическая. Особенностью варианта М. С. Кагана является присущая ему исследовательская ориентация на установление целостной взаимосвязи выделенных плоскостей системного подхода. Выдвижение такой задачи в качестве самостоятельного аспекта категориального анализа представляет собой принципиально важный, конструктивный шаг к достижению интегрированности и действенности искомого аппарата. «Единственный эффективный путь решения этой задачи – подход к изучаемой системе как части некоей метасистемы, т. е. извне, из среды, в которую она вписана и в которой она функционирует – считает М. С. Каган. – Только так можно понять закономерности возникновения, существования и назначения данной системы... в обнимающей ее метасистеме. И лишь получив такое общее представление об интересующем нас системном объекте, мы вправе придвинуть к нему вплотную наш исследовательский объектив и начать рассматривать его крупным планом...» [13, с. 37]. Идея Кагана о том, что начальным пунктом системного исследования должно быть выявление места, роли и связей объекта в объемлющей метасистеме, является ценным обобщением опыта системной деятельности, которое необходимо учесть при формировании базового, интегрированного аппарата системного подхода. Однако предлагаемое метасистемное начало исследования, исходя «извне, из среды», является все же недостаточным для перехода к целостному рассмотрению объекта. Как показал В. П. Кузьмин, целостное, «системоцентрическое» видение объекта предполагает сопряжение как минимум трех масштабов его рассмотрения: а) со стороны объемлющих метасистем, б) в собственном масштабе и в) со стороны объемлемых подсистем [19]. Односторонность внешнего, «метасистемного» начала исследования означает, что предпринятая в варианте М. С. Кагана попытка вскрытия главного, стержневого отношения, определяющего логику отображения целостности объекта, все же не доведена до завершения. Многообразные характеристики понятия «система», рассматриваемые в данном варианте, также не приведены здесь к форме обобщающего интегрального конструкта, вскрывающего способ взаимодействия категориальных характеристик в познании и преобразовательной деятельности. Поэтому и данный вариант, являющийся значительной ступенью на пути к целостной, действенной концепции системного подхода, все же не в полной мере отвечает ее структурно-интегративным критериям.

Варианты системного подхода, разработанные Э. Квейдом и В. Н. Сагатовским, имеют характер методологических алгоритмов, в которых порядок и взаимосвязь категорий задают логику системного анализа сложных объектов. Эти их конструктивные черты дополняются расширением диапазона методологических ориентаций не только на ис-

следовательский, но и на проектировочный, организационно-деятельностный ракурсы. Алгоритмическая конструкция данных вариантов приближает их к известному идеалу построения системы категорий как закономерной последовательности логических ступеней познания (Г. Гегель).

Вариант В. Н. Сагатовского [26] базируется на категориальной модели, исследовательский аспект которой имеет вид следующей алгоритмической процедуры: *свойства* (сохранение, функционирование, развитие) → *конструкция* → *целевое состояние* (цель) → *системопорождающее противоречие* (проблемная ситуация). На каждом из этапов системного исследования предполагается учет внешних условий.

В проектировочном аспекте алгоритм системного подхода состоит из тех же компонентов, но в противоположной последовательности: *системопорождающее противоречие* (проблемная ситуация) → *целевое состояние* (цель) → *конструкция* → *свойства* (сохранение, функционирование, развитие). Учет внешних условий также осуществляется на всех этапах процедуры.

Определение системы в варианте В. Н. Сагатовского связывает выделенные категориальные параметры в обобщающий концепт, отображающий существенные моменты системообразования: «...система – это конечное множество элементов, объединенных динамическими и статическими отношениями, которое с необходимостью и достаточностью обуславливает наличие целенаправленных свойств, позволяющих решать системопорождающее противоречие в определенных внешних условиях» [26, с. 66].

Существенной особенностью данного подхода является представление проектировочного варианта категориальной процедуры в форме аналога реальных процессов системной деятельности. Независимо от адекватности воплощения, эта попытка – значимый шаг вперед в обеспечении структурных условий системности категориального аппарата. Другим важным моментом, присущим рассматриваемому варианту, является введение в категориальную конструкцию понятия «системопорождающее противоречие (проблемная ситуация)». Этим, во-первых, выявляется новый существенный категориальный компонент, отсутствующий в рассмотренных ранее вариантах; во-вторых – создается основа для отображения в категориальном аппарате одной из коренных системных закономерностей, которая может быть сжато сформулирована следующим образом: ***системы порождаются противоречиями и являются средством их разрешения*** [10]. Противоречие – один из главных системопорождающих и системоформирующих факторов, инициирующих системно-организационные явления и существенно влияющих на их направленность. Этот вывод, опирающийся на многовековой опыт диалектики и конкретных наук о сложных объектах, подтверждается практикой общественного развития, современными концепциями системной деятельности в сферах изобретательства, проектирования технологических комплексов и др. [3; 22]. Категория «противоречие» отражает причинное ядро процессов системообразования и системодействия. Поэтому она образует закономерную исходную «клеточку» развертывания системного подхода. На наш взгляд, именно из представления о противоречии как главном системопорождающем факторе, а системе как средстве разрешения противоречий вытекают как частные случаи все другие определения и представления системы. Именно для разрешения противоречий оказываются необходимыми и множество компонентов, и взаимодействие между ними, и целенаправленная динамика множества как целого, и эмерджентные свойства, отсутствующие у компонентов, т. е. все те частные характеристики, акцентирование которых различными авторами составило основу построения многочисленных,

разнородных определений системы. Недостаточность этих определений для построения полноценного аппарата системного подхода объясняется тем, что большинство из них не ухватывают глубинной основы механизма системообразования через противоречие, а отражают и ставят в центр рассмотрения отдельные внешние (чаще всего структурные) характеристики системных явлений [4].

С точки зрения третьего из условий системности категориального аппарата важно обратить внимание и на подход В. Н. Сагатовского к построению понятия системы. Как уже отмечалось, понятие системы в данном варианте интегрирует весь аппарат, отображая логическую взаимосвязь других системных категорий. Эта черта, усиливающая целостность и конструктивность создаваемого аппарата, также должна быть учтена при построении обобщающей концепции системного подхода.

Вариант системного анализа, разработанный специалистами американской корпорации РЭНД, известной своими исследованиями стратегических проблем военного планирования, политики, экономики [16], в изложении Э. Квейда предполагает реализацию «...цикла, состоящего из формулировки проблемы, отбора целей, составления альтернатив, сбора данных, построения моделей, взвешивания затрат по отношению к результатам...» [17, с. 84]. Существенное место в данном варианте занимают также следующие методические приемы: оценка степени достижения целей, разработка критериев ранжирования альтернатив по предпочтительности, анализ чувствительности решений к изменению исходных предпосылок и оценок, а также анализ неопределенности и ее влияния на результаты системного исследования. Построение системной процедуры в форме алгоритмического цикла является, согласно Квейду, ключевым условием успешности анализа, фактором снижения неопределенности в его ходе. Наличие этих дополняющих методических предпосылок, приемов, операций заметно отличает вариант Квейда от рассмотренных ранее вариантов, носящих более абстрактный характер, не вникающих специально в тонкости конкретных условий осуществления системного исследования. Между тем, указанные методические приемы, занимающие видное место в последнем варианте, очень существенны для успешного применения системного анализа при решении прикладных проблем. Их введение в системную технологию говорит о ее реалистичности, многообразной оснащенности для преодоления сложности реальных ситуаций системной деятельности. Идея альтернативности при выборе способа действий системы, присутствующая в варианте Квейда, также весьма существенна в системном анализе. Альтернативность функционирования и развития сложных объектов является, как показано в [10], одной из значимых системных закономерностей, которая должна найти отражение при формировании системного подхода.

Отличительным моментом вариантов В. Н. Сагатовского и Э. Квейда является введение в системный аппарат понятия цели. Многие авторы считают неоправданным включение данной категории в системный подход, так как при этом, якобы, теряется его всеобщность. Действительно, понятие цели, взятое в узком смысле, является характеристикой лишь человеческой деятельности. Однако важно иметь в виду, что за понятием цели стоят коренные системные проблемы, касающиеся результатов системодействия, функциональности системных свойств, ориентированности структур и системных процессов на разрешение актуальных противоречий. Эти всеобщие системные характеристики, выступающие объективными аналогами цели, являются узловыми в исследовании природы системообразования и интеграции. Тем самым присутствие в системном подходе этапа целеформирования, имеющего всеобщие, объективные основания, яв-

ляется не сужением сферы применимости данного подхода, а лишь способом его развертывания в наиболее развитом, деятельностном ракурсе, адекватном требованиям прикладного использования.

Характеризуя особенности двух последних вариантов, следует подчеркнуть принципиальную значимость алгоритмической формы их построения. Эта форма является эффективным способом системной концептуализации создаваемого аппарата, придания ему черт последовательно развивающегося, поэтапного процесса системной деятельности. Такое построение соответствует объективной логике образования и действия целостных систем, закономерная цикличность которых структурно изоморфна алгоритмическим формам и процедурам. Указанная форма, усиливая функциональную конструктивность системного подхода, одновременно дает ключ к борьбе с неопределенностью при системном исследовании путем уточняющего повторения процедурного цикла, содействует преодолению разнобоя в трактовках системных категорий и т. п. Поэтому алгоритмическую форму построения системного подхода, при которой его категории увязаны в закономерную последовательность логически необходимых ступеней познания и проектирования, следует отметить как важный принцип синтеза позитивного содержания имеющихся системных вариантов.

Сопоставляя варианты Афанасьева, Кагана и Сагатовского-Квейда с точки зрения системной связи категорий, можно заметить, что в этом ряду каждая последующая попытка отличается нарастанием системной концептуализации создаваемого аппарата. Отсюда вытекает естественный вывод: если соединить содержательное разнообразие всех вариантов с конструктивной логической формой двух последних, это создаст основу для формирования развитого системного аппарата, аккумулирующего ценные черты предшествующих категориальных конструкций.

Наряду со сформулированными выводами, основанными на сопоставлении и категориальном анализе рассмотренных вариантов, необходимо принять решение по ряду принципиальных системных проблем, либо вообще не получивших отражения во всех вариантах, либо не нашедших в них удовлетворительного решения.

*** Разграничение понятий: функция, функционирование, поведение. Анализ их соотношения, места и задач в системном аппарате.** Исследование данной группы понятий целесообразно начать с понятия функции. В системном подходе принципиально важно иметь категорию, характеризующую все стороны и аспекты систем (состав, строение, поведение, развитие) с точки зрения их соответствия цели (объективной тенденции), обеспечивающей разрешение актуальных противоречий. Наиболее подходящим претендентом на роль такой категории является понятие функции при соответствующем его определении. Объективным основанием для формирования такого определения является то обстоятельство, что все стороны и аспекты системы находят свое итоговое проявление в ее свойствах. Поскольку же суть системного подхода состоит в рассмотрении объектов как средств достижения целей (разрешения актуальных противоречий), то категория «функция» должна дифференцировать свойства по их ориентированности на эти цели, выделять целеориентированные свойства на фоне всех остальных. При этом необходимо принять во внимание, что одни и те же свойства системы обнаруживают различную степень соответствия цели в зависимости от условий актуальной среды [28]. К примеру, свойства автомобиля, функциональные с точки зрения передвижения на суше, оказываются нефункциональными для передвижения в воздушном пространстве или на море. Поэтому определение функциональности тех или иных свойств вне рассмотрения среды

невозможно; осуществление одних и тех же целей в различных условиях среды может потребовать совершенно различных свойств системы. С учетом всех указанных обстоятельств и требований к понятию функции можно дать ему следующее определение: ***функции – это свойства системы, необходимые для достижения цели (разрешения актуальных противоречий) в заданных условиях среды.*** Одним из следствий данного определения, существенных для адекватного построения процедуры системного подхода, является вывод о том, что выяснение среды должно предшествовать определению функций при проведении системного анализа, проектировании, управлении. Другим следствием сформулированного определения является недопустимость смешения в системном подходе функционального аспекта систем с аспектом функционирования и, тем более, с аспектом поведения. Во-первых, не любое поведение (деятельность, активность) может быть названо функционированием; такое смешение лишает системный подход возможности дифференцировать формы поведения по их функциональности. ***Функционированием можно назвать лишь функциональное поведение***, то есть поведение, ориентированное на разрешение актуальных противоречий. В общем же случае поведение может быть и дисфункциональным, и нейтральным. Во-вторых, связывать функциональность лишь с динамикой систем неправомерно по той причине, что при этом из поля зрения системного подхода исчезает функциональный аспект статических систем, а кроме того теряется возможность оценки функциональности структур и конструкций динамических систем, значимость которой в системном подходе несомненна. В-третьих, при отождествлении понятий «функция» и «функционирование» системный подход теряет способность оценки различных тенденций развития систем по их функциональности. Это нанесло бы серьезный ущерб его использованию в решении задач перспективного планирования и прогнозирования, где отражение функциональности или же дисфункциональности возможных тенденций развития имеет актуальное значение. Приведенные аргументы показывают, что неразличение или смешение понятий «функция», «функционирование», «поведение» ведет к образованию в конструкции системного подхода серьезных дефектов, делающих невозможным или ошибочным решение ряда важных задач. Поэтому при построении искомого категориального аппарата следует учесть разнокачественность этих понятий, обеспечив их встраивание в логическую конструкцию системного подхода соответственно указанным выше соотношениям.

*** Развитие в системном аппарате категориального базиса отображения организационных механизмов и процессов.** Во всех рассмотренных вариантах системного подхода категориальный аппарат описания организационных механизмов, целеориентирующих систему на разрешение актуальных противоречий, по существу, отсутствует, что, несомненно, является существенным упущением. Ключевое для системной методологии понятие «организация» вообще не получило в них своего отражения и определения. Обращение к другим источникам, где так или иначе рассматривается это понятие, обнаруживает значительный разноречивый в его трактовках. Организация чаще всего трактуется: а) как синоним структуры; б) как высшая (организмическая) система; в) как социальный институт; г) как упорядоченность системы; д) как взаимосвязь поведения частей; е) как взаимное содействие частей успеху целого; ж) как процесс упорядочивания частей в целесообразное единство; з) как практический способ воспроизводства и нормализации деятельности; и) как аппарат принятия решений и т. п. [1; 7; 8; 11; 12; 28; 30]. Было бы бессмысленным искать такое определение данного понятия, которое охватывает все эти разнокачественные значения. Подобное определение неизбежно оказалось бы эклек-

тичным и неработоспособным. Конструктивный путь формирования искомого понятия состоит, на наш взгляд, в придании ему такого значения, которое наиболее актуально с точки зрения реальных потребностей организационной практики, органически дополняет другие категории системного подхода, придавая всему аппарату завершенность, и, наконец, соответствует статусу и задачам системной методологии. Этим требованиям в наибольшей степени отвечает **понимание организации как категории, характеризующей механизм обеспечения функциональности системы, т. е. фокусированности ее характеристик на разрешение актуальных противоречий**. Оно включает в качестве своих частных моментов те из ранее перечисленных трактовок, которые связывают это понятие с направленной упорядоченностью системы, целесообразным взаимодействием частей, процессом формирования их взаимодействия в достижении цели и т. п.

Адекватное отражение организационных характеристик систем в категориальном аппарате системного подхода требует учета ряда существенных граней организации. Прежде всего заметим, что организация, рассматриваемая в качестве всеобщей системной характеристики, реализуется минимум в трех аспектах: 1) как **организационный механизм**, формирующий функциональную ориентированность системы на разрешение актуальных противоречий; 2) как **организационный процесс**, реализуемый данным механизмом; 3) как **свойство организованности**, заключающееся в функциональной ориентированности системы, формируемой соответствующим механизмом и процессом. Категориальное отображение организационных характеристик сложных объектов требует, далее, уточнить соотношение категорий «организация» и «управление». Сопоставительный анализ этих категорий показывает, что управление является ведущим, но не единственным компонентом **организационного процесса**. На уровне организационных процессов, формирующих функциональную ориентированность конструкции и динамики системы, можно выделить три основных фактора, от которых зависит возможность и эффективность целенаправленного организационного воздействия:

- а) ресурсное и информационное обеспечение;
- б) управление, т. е. выработка управляющей информации, доведение ее до исполнительных подсистем и контроль исполнения;
- в) исполнение, т. е. преобразование управляющей информации непосредственно в функциональные эффекты.

Качество и соотношение этих организационных факторов, их согласованность и сопряженность определяют, на наш взгляд, функциональную эффективность организационных процессов, детерминируемых необходимостью разрешения актуальных противоречий системы. Поэтому соответствующие категории (ресурсы, информация, управление, исполнение) должны войти в категориальный базис отображения **функционально детерминированных** организационных явлений и вписаться в общую конструкцию аппарата системного подхода.

Другим классом организационных явлений, коренным образом отличающимся от рассмотренных функционально детерминированных процессов, являются **спонтанные процессы самоорганизации**, составляющие предмет синергетики. Главная идея этого нового научного направления заключается в том, что источником спонтанных самоорганизационных процессов являются факторы случайности, неравновесности, нелинейности, открытости, характерные для сложноорганизованных систем. Процессы спонтанной самоорганизации, в отличие от функционально детерминированных организационных

процессов, могут иметь не только функциональный, но и дисфункциональный характер. На это обстоятельство, которое имеет для системной методологии фундаментальное значение, большинство специалистов, использующих синергетические представления, обычно не обращают внимания. Синергетическая терминология, включающая категории «хаос», «диссипативные структуры», «аттракторы», «нелинейность», «неравновесность», «открытость», «бифуркации» и др., требует осмысления с системных позиций, основательного уточнения и обоснования.

Мы высоко оцениваем потенциал синергетики, считаем, что она может содействовать обнаружению новых системных закономерностей и дать импульс развитию системной методологии в целом. Вместе с тем, важно осознать и своевременно отсеять ряд деструктивных тенденций, связанных как с незрелостью самих синергетических представлений, так и с попытками их легковесного использования для продвижения ряда сомнительных «теорий» и «проектов».

Прежде всего, обращает на себя внимание назойливая реклама поверхностных, односторонних синергетических рецептов решения ряда серьезных государственных и даже глобальных проблем. Знаковым примером подобного рода могут служить пути модернизации российского общества путем возрастания его «открытости». Они начали в широких масштабах реализовываться в России с конца 80-х годов XX века без учета того, что с ростом открытости в реформируемой системе должны одновременно создаваться надежные национально-государственные «фильтры», т. е. специальные институты и технологии защиты, блокирующие разрушительные контакты и обмены с мировой системой. Неудивительно, что форсирование «открытости» при отсутствии подобных «фильтров» привело к лавине разрушительных процессов в стране: неконтролируемой утечке за рубеж ценных стратегических ресурсов, капиталов, высококачественных предметов потребления, запасов советского оружия, научных кадров высшей квалификации, передовых научно-технологических разработок и др. и одновременному интенсивному проникновению в страну наркотиков, порнографии, некачественного алкоголя и продовольствия, иностранных агентов, преступников и авантюристов всех мастей, низкопробных образцов западной массовой культуры, пропагандирующих насилие, аморальность, продажность и т. п. В итоге одностороннее, неадекватное применение синергетических рецептов «открытости», «неравновесности» развития и др. нанесло России и ряду других стран огромный ущерб. Далее, необходимо обратить внимание на необоснованность попыток представить синергетику как «наиболее современную» методологию, способную, якобы, заменить «устаревшую» диалектику и предшествующие системные теории [27]. На самом деле синергетические представления составляют лишь узкий фрагмент системного знания, необходимый, но, в то же время, односторонний и недостаточный для глубокого и целостного отображения системной реальности. Поэтому при формировании развитого, целостного категориального базиса системного подхода необходимо обеспечить адекватное категориальное отражение явлений спонтанной самоорганизации в сопряжении с категориальными представлениями о функционально детерминированных формах организации и с другими системными категориями.

Таковы основные итоги **категориального анализа** ряда основных версий системного подхода. Они создают основу для формирования современного развитого категориального базиса системной методологии путем обобщающего синтеза конструктивных черт рассмотренных вариантов, а также внесения тех уточнений, дополнений и преобразований, которые необходимы для полноценной реализации системным подходом своей роли

в познании и организационной практике. **Итогом искомого категориального синтеза является представление категориального аппарата системного подхода в виде следующего методологического алгоритма познания и проектирования систем:**

I. Фиксируются **актуальные (проблемопорождающие) противоречия**, препятствующие функционированию и развитию объекта (отсутствие необходимых структур, свойств, ресурсов, диспропорции между компонентами, неадекватность способов действий, внешние и внутренние препятствия и т. п.). Адекватное отображение актуальных противоречий объекта требует **многомерного подхода** к их выявлению: а) в масштабе взаимодействия с объемлющей метасистемой; б) в собственном масштабе объекта, взаимодействующего со средой; в) в масштабе взаимодействия со своими подсистемами [19]. Практически на данном этапе приходится сталкиваться с **комплексом взаимосвязанных актуальных противоречий**, исследование которых требует учета их взаимовлияния, выделения главного противоречия, анализа их комплексного воздействия на объект.

II. Определяются **цели**, достижение которых позволяет разрешить актуальные противоречия (проблемные ситуации); формируются **критерии**, позволяющие оценить степень достижения целей. При исследовании объектов, у которых целеформирование отсутствует или осуществляется неявно, этот этап сводится к анализу **объективной ориентированности** их свойств и действий и степени соответствия данной ориентированности требованиям разрешения соответствующих противоречий.

III. Исследуется **актуальная среда** проектируемой (изучаемой) системы. Локализация актуальной среды, ее граница с системой определяется целью (объективной ориентацией) системы. В систему входят непосредственно целеобеспечивающие факторы [23], в актуальную среду – все другие факторы, существенно влияющие на достижение цели. Тем самым, во-первых, в актуальную среду включается не весь бесконечный внешний мир, а лишь ограниченный (а потому и доступный для учета) комплекс существенных внесистемных факторов [26]. Во-вторых, в качестве элементов актуальной среды могут выступать факторы, являющиеся для системы пространственно не только внешними, но и внутренними. К примеру, «...по отношению к часам как механической системе средой являются не только внешние объекты, но и уровень молекулярного строения их деталей» [26, с. 65].

IV. Выявляются **функциональные качества** системы, необходимые для достижения целей в заданных условиях среды. Например, для студента по отношению к его учебе функциональными будут такие качества, как хорошая память, организованность, работоспособность, заинтересованность в своей специальности, в получении высокой квалификации и др. Диалектический подход к определению функциональных качеств системы предполагает необходимость выявления и учета также и **дисфункциональных качеств**. На этапе функционального анализа актуальна аппроксимация функциональных качеств **функциональными критериями**, конкретизирующими требования к системе (количественные и качественные уровни функциональных эффектов, степень надежности, риска, временные, ресурсные, габаритные и другие ограничения, соотношение «эффект – затраты» и т. п.).

V. Рассматриваются и оцениваются **альтернативные концепции** систем, способных обеспечить разрешение актуальных проблем. Осуществляется **выбор концепции системы**, наиболее адекватной (оптимальной) с точки зрения требуемых функциональных качеств (критериев). Одним из главных методических средств, позволяющих осуществить сравнение и выбор адекватной концепции системы, является **моделирование** возможных

альтернатив (расчетное, экспертное, аналоговое и их сочетания). Согласно Э. Квейду, «...альтернативы... проверяются посредством моделей. Модели показывают нам, какие последствия или исходы можно ожидать, следуя каждой из альтернатив...» [17, с. 84]. В нашей версии системной методологии в дополнение к функциональным критериям и моделированию (которое далеко не всегда возможно и адекватно) для оценки альтернатив могут быть привлечены системные принципы исследовательского или оптимизационного характера, базирующиеся на системных законах сложных объектов [9]. Выбор концепции системы, наиболее адекватной для разрешения актуальных противоречий, создает основу для дальнейшей поэтапной конкретизации ее системного образа на последующих ступенях алгоритма в аспектах динамики (способов действия), конструкции, организационного механизма, взаимодействия со средой и др.

VI. Определяются *способы действия* системы, обеспечивающие достижение целей в заданных условиях среды. Возможными типами действий систем являются функционирование и развитие. **Функционирование** – это тип целенаправленных действий, осуществляемых в рамках существующей системы. **Развитие** – тип действий, связанный с преобразованием системы (изменением ее проблем, целей, структур, связей со средой и т. п.). При исследовании динамики системы, в особенности в проектировочно-управленческом аспекте, актуален учет неизбежных противоречий между функционированием и развитием (целевых, ресурсных и др.) и анализ возможных компромиссов между этими качественно различными типами динамики.

VII. Исследуется (проектируется) **конструкция (организационная структура)**, т. е. элементы и связи, обеспечивающие требуемые способы действий. В техническом проектировании более приемлем термин «конструкция», в социально-экономическом – «организационная структура». В сложных системах нередко параметры конструкции и динамики настолько тесно взаимообусловлены, что разделять их анализ на два этапа становится нецелесообразным. В таких случаях возможно рассматривать их в рамках единого этапа **конструкционно-динамического анализа** с разработкой совместных альтернатив и комплексных моделей. Следует отметить, что при последовательном системном подходе изучение элементов и связей является не первичным шагом, как это наблюдается в структуроцентрических версиях системности, а лишь одним из завершающих этапов системного исследования объекта.

VIII. Исследуется (проектируется) **организационный механизм**, обеспечивающий функциональную ориентированность конструкции и динамики системы на разрешение, актуальных противоречий. Организационный механизм включает такие составляющие, как механизм управления и самоорганизации, ресурсно-информационное обеспечение, взаимосоответствие механизма управления и исполнительных подсистем.

IX. Определяется *способ взаимодействия системы со средой*. Осуществляется **оценка качеств системы со стороны среды** и ее сопоставление с родственными, альтернативными или конкурентными системами.

X. Производится интегрированное отображение **комплекса «система – среда»**, его рассмотрение и оценка как с позиций объемлющих метасистем, так и с позиций собственных подсистем и элементов.

Таковы основные этапы системного подхода, последовательное осуществление которых позволяет в итоге соединить выявленные системные параметры в целостный образ (проект) искомой системы. Для применения данного образа в научных и практических целях важно оценить степень его **неопределенности**, обусловленной влиянием

случайных факторов, гипотетичностью используемых предположений, различной мерой устойчивости альтернатив. Согласно Э. Квейду, «...анализ должен выявить влияние неопределенности на результаты. Это делается путем анализа чувствительности, то есть выявления того, как изменятся решения в зависимости от изменений в предпосылках и оценках» [17, с. 86–87]. Анализ неопределенности и чувствительности содействует выявлению факторов лабильности исследуемого объекта и его системного образа, что позволяет оценить направления и объем возможных корректировок. В тех случаях, когда однократное прохождение системной процедуры приводит к недостаточно определенным или неудовлетворительным результатам, ее цикл может быть повторен до получения удовлетворительного приближения [17].

Характеризуя предложенный категориальный алгоритм системного подхода, важно отметить, что он ориентирован на отображение прежде всего сложных систем. Поэтому его применение в полном объеме требуется не во всех ситуациях. Для решения более простых задач может оказаться достаточным использование лишь части его ступеней. Один из возможных способов сокращенного использования процедуры системного подхода предложен В. Н. Сагатовским в виде принципа поэтапности системного описания [26]. В то же время, при исследовании (проектировании) развитых объектов организмического типа может потребоваться конкретизирующее развитие или категориальная детализация отдельных ступеней и даже фрагментов системного алгоритма с учетом специфики исследуемого объекта. Следует также заметить, что возможны ситуации, когда логика системного исследования может потребовать изменения последовательности прохождения ступеней категориального алгоритма.

Синтез рассмотренных категорий в обобщающий смысловой конструкт, характеризующий их единство и логику прикладного использования, достигается в следующем определении системы: ***система – это объект, разрешающий актуальные противоречия в заданных условиях среды за счет функциональной ориентированности своей динамики и конструкции, формируемой организационными процессами.*** Универсальность данного определения достигается тем, что содержащийся в нем параметрический базис отображения сложных систем может быть в частных случаях редуцирован до отображения простейших систем и, в то же время, путем конкретизации в соответствующих направлениях адаптирован к потребностям исследования высших систем.

Завершая предпринятый опыт категориальной реконструкции системного подхода, заострим внимание на главных диалектических характеристиках сформированного аппарата, определяющих его новое концептуальное качество. Прежде всего заметим, что в изложенном аппарате воплощена идея синтезирующего соединения диалектических принципов структурности (связи) и динамичности (функционирования и развития). Такое соединение позволяет преодолеть крайности как одностороннего структуроцентризма («системно-структурного подхода», абсолютизовавшего статизм, устойчивость, линейность), так и гипертрофированного, «хаосомного» динамизма синергетики, абсолютизирующей противоположные крайности: неустойчивость, нелинейность, неравновесность, случайность, катастрофичность и т. п. ***Диалектически понятый принцип системности соединяет принципы структурности и динамичности на основе принципа противоречия***, т. е. с точки зрения взаимосвязи конструкции и динамики объекта в разрешении актуальных противоречий. Тем самым системный подход в его диалектической форме получает возможность стать действенным инструментом познания

и проектирования высших систем, в которых строение, функционирование и развитие теснейшим образом связаны и взаимообусловлены.

Другой коренной чертой предлагаемого понимания принципа системности является зафиксированная в нем сущностная связь категорий «система» и «противоречие». Некоторые специалисты, главным образом приверженцы различных версий структуроцентризма, считают эту связь избыточной, а ее введение в системный аппарат рассматривают как попытку искусственно «притянуть» системный подход к диалектике. Наш опыт развития системной методологии показывает, что связь этих категорий носит в системном подходе основополагающий характер, составляет его суть, идейную сердцевину. В предложенном аппарате системного подхода именно категория «актуальное противоречие» образует естественное логическое начало, смыслообразующий импульс которого закономерно выстраивает всю логическую последовательность ступеней категориального алгоритма. В то же время, именно через это императивное начало системный подход получает выход на решение реальных проблем познания и практики. Благодаря этому смыслообразующему началу логика системного подхода обретает свою мотивированность, понятийную точность определения категориальных этапов и логическую завершенность. Реальные системы (как материальные, так и идеальные) порождаются противоречиями. «Нет системы – без проблемы», «система – это средство разрешения противоречия» – так можно было бы перефразировать афоризмы известного специалиста в области системного анализа Ст. Оптнера [21]. К идее фундаментальной связи указанных категорий различными путями приходят и другие диалектически мыслящие теоретики [2; 25; 29]. Построение системного подхода и ОТС на основе диалектической концепции противоречия ведет, на наш взгляд, к формированию в этой области качественно новой системно-диалектической парадигмы, поднимающей системные исследования на более высокую ступень развития.

Таким образом, главный итог проведенного категориального исследования состоит в создании развитого категориального базиса системной методологии, аккумулирующего и обобщающего опыт ряда известных версий системного подхода. Предложенный категориальный базис может быть использован для развития интегрированной теории систем, для формирования специализированных системных технологий: системного моделирования, прогнозирования, диагностики, оптимизации сложных объектов, системно-квалиметрического анализа, системно-эвристического поиска и др., а также для осуществления прикладных системных исследований в различных сферах.

Наряду с указанным главным результатом работы имеет смысл обратить внимание и на побочный методологический результат. Он заключается в **технологии категориального анализа**, положенной в основу проведенного исследования. Категориальный анализ – это коренной, хотя и малоизвестный метод диалектической логики, у истоков которого стояли такие мыслители, как Сократ, Платон, Аристотель, Кант, Гегель, Маркс, Энгельс, Ленин. Немалое число категориальных исследований, в особенности попыток «систематизации категорий диалектики», предпринималось философами советской эпохи. Однако, при наличии ряда неоспоримых достижений, категориальный анализ все же не был доведен до уровня ясной, убедительной, достаточно простой технологии, позволяющей строить продуктивные категориальные конструкты. Предложенная в данной статье категориальная технология является, на наш взгляд, реалистичным прикладным инструментом, возможным ориентиром новых категориальных преобразований в различных сферах познания.

Несмотря на свое философское происхождение, категориальный метод исследования актуален и для многих конкретных наук: гуманитарных, технических, экономических и др. **Ценность профессионально выполненного категориального анализа в том, что он способен превращать массивы «сырой», разрозненной, неупорядоченной исследовательской продукции в актуальную, концентрированную, системно организованную научную информацию:** в систематизированные представления и емкие научные классификации, в качественно новые обобщения, в конструктивные модели, алгоритмы, инновационные технологии. Предпринятый опыт категориального анализа может дать импульс развитию его оснований и прикладных форм, использованию его возможностей для систематизации, углубления, обобщения научного знания и практического опыта.

Освоение идейных основ категориального анализа актуально для специалистов, проводящих обобщающие теоретические исследования, разрабатывающих инновационные подходы и технологии будущего. По существу, категориальный анализ в его системно-диалектической форме является одним из формирующихся оснований системной методологии и ее актуальным инструментом.

Примечания

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. – М.: Советское радио, 1974. – 272 с.
2. Алтухов В. Л. Высшие формы развития – ключ к пониманию других его форм // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 3–16.
3. Альтшулер Г. С. Творчество как точная наука. – М.: Советское радио, 1979. – 184 с.
4. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
5. Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. – 1973. – № 6. – С. 98–111.
6. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. – М.: Политиздат, 1975. – 408 с.
7. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. – М.: Экономика, 1989. – Кн. 1. – 304 с.; кн. 2. – 352 с.
8. Боголепов В. П., Малиновский А. А. Организация // Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – С. 160–161.
9. Винограй Э. Г. Общая теория организации и системно-организационный подход. – Томск: Изд-во ТГУ, 1989. – 236 с.
10. Винограй Э. Г. Основы общей теории систем. – Кемерово: КемТИПП, 1993. – 339 с.
11. Джонсон Р., Каст Ф., Розенцвейг Д. Системы и руководство (теория систем и руководство системами). – М.: Советское радио, 1971. – 648 с.
12. Зеленовский Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организации и управления. – М.: Прогресс, 1971. – 311 с.
13. Каган М. С. О системном подходе к системному подходу // Философские науки. – 1973. – № 6. – С. 34–42.
14. Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
15. Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.
16. Квейд Э. Анализ сложных систем (методология анализа при подготовке военных решений). – М.: Советское радио, 1969. – 519 с.
17. Квейд Э. Методы системного анализа // Новое в теории и практике управления производством в США. – М.: Прогресс, 1971. – С. 78–98.

18. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – 568 с.
19. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – М.: Политиздат, 1986. – 399 с.
20. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Изд. V. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 1–55.
21. Оптнер Ст. Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. – М.: Советское радио, 1969. – 216 с.
22. Панфилов В. А. Теория технологического потока. – 2-е изд. – М.: КолосС, 2007. – 319 с.
23. Перегудов Ф. И., Сагатовский В. Н., Тарасенко Ф. П. и др. Основы системного подхода и их приложение к разработке территориальных автоматизированных систем управления / под ред. Ф. И. Перегудова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1976. – 244 с.
24. Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – 432 с.
25. Сагатовский В. Н. Природа системной деятельности // Понятие деятельности в философской науке. – Томск: Изд-во ТГУ, 1976. – С. 69–92.
26. Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1980. – М.: Наука, 1981. – С. 52–68.
27. Садовский В. Н. Смена парадигм системного мышления // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1992–1994. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – С. 64–78.
28. Сетров М. И. Основы функциональной теории организации. – Л.: Наука, 1972. – 164 с.
29. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. – Новосибирск: Наука, 1981. – 304 с.
30. Чухнов А. И. Организация // Математика и кибернетика в экономике. – М.: Экономика, 1975. – С. 410–412.

А. А. Степанов

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ САМОИДЕНТИЧНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье на основе развиваемого автором принципа инвариантного действия рассматриваются проблемы становления «самоидентичного человека» – творца собственной судьбы.

Ключевые слова: методология, проблемы становления личности, принцип инвариантного действия.

A. A. Stepanov

CONCEPTUAL MODEL OF SELF-IDENTIFYING HUMAN EVOLUTION

In the article on the basis of invariant action principle developed by him, the author reviews the problems of becoming «self-identity person» as a creator of his own destiny.

Keywords: methodology, problems of personality, principle of invariant actions.

Предлагаемая познавательная модель «человека самоидентичного» является логическим продолжением развиваемой автором процессуальной методологии инвариантного деятеля [1]. Данная методология расширяет поле деятельности рациональной рефлексии и позволяет рассматривать качественно новый – «человекоразмерный» объект.

Такие объекты, как считает В. С. Степин, принадлежат к «постнеклассическому типу научной рациональности, когда учитывают соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами» [2]. Согласно инвариантной логике, субъектно-объектное взаимодействие в любом виде деятельности протекает на фоне непрерывного процесса самоидентификации. Принцип инвариантного действия онтологизирует деятельностный подход через триадичный анализ взаимодействия по уровням – вещь, свойство, отношение. Процесс служит объединительным принципом этих трех уровней, а осуществляется он активным деятелем. Устойчивым ориентиром постоянной активности деятеля в направлении самоидентификации выступает условие нахождения человека в процессе постоянного становления. Только существование человека в бытии, которое выходит за пределы расщепления реальности на субъект и объект, позволяет осуществляться этому процессу полноценно. Рассмотрим ступени человеческой наполняемости индивида при его непрерывном становящемся восхождении.

Человеко-вещь как момент целостного онтологического процесса становления человека создается не природными свойствами, присущими ему от рождения, а качествами, воплощенными в нем в результате самоидентифицирующей деятельности. Эти качества определяют человеческое бытие как различные состояния единого процесса. Вся логика человеческого существования как единого процесса будет необходимой и достаточной причиной, которой должны следовать объекты, проявленные как вещи, свойства и отношения в человекообразных системах. Функционирование и взаимодействие объектов на уровне вещей в классической рациональности рассматривается как самостояние человека, которое циклично и самодостаточно, развитие заменяется повторением без различения. Изменения в каждой вещи системы, так же, как и изменения системы как вещи, будут повторять друг друга по закону тождества. Круговорот вещей, свойств и отношений будет стабильно повторяться и воспроизводиться. Устойчивость человеческого существования задается циклом и системой, в которой она существует и является причиной всех его поступков. При переходе от рассмотрения человека-самостояния к человеку-процессу раскрывается творческий потенциал в состояниях человеческой культуры, в которую он погружен, но уже в преломлении через уникальные особенности жизненного опыта отдельного человека. Как считает В. Е. Кемеров, «в предметном саморазвитии человека, контактирующем с особой логикой вещи, проясняется понимание того, что человек не является “мерой всех вещей”, что именно понимание человеком границ собственной деятельности оставляет ему возможность плодотворных взаимодействий с миром» [3, с. 134]. Только подчиняясь логике процессуальной деятельности человек в состоянии формировать границы своего существования как «меру всех вещей, всех свойств и отношений», вовлекаемых его идентификациями. В виде объективного критерия формируемой меры выступает осуществление инвариантного процесса при взаимодействии человека с миром. Полнота состояния раскрывается в ее человекообразной природе путем вовлечения в человеко-бытийственный процесс. Ограниченность проявления состояний объектов при их взаимодействии зависит от целей, смыслов и ценностей становящегося человека. Вещи служат человеку в качестве его способностей для самосозидания в форме активного деятеля, который реализует отношения причинного существования. Замыкание способностей на бытийствование человека формирует состояния, которые через преобразования в события в дальнейшем осуществляют весь процесс в целом. На этом этапе самореализации происходит осмысление многомерности человеческой

сущности и ее потенциала как возможностей дальнейшего развития. Созидательный процесс обоюдосторонний: как вещь формируется в результате человеческой деятельности, так и человек формируется, вовлекая в процесс своего субстанционального существования окружающие его вещи. Существование вещи, связанное с бытием человека, характеризует дискретность, индивидуальность каждой личности.

Поскольку процессуальная деятельность человека всегда конкретна, то и вещи, вовлеченные в процесс, должны восприниматься конкретно, в привязке к системе восприятия и к конкретному познающему деятелю. В разных системах познания и процессах деяний одна и та же вещь проявляет себя различным образом, образуя другие связи и вступая в многообразные отношения. Как считает Л. В. Суркова, идея процессности социального бытия, развиваемая В. Е. Кемеровым, довольно продуктивна и эвристична. В этом случае активный инвариантный деятель будет той границей, где ценность одновременно со смыслом рождается на пересечении пространственно-временных линий поля сознания социума. «Там, где спонтанная творческая активность сознания субъекта приходит в состояние резонанса одновременно как с “временным”, так и “пространственным” измерением социальной реальности, возникает точка рождения нового смысла и одновременно новой ценности» [4].

Человек-свойство как момент целостного онтологического процесса самоидентичного становления человека проявляется в статике состояний, привязанных к конкретной системе как **событие**. Происходит фиксация ценностно-смысловой структуры отношений внутри системы между представлением о состояниях и самими состояниями к конкретному пространственно-временному континууму социума. Как считает Д. В. Пивоваров, «свойство – это определенность своего в ином, момент качественной определенности самобытия вещи, который через взаимодействие с иным отделяется от собственного основания, проникает в это иное бытие, обретает в нем и через него свою видимость и существует уже на новом основании как на субстрате» [3, с. 765].

Свойство как функциональная форма существования индивида проявляется в виртуальных состояниях, которые через механизм рефлексии формируют будущие события. Благодаря непрерывно возникающему полю событий человек приобретает способность взглянуть на себя со стороны и возможность инверсного конструирования. Возникающая таким способом реальность обладает состояниями активной границы, когда свое есть синтез проявленного вовне, как в зеркале, через поверхность иного. Данный механизм порождения инвариантного деятеля как активной границы возникновения, существования и уничтожения процесса позволяет рассматривать более сложные системы взаимодействия субъектов. В подобных самоорганизованных системах спонтанно порождающиеся механизмы рефлексии позволяют объяснить становление универсального и бесконечного человека в любом развивающемся индивиде. А. С. Арсеньев предложил аналогию взаимосвязи рефлексии и трансцендирования с геометрическим представлением инверсии на круге. Это позволило В. И. Слободчикову сделать обобщающий вывод о том, «что чем глубже рефлексия, т. е. осознание все более глубоких слоев психики, внутреннего Я, тем более расширенным оказывается трансцендирование, выход за границы наличного бытия, осознание своего единства с Миром как целым» [5]. Но менять границы своего и чужого существования, как челнок, переплывая с одного берега на другой, связывать и ухватывать весь процесс в целом возможно только в том случае, когда активная граница и инвариантный деятель формируются как самоподобные объекты единовременно. Тогда появляется возможность через процесс формирования границы как инвариантного

деятели активно осуществлять трансформацию своих состояний в событийную онтологическую деятельность. Свойство, будучи единством внешней формы и внутренней структуры, выходя за пределы существования одной вещи, продолжается в другой, истончая одну, обогащая другую, гармонизирует и соразмеряет жизненный поток во времени и в пространстве. Благодаря деятельности по созданию состояний в едином процессе своего существования человек обретает возможность транслировать знания из внутренней сферы во внешнюю без потери смыслового и ценностного содержания.

Человек-отношение как момент целостного онтологического процесса самоидентичного становления человека содержит в себе динамические способы понимания бытия, которыми обладает человек, и проявляется как **поступок**. События человеческого существования характеризуют многообразие форм самобытия с точки зрения их единства, сходства и тождества, проявляющееся в контексте пространственно-временного поля культуры. Человек в данном состоянии понимания своего бытия проектирует самого себя на временную развертку с одновременным существованием вневременных ситуаций.

Как сказал М. Хайдеггер, «временность есть бытие сущего, а истина есть сущностное бытие». Событие есть синтез бытия и времени, в котором они исчезают как самостоятельные сущности и приобретают функцию соответствовать друг другу. Событие синтезирует смыслы многообразия самобытия и используется в качестве способа выражения динамики отношений человека и бытия. «В событии, – по мнению Т. Х. Керимова, – обнаруживается освоение как сбережение своего собственного, которое отчуждает самое себя» [1, с. 823]. «Событие» дано, а не задано, как «самобытие», и оно призвано заполнить брешь, пустоту между феноменом и ноуменом, между явлением и сущностью. Тем, что оно дано, оно формирует границу собственного события, оно не является и не выходит в присутствие, но тем самым его создает, оно не может стать объектом восприятия или чистым предметом познания, внешним к самому познающему. Само событие, как самобытие, будучи границей бытия, маргинализирует бытие; как граница оно лишено онтологического статуса, но в тоже время именно благодаря способности разграничивать место бытия на внутреннее и внешнее событие созидает деятельного человека. «Событие лишено самотождественности, которая подвешивается на структурно бесконечном отношении к другому событию. А это означает, что событие ничего не значит вне системы становления сущего» [1, с. 823]. Получается становление человека одновременно с событием его поступка с ним самим. Гносеологическая триада: вещь, свойство и отношение – завершается в диалектическом синтезе в процессе предметной деятельности. Переход на онтологию субъективности происходит в становлении человека, возможном только в свободном творчестве и общении с себе подобными. Реализация становления в онтологическом аспекте осуществляется в диалектической триаде: состояние, событие, поступок. Пересечение онтологического и гносеологического триединства порождается процессуальной методологией, благодаря которой инвариантный деятель формируется не в силу одной внешней или внутренней необходимости, а в силу, согласно Г. С. Батищеву, «свободного творчества и глубинного общения» [6].

Человек-состояние отражает в познавательной модели попытку рассмотреть человека не как винтик в социальном организме, а весь процесс в целом, всеобщее, выраженное в индивидуальном. Человек как вещь не решает проблему своего существования в виде единого становления, а лишь вскрывает аспект, выражая особенное бытие в индивидуальном. Вещь как самобытие взаимодействующих людей В. Е. Кемеров предлагает

рассматривать через категории «совместное» и «разделенное», считая их взаимозависимыми состояниями, моментами протекания процессов, обособившимися элементами совместной деятельности индивидов. «Совместное и разделенное – понятия, фиксирующие социальные процессы как устойчивые длительности. Воспроизводство и сохранение целого достигается за счет его разделения на моменты человеческой деятельности, распределенные в пространстве и во времени, понятия характеризуют прерывность-непрерывность социальных процессов» [3, с. 824].

Обыденный мир фрагментарен, восприятию он дан не связанным, а случайно соединенным. Соседствование моментов жизненного опыта не воспринимается сознанием в виде состояний единого процесса, в их органической взаимосвязи, а представляется ситуативным, хаотичным скоплением. Дискретность бытия, как заданность существования человека, отражена в квантованном восприятии окружения и своего взаимодействия с миром. Чувство полноты как согласованность образа жизни человека с его мировоззрением и поступками требует для своего идентичного бытия введения понятия процесса. Дискретность воспринимаемой реальности, данная человеку в процессе общения и познания, необходимость постоянной самоидентификации получаемых знаний о своем состоянии во времени и в пространстве постоянно ставят проблему обоснования категории «процесс» в неклассической методологии.

В этом случае достигается непрерывность приобретаемого опыта при созидании индивидуального полноценного бытия. Процессуальная методология инвариантного деятеля позволяет через механизмы самотождественного становления согласовать различные состояния, события и поступки по принципу «все в одном и одно во всем». Мое истинно человеческое бытие наполняется не тем, что со мной случается эпизодически, и не тем, что со мной происходит помимо моей воли, а лишь тем, что свободно и творчески создается в общении с себе подобными. Самоосуществление активного деятеля в состояниях и событиях своего становления происходит тогда, когда в любом орудии познания, общения и действия предметно закрепляется человекосоразмерная способность и сила.

Человек-событие через структурные и системные способности решает проблему фрагментарности самопознаваемого и на границах фрагментов порождает механизмы самоидентификации. Тут-то и возникает потребность введения понятия «процесс» в качестве основания. Именно процесс стягивает отдельные фрагменты бытия как моменты событийности человеческого существования в единое целое, превращая тем самым самобытие каждого в событие для всех. Непрерывность процесса существования не воспринимается и не осознается отдельно от общения или деяния, она лишь переживается и проживается. Осмысление процессности своего бытия создает дистанцию, между собой познающим, общающимся и действующим. Проблема разрешима лишь в процессе отождествления себя с культурно-генетическим непрерывным пространством. Это возможно при использовании наработанных социокультурным опытом орудий, средств как культурных органов человека, с помощью которых он во взаимодействии с другими людьми приобретает опыт непрерывности своего существа. Как считает В. В. Сильвестров, «Орудие выводит индивида за пределы осуществляющегося природного процесса, представляет ему этот процесс как совершившийся, как целостный и **инвариантный** в его общественной, орудийной освоенности.

Орудия, регулирующие некий природный процесс, в действии своем воспроизводят его как целое и оказываются инвариантом этого процесса» [7]. Средство действия и со-

стояния переживаемого приобретенного опыта подобны в едином процессе. Процесс не есть отражение связи состояний в едином событии или проявление взаимосвязи между состояниями и событиями, процесс есть свершение событий внутри различных состояний как самотрансформация единого. Способности, интересы и потребности отдельного индивида, переживаемые в себе непрерывно, а в других воспринимаемые дискретно, характеризуют стороны жизни человека через отдельные действия, которые являются лишь моментами единого процесса жизни человеческого индивида. Аспект личностного бытия есть момент реализации жизненного процесса.

Человек-процесс решает главную проблему своей жизни – самореализацию человеческого в своей совместной деятельности. Свободные действия только в творческом процессе приобретают цельность и законченность, когда благодаря способности многомерного деятеля универсально выразить в себе в идеальном плане он формирует самоподобные механизмы целого завершенного космоса, реализуя их в себе как качества человеческого. Деятель в процессе обретает способность удерживать в себе самостоятельно всю связь с внешним миром, которая наработана всем человечеством и закреплена в культуре. Выделение из состояния совместного существования происходит не за счет разрыва с внешним миром и превращения себя в «черную дыру», а как результат приобретения в своем внутреннем мире мира внешнего в виде идентифицирующего самоподобного механизма. Процессуальная методология инвариантного деятеля формирует человечность как способность отождествлять и разотождествлять себя с миром и самим собой на уровнях самобытности, самоопределенности и самообусловленности.

В процессе научного познания, в процессе предметной практической деятельности и в процессе духовно-нравственного общения самореализация осуществляется в одинаковых механизмах саморазвертывания жизненного пространства, осознания себя «здесь и сейчас». Процесс мыслящего бытия или бытийствующего мышления для своего существования и развития должен представляться в виде самотождественного субъекта развития, прикрепленного к определенной культурной системе отсчета через группу преобразований, которая реализует механизм самоидентичного подобия.

Группа преобразований приобретает онтологический статус как проекция органа идентификации субъекта и задается через систему необходимых и достаточных способов функционирования. Эти способы как всеобщие средства относятся к постнеклассической науке и расширяют понятие о рациональности, которое наряду с рефлексивным механизмом познавательной деятельности содержит механизм взаимозависимости инверсии и трансцендирования (А. С. Арсеньев). Экстраполирование геометрической «Эрлангенской программы» на гносеологию позволяет обогатить неклассическую рациональность такими средствами познавательной деятельности, как симметричность, транзитивность, относительность и дополнительность. При одновременном взаимодействии всех вышеперечисленных факторов в качестве эпистемических параметров активность инвариантного деятеля определяется как процесс идентификации с самим собой. Группа преобразований как орган единого организма в системе аутентичных элементов выступает целым и активным началом, порождающим другие процессуальные элементы познавательной структуры человека. Социум под углом зрения новой методологии рассматривается не как застывшая сверхзаданная структура, а как постоянный процесс порождения и поддержания связей. Свойства социума рассматриваются не как заранее заданные вместе с самой структурой, а как процесс порождения человеческого общения и сохранения связей между ними.

Мы считаем, что процессуальная методология при изучении трансформации социума и человека в нем, а также других топодинамических эффектов более адекватна динамической реальности, чем системный и деятельностный подходы. В предлагаемой модели человек как инвариантный деятель не просто в центре всей предметно-познавательной конструкции, в процессе ее создания он самоконституируется. Изоморфные тенденции, как в формировании свободного деятеля, так и в протекании социального процесса, позволяют, отслеживая устойчивое существование одной из сторон, влиять на формирование устойчивости другой стороны. Это проявляется при «глубинном общении» между личностями как равноправными субъектами диалога, обсуждения и соавторства, при совместной деятельности в едином социокультурном пространстве. В настоящее время все более очевидна необходимость этической составляющей всех современных наук, что, в свою очередь, навевает на мысль, что решающей характеристикой наук в будущем станет учет человеком своей соразмерности с природой.

Создающиеся при этом условия, в которых существует процесс, так переплетены с факторами и элементами системы, что нельзя заранее предсказать, что больше влияет на формирование и протекание самого процесса. Элементы как результаты перетекают в субъекты, формируя их заново, средства и способы взаимосвязи субъекта и объекта трансформируются в субъективные и объективные цели, которые снова образуют конечные результаты. В процессе становления человека все элементы деятельности равноправны, они взаимодействуют свободно только в той ситуации, когда средства, мотивы, цели, результаты и субъектно-объектные связи не могут быть отторгнуты от той ситуации общения, в которой осуществляется данный процесс. Каждый элемент самоидентифицирующего процесса в его содержании пронизан и освещен контекстом общения. Познавательный акт существования объекта самоопределен контекстом общения, онтологический акт существования субъекта самообусловлен ориентированностью на общение, каждый акт взаимодействия между субъектом и объектом нагружен герменевтическими смыслами. Активность одного субъекта в процессе общения означает свободное волеизъявление противостоящего ему другого субъекта, равноправность элементов общения означает наличие живой диалогической связи. Знание о протекании социальных процессов находится в прямой зависимости от осознания взаимодействующих актов полагания смысла деятелей, создающих течение данного процесса. Смысл, полагаемый в деятельности каждого из равноправных субъектов общения, размещается на границе с другими смыслами и потому участвует в созидательном процессе становления субъекта. Активная граница является источником и одновременно посредником процесса. Взаимопонимание, достигаемое в диалогической коммуникации как одной из форм аутентичного процесса, есть нахождение той сферы взаимодействия, где каждый предшествующий субъект становится адекватным современному и равноправным участником диалога со всеми остальными, где смыслы находят свое самосогласование. Участие в диалоговом общении, нахождение в постоянном взаимодействии на равных приучает считаться с мнениями других, сообразовывая свое поведение со своей собственной позицией, искать согласие, достигать общей меры урегулирования отношений. В этом случае человеческий фактор как всеобщая мера любого процесса предстанет не абстрактно, а с учетом данной жизненной ситуации. Тогда субъектом не будут распоряжаться, а он сам, выступая творцом данного процесса, будет участвовать в рождении и существовании своей собственной судьбы.

Примечания

1. Степанов А. А. Процессуальная методология инвариантного деятеля // Вестник ВКГТУ. – 2002. – № 4. – С. 136–141.
2. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 636.
3. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – 2-е изд. – Лондон – М.: ПАНПРИНТ, 1998. – 1140 с.
4. Суркова Л. В. Ценность науки: реальность и иллюзии // Вестник Московского государственного университета. – 2002. – № 1. – Сер. 7. Философия. – С. 45–46.
5. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека. Введение в психологию субъективности. – М.: Школа-пресс, 1995. – С. 364.
6. Батищев Г. С. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 90–135.
7. Сильвестров В. В. Место теории культуры в современном теоретическом знании // Сильвестров В. В. Культура. Деятельность. Общение. – М.: РОССПЭН. 1998. – С. 178.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTUROLOGY

Е. А. Окладникова

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ИМИДЖА СТРАНЫ И ЕЕ АРХАИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ

В статье излагаются методологические проблемы анализа процессов формирования имиджа страны и региона, роль в этом архаической символики, предлагается разработанная автором структурная модель имиджа.

Ключевые слова: имидж страны, его компоненты и архаические элементы имиджа.

Е. А. Okladnikova

STRUCTURAL MODEL OF THE COUNTRY IMAGE AND ITS ARCHAIC COMPONENTS

The article describes methodological problems of analysis of the processes of image formation of the country and region, role of this archaic symbolism; the author is encouraging to develop a structural model of the image.

Keywords: country image, its components and the archaic elements of the image.

В начале XXI века теоретическое осмысление получили многие философские идеи в системе прикладных гуманитарных исследований, а именно: в области менеджмента, социологии коммуникаций, маркетинга, социологии управления и даже такой области социально-экономических исследований, как «экономика ценностей». Одной из таких философских идей стала геософия, в недрах которой, начиная со времен Древнего мира, формировался интерес к моделированию имиджа/образа географического и геополитического объекта, аллоформами которого были страна/регион/населенный пункт.

Как показали исследования М. Элиаде, наиболее ранние геофилософские теории зародились еще в эпоху расцвета государств Древнего Востока (Вавилон) [1]. В XX веке геофилософские идеи тесно пересеклись с изысканиями в области философии истории и семиотики, что нам раскрывают исследования в области мифологических архетипов М. Элиаде [2], изучение геоисторических образов Франции Ф. Броделем [3], поэтики пространства Г. Башляра [4]; представления о пространстве как тотально-ментальном объекте М. Фуко [5]; пространстве как «ризоме», воплощающей систему человеческой памяти Дж. Гваттари [6].

Сегодня сложилось несколько подходов к теоретическому осмыслению процесса формирования имиджа страны/региона. Среди них выделяются: подход с позиций **культурного детерминизма** (Р. Хоггарт, Р. Вильямс, с. Халл), предполагающий приоритетность культуры в жизни общества; **сферный подход**, разделяющий понятия обыденный

и специализированный имидж государства/региона (Д. П. Гавра); мульткультурный, подразумевающий, что **культурная политика** государства может способствовать формированию имиджа государства на основе соединения особенностей культур народов, живущих в нем (М. Тейлор); подход с позиций **культурной дипломатии**, признающей важность культуры как источника социальной стабильности (Г. Кирби) и др.

Сложилось несколько структурных моделей формирования имиджа страны/региона. Одна из них была сформирована на основе природно-биологической концепции этноса Л. Н. Гумилева и включала наравне с расово-антропологическими, этногеографическими компонентами страны/региона и психологическим компонентом, обусловленным национальным характером, менталитетом населения страны или региона, социально-исторический компонент, **который связан с этнической историей**.

Другая модель опирается на теорию культурного детерминизма, представляющую культуру как некий наследственный код, представляющую уникальность и специфику ментальности. Этот код сохраняется памятью поколений и транслируется во времени. Он служит для проектирования защиты от дефицита личности (как культурной формы) при переходе населения страны/региона в глобальное сообщество.

С позиций геополитической теории страны/региона структурная модель имиджа страны выглядит как «матрешка», т. е. некий стержневой образ, поддерживаемый такими компонентами внешнего имиджа, как политико-географический, природно-ресурсный, цивилизационно-культурный, социоментальный, производственно-экономический и национально-ценностный [7]. В сердцевине такой модели может находиться стержневой образ, а именно имя страны, ее философия, миссия, стратегия, девиз и символика.

Образ страны/региона – это понятие более широкое и емкое, чем имидж. «Имидж – это система объективно-субъективных элементов. Объективная основа имиджа связана с определением миссии, философии, стратегии и реальной деятельностью по их реализации во внутренней и внешней политике. Субъективная часть имиджа проявляется в восприятии организации, города, страны и т. д. внутренней общественностью (работниками, населением) и внешней общественностью» [8].

Образ региона/страны – понятие содержательное и насыщенное. Образы раскрываются за счет ключевых символов историко-мифологического пространства, локализуемых в соответствующем геополитическом ареале. Наиболее значимые в образно-символическом смысле природные или культурные ареалы какой-либо страны могут иногда выступать и в качестве образа всей страны, акцентируя внимание на наиболее ярких и существенных ее чертах. Образ страны напрямую связан с *этническим образом*, и часто они образуют устойчивые образно-географические системы или комплексы, позволяющие представить страну и олицетворяющий ее народ наиболее емко и объемно» [9].

Имидж страны/региона может включать как объективные, так и субъективные компоненты: «К числу стратегических компонентов имиджа относятся такие коммуникативные интеграторы как имя, название страны, герб, флаг, гимн для стран (аналог логотипа), девиз, история, философия (идеология), а самые важные – это миссия и стратегия. К стратегическим компонентам они относятся потому, что обладают свойством важности для системы и долговременностью действия. Объективные аспекты стратегических компонентов связаны с качеством их разработки и информирования населения. Субъективные – с восприятием их по отдельности и в целом внутренней и внешней общественностью. Объективные и субъективные аспекты требуют анализа качества, уровня, глубины проработки компонентов и исследования эффектов их восприятия, что и составляет содержание имиджа у различных аудиторий» [10].

Г. Л. Тульчинский под образом (имиджем) территории понимал «символически выраженное представление о своеобразии и специфике (возможно уникальности) региона, его репутации, сформировавшейся в общественном мнении» [11].

Например, географический образ – это устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне). Они являются, как правило, компактными моделями определенного географического пространства (или географической реальности), созданными для более эффективного достижения какой-либо поставленной цели.

По сути, географический образ – это «определенным способом организованная, внутренне целостная информация о месте» [12]. Географический образ – целостная и сложно организованная система представлений о каком-то месте или другом пространственном объекте, соответствующая пространственным представлениям некой культуры.

Образ страны акцентирован на аспекте «культура». Поэтому географический образ можно рассматривать как совокупность символов и архетипов, связанных с определенной территорией, накопленных в конкретной культуре и представленных не только произведениями литературы, кино, музыки (О. А. Лавренова, Н. Ю. Замятин, Е. Ю. Белаш). В качестве одного из примеров работы над образом страны в обозначенном выше направлении может быть конкурс «Семь чудес России».

Известно, что его победителями стали три рукотворных и четыре природных достопримечательности: Собор Василия Блаженного, Мамаев курган и статуя Родины-Матери, дворцово-парковый ансамбль Петергоф, столбы выветривания, озеро Байкал, долина гейзеров, гора Эльбрус. Такого рода конкурсы являются, по сути, одним из способов формирования положительных и образа, и имиджа регионов России (как на территории самой страны, так и за рубежом) и популяризации ее природных, исторических и культурных достопримечательностей.

Географический образ страны/региона может быть выражен памятниками древней культуры, причем эти памятники могут и должны быть отражены в символике и эмблематике, связанными с этим образом.

Образ включает природно-географический портрет, имеющий культурно-цивилизационную доминанту, которой может быть то, что мы понимаем под символом культурного наследия конкретной страны/региона, составляющим историческое наследие этой страны, узнаваемое в мире. Им чаще всего бывает исторический памятник, который числится в реестре ООН. Для России таким памятником, например, является кремлевский архитектурный ансамбль в Москве.

Широко известно, что «государственные символы включают в себя герб, флаг, гимн. Это визуально-звуковые и текстовые аналоги логотипов организаций. Они создаются надолго и играют стратегическую роль как элементы идентичности страны» [13]. Государственный **герб** является официальным государственным символом Российской Федерации и эмблемой государства. Он представляет собой геральдический щит с золотым двуглавым орлом, который увенчан двумя малыми коронами и над ними – одной большой короной [14].

Но, как показала практика, смысловым элементом городской, краевой (территориальной) или государственной эмблематики может оказаться не только памятник архитектуры, но и произведение древнего искусства, в котором ярко выражен архаический компонент. Это мы можем наблюдать на примере гербов республик Саха (рис. 1), Коми (рис. 2), Алтай (рис. 3) и др.

Рис. 1. Герб Республики Саха

Описание герба Республики Саха: «Государственный герб Республики Саха (Якутия) представляет собой круг, в центре которого изображение древнего всадника со знаменем с наскальных рисунков реки Лены, на фоне солнечного диска-щита, помещенного в обрамление с традиционным национальным орнаментом в виде семи ромбических кристаллообразных фигур и надписями «Республика Саха (Якутия)» и «Саха Республиката».

В цветном изображении герба солнце – серебристого, всадник – темно-красного, обрамление – темно-голубого, орнамент и надпись – белого цвета.

Центральная эмблема герба – древний всадник со знаменем. Это одна из фигур наскальных рисунков (писаниц), найденных у деревни Шишкино, выше г. Верхноленска, участниками Великой северной экспедиции Российской академии наук в 1745 году. На писаницах изображены скотоводы курумчинцы – предки якутов, вытесненные из Прибайкалья более сильными соседями. Движение их на север со скотом началось до X века, последняя волна приходится на XIV–XV века. Три хвоста знамени символизируют единство племен, составляющих вместе один народ – курумчинцы. Знамя в целом подчеркивало силу и залог существования народа. Обрамляющие герб семь ромбических кристалликов ограненного алмаза означают единство издавна проживающих на территории Якутии народов: якутов, русских, эвенков, эвенов, чукчей, долганов, юкагиров.

Всадник со знаменем с ленских скал и солнце, изображенные на гербе, печатях, официальных бланках Якутии, обрели новую жизнь, двинулись по всей России и далеко за ее пределы» [15].

Рис. 2 . Герб Республики Коми

Описание герба Республики Коми: «Герб Республики Коми представляет собой исполненное по мотивам пермского звериного стиля изображение золотой хищной птицы, помещенной на красном геральдическом щите; на груди птицы – лик женщины в обрамлении шести лосиных голов. В композиции «птица-человек-лось», выполненной в стиле культового литья, нашли отражение мифопоэтические воззрения коми.

В традиционном толковании хищная птица с приоткрытыми крыльями является образом солнца, власти, верхнего мира. Лик женщины на груди птицы соответствует образу Зарни Ань (Золотой Бабы), жизнедающей солнечной богини, матери мира. Образ лося связан с идеей силы, благородства, красоты. В космологических представлениях он несет в себе синтез гармоничного строения мира. Сочетание золотого и красного, положенное в основу цветового решения герба, символизирует в коми фольклоре утреннее, весеннее, теплое солнце, материнство и рождение.

Наряду с этим, в современной общественно-политической трактовке красное поле (фон) означает деятельность, активность народа и власти, а в сочетании с формой щита может ассоциироваться с исторической судьбой коми народа, входящего в состав многонационального Российского государства. При этом сама фигура птицы с полуоткрытыми крыльями приобретает форму креста, что может трактоваться как символ духовной и государственной власти. Золотая хищная птица – характерный предмет искусства звериного стиля в бронзовом и особенно железном веках у ряда народов, в том числе Поволжья и Приуралья. Она свидетельствует, что древние предки коми размещались в бассейне Вычегды в первом тысячелетии. Лосиные головы на груди птицы усиливают выражаемые птицей этнические истоки коми.

Изображения лосей наряду с птицами часто встречаются в памятниках пермского звериного стиля. Лик женщины, являясь новой ступенью в развитии искусства вычегдских коми, связан с более поздним этапом формирования этого народа, хронологические рамки которого заканчиваются XIV веком. Вместе с тем птица – олицетворение государственности и власти, призванной охранять Родину и народ, способствовать их развитию и процветанию. Поэтому птица изображена на взлете. Распахнутость крыльев означает также гостеприимство, приглашение к сотрудничеству. В целом центральная золотая фигура выступает символом доброй воли и энергии народа. Лик женщины символизирует жизнедающую солнечную богиню, мать мира, хранительницу всего святого и доброго. Лось – символ силы, благородства, красоты, а в космологических представлениях – синтез гармоничного строения мира – органично вписался в рисунок перьев, его изображение придает позе птицы устойчивость, равновесие. Сочетание золотого и красного в фольклоре народа коми является символом утреннего, весеннего, теплого солнца, материнства» [16].

Рис. 3. Герб Республики Алтай

Описание герба Республики Алтай: «Герб Республики Алтай представляет собой сине-голубой круг, окаймленный узкой полоской золотистого цвета. Это символ вечно-го синего неба Алтая. На сине-голубом фоне изображены: в верхней части круга трехглавая вершина одной из высочайших гор Центральной Азии – Белухи – Юч Сюмера, символизирующая красоту и мощь родной земли (белого цвета); в центре – белый грифон – Кан-Кереде с головой и золотистыми крыльями птицы и туловищем льва (пятна на туловище золотистого цвета; грудь, когти и пятна на ногах и кончик хвоста красносиреневого цвета; клюв, основания и концы крыльев, пятно на шее – черные), олицетворяющий собой священную солнечную птицу, стерегущую покой, мир, счастье, богатство родной земли, покровительницу зверей, птиц и природы; в нижней части круга – орнаментальное изображение двух самых больших рек Алтая – Бии и Катунь с их притоками; между ними треножник золотистого цвета – очаг – символ Родины, крепости и вечности родного дома; волнистые линии под треножником – очагом – символ Телецкого озера – Алтын-Келя. Орнаментальное изображение рек и Телецкого озера бирюзово-изумрудного цвета» [17].

Рис. 4. Герб Российской Федерации

Указом Президента России 30 ноября 1993 года введен новый государственный герб, рисунок которого выполнен по мотивам малого герба Российской империи.

Описание герба Российской Федерации: «Государственный герб Российской Федерации представляет собой золотого двуглавого орла, помещенного на красном геральдическом щите; над орлом – три исторические короны Петра Великого (над головами – две малые и над ними – одна большего размера); в лапах орла – скипетр и держава; на груди орла на красном щите – всадник, поражающий копьем дракона». 25 декабря 2000 года Президент РФ утвердил закон «О Государственном гербе Российской Федерации» (8 декабря 2000 года этот закон был принят Государственной думой, 20 декабря 2000 года – одобрен Советом Федерации). Описание герба: «Государственный герб Российской Федерации представляет собой четырехугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья. Орел увенчан двумя малыми коронами и – над ними – одной большой короной, соединенными лентой. В правой лапе орла – скипетр, в левой – держава. На груди орла, в красном щите, – серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьем черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона» [18].

Что касается архаических символов, которые использованы в гербах республик Саха, Алтай и Коми, то именно те древние произведения наскального искусства, а также археологические артефакты, которые запечатлены в гербах этих республик, территориальных образований и населенных пунктов, могут дать моментальный срез исторической памяти и представлений о культуре.

По мнению многих исследователей, интерпретация знаково-смыслового аспекта наскального искусства связана с географически детерминированными традиционными аборигенными культурами, такими как культуры северных народов. Поэтому присутствие наскальных рисунков в государственной, краевой и городской эмблематике, как это произошло в республиках Коми, Саха и Алтай, затрагивает широкий пласт проблем культуригенеза. Использование этой символики предполагает факт наследования современным населением этих мест элементов архаики при сохранении длительной исторической преемственности самых различных типов культур, существовавших с эпохи палеолита до современности.

Можно сделать вывод о том, что основные ценности и нормативы культуры, сохраненные наскальным творчеством, а также запечатленные в образах древней мелкой металлопластики (ананьинская культура VIII–III веков до н. э.) (республика Коми), имеют трансгенерационный и транскультуральный характер. Эти ценности, раскрывающие архаические пласты традиционного мировоззрения и аккумулирующему представлению о стихийных духах, устройстве модели мира, об отношениях социума и природы, передавались из поколения в поколение, из культуры в культуру. Семантика символов, запечатленных в эмблематике названных выше стран/регионов, раскрывается через их научную (археологическую, этнографическую, семиотическую) интерпретацию, т. е. через их глубинную семантику.

Здесь уместно вспомнить семиотический подход Ю. М. Лотмана, который предлагал рассматривать символ как «текст», помогающий переносить ценностные смыслы из одного пласта культуры в другой, что в полной мере применимо к анализу эмблематики страны/региона/населенного пункта. Изображенные на гербе Республики Саха курыканский (курумчинский по Б. Э. Петри) [19] всадник, мифическое существо – грифон, известный по мотивам декора предметов из пазырыкских курганов, на гербе Республики Алтай, неолитическое изображение лося (герб Горного Улуса, Республика Саха) и др. позволяют полагать, что произведения наскального искусства, предметы ананьинского литья, мелкая пластика Пазырыкских курганов (вторая половина I тыс. до н. э.) содержат культурные константы и являются «посредниками», связующими исторические этапы в эволюции культур народов республик Саха, Алтай, Коми и др. Многим может показаться, что наскальное искусство, археологические артефакты утратили свою утилитарную роль, т. к. они сегодня уже не связаны с теми архаическими предметами и явлениями, которые формировали и поддерживали аксиологию древних обществ.

Древние символы в современной государственной эмблематике создают принципиально новый тип реальности, т. е. реальность символического общения между культурным наследием древности и современным миром.

С изменением культурно-исторического контекста образы наскального искусства и археологических артефактов приобретают дополнительное смысловое содержание. Эту идею разрабатывали в своих семиотических теориях Ч. Пирс и У. Эко, вводя понятие «неограниченного семиозиса», т. е. процесса интерпретации знака, в котором нет ни первичной, ни конечной интерпретанты [20].

На основании идей, изложенных выше, мы можем создать следующую структурную модель формирования имиджа страны/региона и показать в ней место архаического компонента:

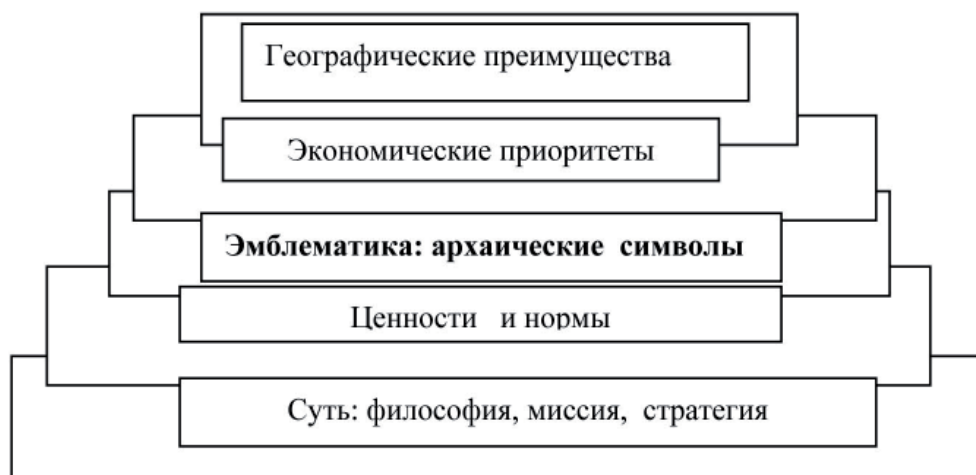

Схема 1. Место архаического компонента в структурной модели формирования имиджа страны/региона

Иван III, Великий князь Московский, поместил мифическую птицу – двуглавого орла – сначала на своей печати, получившей статус государственной, а затем и на гербе. «Изображение двуглавого орла известно с глубокой древности как отражение религиозных верований народов Передней Азии, в частности шумерийцев и хеттов (III–II тыс. до н. э.). На рельефах, обнаруженных в Малой Азии, двуглавый орел изображался вместе с богами Хеттского царства. Есть сведения об украшении двуглавым орлом шумеро-аккадских и хеттских печатей. В качестве культурного наследия, перешедшего к сельджукам от древних народов Передней Азии, двуглавый орел известен исламскому миру Средневековья. С ним познакомились и европейцы во время крестовых походов, постепенно придав ему свойство знака власти... Начиная с XIII века двуглавого орла можно увидеть на монетах и печатях разных правителей в Западной Европе. Он превращается в гербовую фигуру вместе с развитием в средневековой Европе системы геральдики. В какой-то момент двуглавый орел приходит на смену одноглавому – “римскому орлу”, иногда обе эмблемы сосуществуют вместе. Как результат воздействия западноевропейских традиций, которые в это время наряду с византийским влиянием утверждаются в южнославянских странах, на Балканах можно расценить появление двуглавого орла у болгарских царей (на монетах), у сербских правителей (на печатях), в Албании – на печатях знаменитого военачальника Скандербеге Георга Кастриоти. ...Можно предположить, что средневековой Руси была знакома эмблема двуглавого орла в то время, когда она использовалась как художественный мотив и в исламском мире, и у южных славян, с которыми возобновились связи, прерванные монголо-татарским нашествием. Однако, как бы там ни было, в качестве государственного символа двуглавый орел потребовался Ивану III только в последнем десятилетии XV века, поэтому он и заменил им устойчивое к тому времени изображение льва, терзающего змею» [25].

Таким образом, архаические компоненты в структурной модели имиджа страны играют одну из ведущих ролей, являясь указаниями глубины исторической памяти –

столь важного элемента доказательности легитимности государственной власти, государственной и территориальной самостоятельности конкретного геополитического образования, историко-культурной доминанты, которая носит сугубо символический характер, в отличие от ландшафтно-климатической или экономической.

Примечания

1. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. – М., 1987.
2. Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994.
3. Бродель Ф. Что такое Франция? – М., 1995.
4. Bachelard G. La poétique de l' espace. – Paris, 1957.
5. Questions à Michel Foucault sur la géographie // Foucault M. Dits et écrits. 1954–1988. – III. 1976–1979. – Paris, 1994.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. – М.; СПб., 1998.
7. Галумов Э. А. Международный имидж России. – М., 2003; Замятин Д. Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 34–39.
8. Яковлев И. П. Стратегические компоненты имиджа страны, имидж государства/региона: современные подходы. – СПб., 2006. – С. 18.
9. Там же. – С. 18–19.
10. Там же. – С. 19.
11. Тульчинский И. Л. PR технология и эффективность. – СПб., 2001. – С. 45.
12. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб., 2003. – С. 48; Замятин Д. Н. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 46.
13. Яковлев И. П. Стратегические компоненты имиджа страны, имидж государства/региона: современные подходы. – СПб., 2006. – С. 19.
14. Там же. – С. 22.
15. Лобанов Ю. Национальные элементы в геральдике. – Режим доступа: [http://www. statesymbol. ru/russymbols/regions/20050418/39594770. html](http://www.statesymbol.ru/russymbols/regions/20050418/39594770.html)
16. Там же.
17. Там же.
18. Соболева Н. С. Герб российского государства // Наука и жизнь. – 1994. – № 4. – С. 54–55.
19. Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье // Известия народного образования в Чите. – Чита. – 1923. – № 1. – С. 63.
20. Eco U. A Theory of Semiotics. – Indiana, Bloomington, 1979. – С. 54–55.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

HISTORY OF ART

Н. Ф. Хилько

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ КИНОИСКУССТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье на историческом и современном материале освещается взаимодействие профессионального и самодеятельного киноискусства в Западной Сибири.

Ключевые слова: история киноискусства в Западной Сибири, основные этапы его развития, взаимовлияния профессионального и любительского киноискусства.

N. F. Khilko

PROFESSIONAL AND AMATEUR FILM MAKING OF WESTERN SIBERIA IN THE SYSTEM OF INTERACTION: PAST AND PRESENT

The article on historical and contemporary material covers the interaction of professional and amateur cinema in Western Siberia.

Keywords: history of film making in Western Siberia, the main stages of its development, mutual influence of both: professional and amateur movies.

Зарождение кинематографа в Сибири связано с деятельностью выдающегося омского писателя Антона Сорокина. В 1911–1912 годах он вынашивал замысел экранизировать свою монодраму «Золото», которому не суждено было осуществиться. Однако примечательно, что сибирский писатель сохранил на всю жизнь интерес и уважение к кинематографу в таких прозаических произведениях: «33 скандала Колчаку», «Сказка о кинематографе». Глазами своего героя режиссера Штакерта он видел пространство «творения жизни» – новый киногород – Сибирский Голливуд [1, с. 14].

Образы Сибири в документальном кино послевоенного периода имели широкую многогранную *тематику*, реальные истоки которой в объективном выражении скрываются в особенностях становления нового человека, преобразования природы и общественных отношений в период 60–80-х годов XX столетия. Центральная тема кинодокументалистики обозначенного периода – человек труда. Поиски хроникеров и кинодокументалистов внесли большую лепту в формирование гуманистического самосознания человека в обществе, «где главным мерилом его ценности является т р у д» [1, с. 54]. Сложные философские вопросы ставят перед зрителями авторы фильмов: «Что каждый из нас оставит после себя потомкам? Что будет с Землей завтра? – эти извечные риторические вопросы встают перед зрителями и одновременно героями фильмов, звучат как острый

публицистический призыв [1, с. 54–56]. В этом плане интересны фильмы «Подари землю», «Пока есть кедр» (оператор В. Шварцкопф), в авторской позиции которых содержатся интонации беспокойства. Эти работы сняты на особом эмоциональном накале, когда судьба природы ощущается близко к сердцу как необходимость охраны общественного достояния как личного. В этих фильмах успешно проявил себя жанр фильма-дискуссии, показанной языком экранного монтажа. Поэтому авторская позиция, искренне и открыто выраженное отношение к теме и оказалось способным поднимать общественное мнение.

Наряду с этим большое значение приобретают околodomинатные направления неигрового кино, отражающие, с одной стороны, *сакральность и патриотизм* преданности Родине, трудовые, научные, воинские и спортивные достижения советской эпохи (например, «Дорога к отчему дому» – реж. В. Клабуков, оператор П. Шуляк; «Наедине с машиной» – реж. Е. Мордохович; «Первым делом вертолеты» – реж. В. Новиков; «Под знаком сигмы», «Внуки Курчатова», «Этюды о математиках» – реж. А. Мамонова; «Олимпийский прицел» – реж. В. Каблуков; «На 67 параллели» – реж. В. Гребенкин). Картины полны жизненных смыслов и пластических лейтмотивов (мотивы дороги, раздумий и борьбы).

С другой стороны, в картинах присутствуют типологические признаки эпохи «потерянного поколения»: тревога за гибнущую природу, сохранение национального и человеческого «Я», духовности и нравственности, выбор жизненного пути. Это направление в документальном кинематографе ассоциируется с противоречивым раздумьем, содержащимся в одной из последних статей В. Шукшина: «Если ты уходишь (из деревни) – то уходи, но не надо терять себя как человека, личность, характер... Когда происходит утрата – происходит гибель человека, нравственная» [1, с. 92–93].

С этой точки зрения можно рассмотреть такие картины, как «Если ты крестьянский сын» – реж. М. Шерман; сюжетная миниатюра о В. Шукшине на съемках фильма «Печки-лавочки» – киножурнал «Сибирь на экране», № 31, 1979 – оператор А. Кавердяев; «Дед Фатей и его сыновья» – реж. В. Каблуков; «Быть хозяином земли» – оператор В. Мамонтов. Характерно то, что киноновеллы, киноэссе, киноочерки в составе выше-названного киножурнала строятся на основе важных жизненных проблем, человеческих характеров и судеб [1, с. 69]. Их летописность не сводится лишь к демонстрированию экзотики: она больше направлена на показ великих преобразований Сибири.

С этой целью использовались жанры проблемного фильма, хроники, фильма-портрета, фильма-размышления, наполненные гражданским пафосом и публицистическим темпераментом его создателей [1, с. 96], а также репортажные, очерковые, видовые, пропагандистские, информационно-аналитические и проблемно-публицистические сюжеты киножурнала «Сибирь на экране». При этом обнаруживаются возможности кинопублицистов глубоко раскрывать в кинообразах характер человека во взаимодействии с природой. В этом плане важными образы документального экрана становятся как результаты наблюдений режиссера и оператора.

Любительский кинематограф Сибири как массовый вид самостоятельного искусства сравнительно молод: первые областные смотры кинолюбителей как отправные моменты широкого развития кинолюбительства состоялись в начале 1960-х годов. Если в первых

смотре участвовали по 5–7 студий, то впоследствии кинолюбительство из увлечения немногих энтузиастов превратилось в творчество сотен и тысяч людей: в годы наибольшего подъема число любительских киностудий в отдельных краях и областях достигало ста и более [2, с. 119].

В. А. Цукров объясняет имевшиеся в 70–80-е годы достижения в развитии кинолюбительства в Сибири следующими причинами: 1) широкой, поистине массовой популярностью киноискусства; 2) синтезом технических и художественных компонентов любительского творчества, объединившего «физиков» и «лириков»; 3) родовой особенностью киноискусства, заключенной не только в его эстетической, но также и в пропагандистской направленности, что способствовало поддержке кинолюбительства общественными и административными органами; 4) авторской спецификой кинолюбительства, привлекавшего к себе образованных, интеллигентных людей, стремившихся к самовыражению; 5) появлением доступной для масс киноаппаратуры [2, с. 120].

На протяжении 25 лет (с 1960 по 1985 годы), по данным В. А. Цукрова, в кинолюбительстве наблюдалось расширение тематики фильмов и сюжетов, имеющих ценность не только для узкого круга близких автору людей, но и для аудитории, ориентированной на просмотр фильмов большой общественной значимости. Для сибирских кинолюбителей актуальными были социальные, экономические, экологические, нравственные проблемы, что позволяло авторам получать признание на всероссийских и всесоюзных конкурсах. В этом плане активно работали киностудии семи крупных предприятий Сибири: Кузнецкого металлургического комбината, Западно-Сибирского металлургического завода, Красноярского алюминиевого завода, Томского подшипникового завода, Сибкакадемстроя, Омского нефтеперерабатывающего завода, Моторостроительного завода им. П. И. Баранова.

К 1985 году, как отмечает автор [2], наблюдается период спада в кинолюбительстве: уменьшается число студий, сокращается количество их участников (в Кемеровской области со 117 в 1974 году до 37 в 1984 году). Данное явление объясняется: 1) недостатком квалифицированных руководителей; 2) отсутствием централизованной системы технической помощи и консультирования кинолюбителей; 3) стремлением руководителей ограничить деятельность киностудий рамками производственной деятельности, что превращало киностудии в кинолаборатории узкого тематического профиля, сокращало число студийцев и отчуждало их от художественного творчества. Последняя причина называется главной, и именно она серьезно повлияла на перспективы развития кинолюбительства в Сибири, возрождение которого актуально в современных условиях [2, с. 121].

В 90-е годы тематика профессиональных любительских кинолент способствовала широкой *идентификации* тем и сюжетов у кинолюбителей. Наряду с отражением в киносюжетах тематики ближайшего социального окружения появилась тенденция: следование традициям остроты публицистического пафоса, а также духовно-ориентированной проблематики.

В *темах* любительских *фильмов* сибиряков обнаружены следующие *совпадающие и идентичные темы*: красота родного края и любовь к малой Родине; эстетика труда и героизм трудовых будней, показ трудовых традиций; призыв к охране природы, национального наследия и памятников культуры; красота и величие науки; выдающиеся деятели культуры региона. Налицо – близость тем и сюжетов локальным проявлениям

традиционных направлений киноискусства, обозначающих *этнокультурно-региональную идентификацию* образов исторического прошлого и современности.

Далее установим различие между самодеятельным и профессиональным искусством вообще, а затем распространим его на специфику любительского и профессионального кино, рассматривая его в разновидности документальных форм и жанров. Следует целиком согласиться с утверждением К. Г. Богемской, что «любительское перерастает в профессиональное» и одновременно «вписывается в систему функционирования самодеятельного». При этом самодеятельность воспринимается как «занятия без оглядки на какие-либо правила и руководства» [3, с. 5]. Ей (самодеятельности), без сомнения, свойственна импульсивная самодостаточность.

Из этих соображений ясно, что любительская деятельность, в том числе и в сфере документального кинематографа, является частью самодеятельного и отличается от него наличием *институционально организованных форм* деятельности: студий, коллективов, сообществ кинолюбителей. Однако вместе с тем следует иметь в виду, что отмеченная автором [3] «ориентация на реалистичность», сопровождающаяся подражательностью, отнюдь не всегда переходит в формы наивного искусства, а, на наш взгляд, особенно в формах документального отображения жизни склоняется к социально-культурной и художественной идентификации и самоидентификации. При этом самодеятельным кинематографистам или кинолюбителям такой ориентации свойственны «сдвиги культурного сознания, перемены в ментальности» [3, с. 7].

Основная отличительная особенность любительского искусства от профессионального, на наш взгляд, – инициативная деятельность вне социальных институтов, базирующаяся на эстетических принципах *дифференцированных артефактов*, приближенных к реальности художественного бытия создателя произведений. Эта особенность опирается на известную закономерность, проявляющуюся в том, что художественное значение фильма отражается и фиксируется в языке, приобретая устойчивость, которая зависит от усвоения опыта поколений и его собственной с р е д ы (разрядка моя. – Н. Х.) [4]. Именно благодаря региональной среде возникают локальные артефакты, на которые опирается любительский кинодокументализм.

Кто же такой *кинолюбитель*? По мнению известного кинохроникера Н. Лыткина, это – энтузиаст, человек, отдающий любимому делу – искусству кино – все силы и помыслы, всю творческую энергию. Кинолюбитель – эта такая «порода» человека, который создает фильмы, руководствуясь внутренней потребностью. Кинолюбительская деятельность не является его профессией, она не приносит ему дохода или средств для существования. Скорее наоборот, он тратит на нее заработанные основной профессией деньги и поэтому учитывает свои материальные и технические возможности, определяет размер средств для занятия видеосъемкой. Кинолюбитель – это не профессия, *а состояние души* [5, с. 5–15].

Самодеятельное документальное кино в современных условиях переживает кризис: во-первых, в организованных формах оно осталось уделом исключительно детских коллективов, а по отношению ко взрослым – существует чаще всего в корпоративных или семейных формах. Во-вторых, часто кинолюбительство сливается или переходит в форму экранной фотографии и представляется в виде презентаций или слайд-фильмов. В-третьих, серьезным недостатком, сдерживающим развитие кинолюбительства в современных

условиях, является его оторванность от работы кино клубов, возрождение которых усиливается в значительно большей степени.

Вместе с тем, в настоящее время активизируются клубные и телевизионные фестивали, способные привлечь кинолюбителей-одиночек. Так, по данным фестиваля любителей видеофильмов Областной станции юных техников, проведенного в 2009 году, существует небольшое количество (около 12) самостоятельных видеостудий при школах, домах и станциях техники, домах детского творчества. Это число более чем вдвое меньше количества кинолюбительских студий в 80-е годы XX века, считавшиеся периодом расцвета кино-, фотолюбительства: по статистическим данным клуба-кинолаборатории Омской области (руководитель – член Союза кинематографистов Г. И. Михайлова), в Омской области в 80-е годы было 28 студий [6].

Анализ студий по ведомственной принадлежности свидетельствует о том, что в городе чуть менее одной трети (28,5 %) студий принадлежали заводам, чего не наблюдается в настоящее время. По возрастным параметрам перевес в доперестроечный период был однозначно в сторону взрослых коллективов (85,7 %). Соотношение город – село было в сторону города (67,8 %), однако оно было чуть больше двух третей. Кроме того, область гордилась тремя народными киностудиями и шестью студиями-лауреатами, что в масштабе огромной страны было не мало. Значительный процент (17,8 %) занимали студии при учебных заведениях (колледжах, вузах), развивавшие кинематографические таланты студенческого молодежи. В условиях рынка подобная деятельность перешла в форму дополнительного вузовского образования или в систему массовых видеоконкурсов.

Самостоятельные киностудии высших и средних учебных заведений при факультетах общественных профессий и научно-исследовательских институтах использовали следующие *интеллектуально ориентированные* формы взаимодействия: презентация образцов кинолюбительства, самопрезентация, популяризация науки через кинолюбительство, духовно-нравственное развитие в кинотворчестве.

Районные и сельские самостоятельные киностудии использовали несколько другие *мобильные формы*: сопрезентация и обмен достижениями, передвижные киносеансы. Городские самостоятельные киностудии при домах культуры, дворцах творчества и клубах применяли более *локализованный спектр* форм взаимодействия: показ «имиджа места», киновоспоминания, кинопраздники, кинодискуссии, вечера-портреты.

Анализ форм взаимодействия любителей и профессионалов в сфере документального кино как систем коммуникации позволил прийти к выводу, что в современном принципиально альтернативном обществе развивается существовавшая ранее коммуникативная традиция: наличие *альтернативной коммуникативной среды* в форме любительского (самостоятельного) кино, обусловленной тем, что «любое сообщение может быть замечено любым другим» [7, с. 19], представляющим альтернативу уникальной информации. В противовес альтернативной профессиональная кинодокументалистика представляет собой, на наш взгляд, *первичную коммуникативную среду*.

При этом, если сравнительно проанализировать характер профессионального документального кино как первичной коммуникативной среды с рядом типически характерных черт самостоятельной кинодокументалистики, то можно увидеть следующие отличительные особенности (см. табл.).

**Отличительные особенности взаимодействия
профессионального и самодеятельного документального кино
в контексте коммуникации в доперестроечный период**

№ п/п	Факторы коммуникации	Профессиональное документальное кино	Самодеятельное документальное кино
1.	Аудитория	Массовая	Локализованная и дифференцированная
2.	Содержание коммуникации	События, факты, аналитика, проблемы, интервью широкого социального плана	Преимущественно камерные сюжеты, события и факты, важные для узкого социального круга
3.	Целевая направленность форм взаимодействия	Всеобщая направленность взаимодействия; социально-культурный обмен тематикой, идеями и жанрово-стилистическими особенностями	Элитарная ориентация взаимодействия, локально-личностная пропагандистская направленность
4.	Характер авторства	Авторско-коллективный	Авторский
5.	Тематика	Социальная обостренность и широкая общественная значимость тем, идей и сюжетов	Камерная тематика, связанная с распространением актуальных тем, идей и проблем на ближайшее социальное окружение

Таблица показывает, что, не смотря на различия в локализации аудитории, на которую рассчитан документальный или профессиональный документальный фильм, спектре социальной значимости содержания экранной коммуникации, существуют различия в направленности форм взаимодействия от универсальных, социальных к камерным (всеобщая/элитарная ориентация) – (социально-культурный обмен/локально-личностная пропагандистская направленность). Кроме того, важно отметить существенную особенность, связанную с характером самореализации авторов документальных лент: если среди профессионалов преобладает коллективный характер авторства, то у любителей он исключительно персонифицирован. По отношению к тематике форм коммуникации также имеет место существенное различие: если профессионалы ориентированы на социальную обостренность и широкую общественную значимость тем, идей и сюжетов, то кинодокументалистам-любителям свойственна чаще всего камерная тематика, связанная с распространением актуальных тем, идей и проблем на ближайшее социальное окружение.

Важной частью развития кинолюбительства в формах взаимообмена культурными ценностями является принцип чередования фестивалей профессионалов и любителей, который применяется на практике кинодосуговым объединением департамента культуры и искусства Омской области с 2007 года.

Современным профессиональным кинофорумом является ежегодный фестиваль «Встречи в Сибири». За три года на нем было представлено документальное кино России, Швейцарии, США, Голландии, Финляндии, Индии, Испании, Румынии: «Цензуру к памяти не допускаю», реж. А. Пороховщиков; «Синема в Сибири», реж. А. Тархова; «Вне времени», реж. Ж. Бертю; «На острие прогресса: магия монтажа», реж. В. Эппл; «Сны Гамлета» и «Есть ли жизнь на Земле?» Э. Давлетшиной; «Жизнь как перфоманс», реж. А. Стюарт; «Собаки Павлова», реж. А. Халонен. Как видим, тематика фильмов современная, разнообразная, проблемно ориентированная и многожанровая.

Традиционными в рамках фестиваля «Встречи в Сибири» стали показы студенческих работ. 2007 год положил начало новой форме фестивального движения – *Первому молодежному фестивалю авторского видео «Видеоряд»*, где приняли активное участие студенты омских вузов. Показали свои картины и такие известные документалисты, как В. Головнев («Корабль идет, а берег остается») и И. Головнев («Маленькая Катерина»).

Например, в картине *И. Головнева «Маленькая Катерина»* показано, как главная героиня воспитывается на «островке» живой природы. Фильм направлен против уничтожения «оазисов» – источников жизни, нарушения гармонии в природе. Утрата первозданных связей, уход человека от природы, превращение его в бездушное, рациональное существо несовместимы с естественной сущностью человека – к этому призывает автор.

Превращению любительского кино в самостоятельное, то есть обретению им институциональных форм способствует проведение фестивалей любительского (самодельного) кино. В настоящее время актуальным для города стал фестиваль «*Любительское кино + Profi*», который приобрел особый статус в условиях модернизации. Он является одновременно и исторической традицией, и мощным нравственным посылом для современного поколения, поколения эпохи перемен, когда так остро ощущаются недостаток истинных человеческих ценностей и великая потребность в них. Темы любви, добра, верности и преданности, поиска высоких смыслов бытия, духовного пути, динамично меняющейся современной жизни в самых разных формах были и остаются главными в творчестве отечественных кинематографистов в лучшем его проявлении. Фестиваль «*Любительское кино + Profi*» дает возможность его участникам прикоснуться к этим темам.

Сегодня омичи могут не только созерцать выдающиеся творения киноискусства, но и представлять свои на большом экране. Фестиваль «*Любительское кино + Profi*» (2008, 2009 годов) раскрыл много талантов. Здесь приняли участие не только документалисты города Омска, но и районов Омской области, а также Новосибирска, Самары, Камчатки, Франции. Такой фестиваль, безусловно, является стимулом для развития нашего, омского кино. Мы перешли от просмотра к творчеству. Немаловажно и то, что большую часть представленных на фестивалях работ составили студенческие картины. Особо отмечены такие фильмы: «Я помню любимый класс, любимый город Омск» О. Вырезкова, «Ребятам, прошедшим Афган и Чечню, посвящается» К. Саргадеевой, «Недоступен» О. Пономарева, «Романс об Омской старине» А. Мотовилова, «Образ осени» Л. Прибытковой, «Свой след» А. Соколова. Наряду с гражданско-патриотическими мотивами на фестивале присутствовали также лирические видовые сюжеты и фильмы социально-проблемной тематики самого широкого спектра.

Анализ целей и задач фестиваля показал, что его участники своими документальными лентами способствуют сохранению и использованию традиций отечественной культуры; укрепляют гражданский и патриотический облик омичей, воспитывают с помощью кинообразов уважение к героическому прошлому своего Отечества. При этом создаются новые условия для развития и поддержки кинотворчества в городе Омске, творческих инициатив участников любительских киноvideостудий, студентов специализированных факультетов высших и средне-специальных учебных заведений города, отдельных авторов. Фестиваль играет большую роль в популяризации документального кино в России и в регионе. Кроме того, развитию кинофестивального движения любителей-кинодокументалистов способствуют: а) рекламно-пропагандистские киноакции; б) мастер-классы; в) творческие просмотры; г) кино вечера; д) фотовыставки; е) ретро-экспозиции по истории Омского кино; ж) кино клубы; з) тематические кинопоказы.

Примечания

1. Наш товарищ – кино: сб. / сост. В. И. Романов. – Новосибирск: Зап.-Сиб. книжное изд-во, 1981. – 144 с.
2. Цукров В. А. Кинолюбительство в Сибири: достижения и перспективы // Социально-культурные процессы в советской Сибири: материалы Всерос. конф. – Омск, 1985.
3. Богемская К. Г. Понять примитив. Самодеятельное, наивное и аутсайдерское искусство в XX веке. – СПб.: Алетейя, 2001.
4. Вейцман Е. Очерки философии кино. – М.: Искусство, 1978. – С. 196.
5. Лыткин Н. Записки кинохроникера. – М.: Искусство, 1980.
6. Михайлова Г. И. Традиции народного кинотворчества в Сибири // Народная культура Сибири: учеб. пособие / отв. ред. Н. М. Генова. – Омск, 2002. – Ч. 2. – С. 197–215.
7. Почепцов Г. Теория коммуникации. – М., 2006. – 656 с.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

MUSICAL ARTS

К. Попов

ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ И ДУХОВНОСТЬ

В статье излагаются вопросы становления, развития и роли церковного пения в укреплении христианской духовности.

Ключевые слова: церковное пение, его история и духовно-нравственная роль.

К. Попов

CHURCH SINGING AND SPIRITUALITY

The article presents questions of formation, development and role of church singing in the strengthening of Christian spirituality.

Keywords: church singing, its history and spiritual and moral role.

Нет необходимости объяснять подробно важность и значение церковного пения в жизни человека, испытывающего насущную потребность в духовной пище. Будучи не только неотъемлемой частью православного богослужения, его дыханием, церковное пение представляет еще и действенную связь земли с небом, где немолчно раздаются божественные гимны (Откр. 4, 8). Небесные силы и их славословие в святых просторах Престола славы Господней: **«Свят, свят, свят Господь Саваоф...»** и **«Слава в вышних Богу, и на земли мир в человецех благоволение»** – вечные созвучия, голоса с Неба, которые рождают сильное волнение и стремление к святости в христианской душе. Сам Спаситель Господь Иисус Христос положил начало новозаветному пению, когда после Тайной вечери вместе с учениками, воспев, восшел на гору Елеонскую (Мф. 26, 30; Мк. 14, 26). Спаситель благоволил Своим примером освятить пение Своей земной Церкви, *«ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос»* (1 Кор. 3, 11). Первые христиане восприняли как необходимость пение при совершении богослужения, признав его самым мощным средством воздействия на духовный мир человека. Св. ап. Павел в своих проповедях и посланиях советовал христианам назидаться *«псалмами, славословиями, поя и воспевая в сердцах господу»* (Еф. 5, 19; Кол. 3, 16).

Еще с древнехристианского времени Церковь всесторонне заботилась о поддержании и постоянном улучшении церковного пения. Прежде всего такие заботы проявили святые апостолы, о чем мы находим сведения в книге «Деяний святых апостолов» (16, 25) и в Апостольских Постановлениях. Апостолы с гимнами погребали мертвых, как это было при Успении Богоматери и при погребении первомученика и архидиакона Стефана. В книге 2, гл. 57, сказано: *«...после 2-х чтений из /Ветхозаветных/ книг, кто-*

либо другой пусть поет псалмы Давида, а народ да повторяет концы стихов». В кн. 7, 24 определено Молитву Господню «Отче наш» петь каждый раз трижды. А в Правилах 15, 23–25, 43 упоминается о певцах как низшей степени клира. Таким образом апостолы не только поощряли богослужебное пение, но и узаконили его обязательность [1].

После апостольского времени очень важными становятся мнение Св. Отцов и учителей Церкви, решения Вселенских и Поместных соборов, которые установили каноны красивого и стильного пения в Церкви в соответствии с целями, которым оно служит. Неправильно сейчас пренебрегать этими решениями и считать их валидными только для времени, когда они были составлены.

Богослужебное пение в христианской Церкви первых трех веков пользовалось некоторой свободой исполнения, однако общая заповедь – *«только все должно быть благопристойно и чинно»* (1 Кор. 14, 40) – и при этой свободе могла соблюдаться во всей своей силе. С III века музыкально-мелодический стиль христианского песнотворчества начал испытывать влияние греко-языческой светской музыки, привнесенной в юную Церковь новокрещенными христианами. На это явление первым из учителей Церкви обратил внимание св. Климент Александрийский (II–III века). Сопоставляя нравственную сущность христианства с характером греко-языческой светской музыки, он пишет: *«Музыкой следует заниматься ради облагорожения и укрощения своего нрава...Музыка, которая действует на души изнеживающим образом, которая ввергает их в сумятицу то плаксивых, то бесстыдных и сладострастных, то иступленных и неистовых настроений, является излишней и должна быть отвергнута»* (Климент Александрийский. Строматы, VI, II) [2]. *«Гармонии следует принимать строгие и целомудренные; должно гнать возможно дальше от нашего мужественного настроения те изнеженные гармонии с их коленчатыми переливами, которые коварной своей изощренностью внушают людям склонность к роскоши и распущенности»* (Климент Александрийский. Педагог II, 4, 44) [3].

Можно сказать, что после объявления христианства официальной религией Миланским эдиктом (313 год), началась настоящая история пения в христианской Церкви. Чинопоследование церковных служб в главных своих чертах к IV–V векам достаточно определилось и приняло формы, которые в ближайший за тем период истории получили почти законченный вид, в каком и дошли до настоящего времени. Изменившаяся обстановка потребовала отказаться от существующей практики общенародного пения без руководителей и узаконить положение хорошо подготовленных клиросных певцов как единственных исполнителей церковных песнопений. Об этом говорит 15-е правило Лаодикийского собора (343 год): *«Кроме певцов, состоящих в клире, на амвон входящих и по книге поющих, не должно иным петь в церкви»* [4]. Согласно византийскому толкователю Иоанну Зонара (XII век), отцы собора требовали, чтобы в церквах соблюдалось благочиние, для чего решили, что в них не может петь каждый, кто этого пожелает, а лишь канонические певцы, т. е. те, которые имеют специальное посвящение для этой деятельности [5].

Св. Отцы Церкви уделяли большое внимание тому, чтобы удержать и ограничить выходящую за пределы христианской терпимости искусственность церковного пения, указывая на различия между истинно церковным и противохристианским пением. Св. Иоанн Златоуст (IV–V века) в беседе на 41 псалом поясняет: *«Ничто не возбуждает, не окрыляет так дух, ничто так не отрешает его от земли и уз телесных, ничто не наполняет любовью к мудрости и равнодушием к житейским делам, как пение стройное, как песнь священная, сложенная по правилу ритма»* [6]. А в своей беседе на главу 6 пророка Исаии он говорит нескромному певцу: *«Жалкий и несчастный человек, тебе следо-*

вало бы со страхом и трепетом возглашать ангельское славословие, а ты переносишь сюда действия мимов и танцоров, непристойным образом вытягивая руки, притопывая ногами и выворачиваясь всем телом» [7]. В другой беседе выражает сожаление о том, что «многое из того, что можно услышать на сцене, переносится и в Церковь и что неестественные крики в ней в состоянии рассеять дух человека... Неужели можно смешивать забаву с церковным пением, предназначение которого – прославлять Бога» [8].

Мысль о подлинных целях христианско-богослужебного пения высказано св. Василием Великим следующим образом: «Поелику Дух Святой знал, что трудно вести род человеческий к добродетели, что, по склонности к удовольствиям, мы не радим о правом пути, то что Он делает? К учениям примешивает приятность сладкопения, чтобы вместе с усладительным и благозвучным для слуха принимали мы незаметным образом и то, что есть полезного в слове. На сей то конец изобретены для нас стройные песнопения псалмов, по видимому только пели их, а в действительности обучали свои души» [9].

В одной своей проповеди св. Киприан Карфагенский (III век) отмечает, что христиане, когда собираются в церкви, должны соблюдать самое большое благоговение и нужный порядок. «Мы не должны необузданными и искусственными голосами возносить молитвы к Богу или же многоречивостью и криками просить от Него желаемого, потому что Бог не слушает голоса уст, а голос сердца и не обращает внимание на наши крики, а на то, что у нас в мыслях» (Св. Киприан Карфагенский. О Господней молитве) [10]. В своем толковании на слово св. ап. Павла, что Господу надо петь сердцем (Еф. 5, 19), блаженный Иероним (IV–V века) обращается к певцам в церкви, увещая их петь Богу не столько горлом, сколько сердцем: «Горло и уста не должны быть в храме такими, как в театре или, другими словами, не петь театральные молитвы и песни, а нужно благоговейно произносить и знать Св. Писание» (Бл. Иероним. Комментарии на Послание к Ефессянам) [11]. Точно так же св. Исидор Пелусиот (IV–V века), делая суровый укор певцам, пишет: «Они не чувствуют умиления от божественных песнопений, но, сладость пения употребляя для возбуждения страстей, не думают, что оно должно заключать в себе нечто более сценических песен» [12].

Особое внимание со стороны всех церковных певцов и регентов должно быть уделено 75-му правилу VI Вселенского собора (680–681 годы): «Желаем, чтобы приходящие в Церковь для пения не употребляли бесчинных воплей, не вынуждали из себя неестественного крика и не вводили ничего несообразного и несвойственного Церкви, но с великим вниманием и умилением приносили псалмопение Богу, назирающему сокровенное» [13]. Вот как толкует это правило византийский писатель Феодор Вальсамон (XII век): «Церкви Божии называются Домом молитвы, и поэтому молящиеся должны призывать Бога со слезами и смиранием, а не в бесчинном и неприличном виде. И так Отцы определили священные песнопения исполнять не бесчинными и принужденными воплями, не с какими-то несвойственными церковным требованиям голосовыми украшениями, театральными напевами и излишними переливами голоса, а с великим умилением и богоугодным образом возносить молитвы Богу, Который видит тайное в наших сердцах» [14]. Неподобающее пение в церкви не только не пробуждает высокого сознания, соответствующего месту, в котором мы находимся, не только не поддерживает нас в состоянии молитвенного горения, но как-то оскорбляет сокровенные чаяния, с которыми верующие идут в храм или к месту молитвы.

Вследствие усердных забот со стороны Отцов и учителей Церкви многие вопросы церковного пения получили уяснение. Существенным элементом в этих заботах было об-

разование определенного цикла употребительных в церкви ладов, положенных в основу богослужебных напевов и послуживших началом церковного осмогласия [15], окончательно установленного в течение последующих веков.

Упомянутые здесь мнения и решения – это только одна часть традиции святоотеческого учения о церковном пении. Многим церковным певцам и регентам они неизвестны, что является основной причиной их неправильного отношения и интерпретации православного богослужебного пения. Здесь мы постараемся выделить некоторые встречающиеся церковнопевческие проблемы и слабости.

Первая проблема, как в Болгарии, так и в других православных странах, заключается в недостатке квалифицированных церковных певцов и регентов. Имея в виду современный процесс духовного обновления, необходимо серьезно задуматься и сделать необходимое для повышения уровня церковнопевческого просвещения и исполнительского искусства. При наличии ясного религиозного сознания это может осуществиться через изучение стиля церковного пения, углубления в его сущность, приобретения комплексных познаний в области Священного Писания, истории церковного пения, церковного устава и др. Кроме того, необходимо открывать церковные регентские классы при высших духовных учебных заведениях – там, где их еще нет, как и курсы по церковнославянскому пению при консерваториях.

Еще более тревожна проблема с духовным и молитвенным уровнем исполняющихся песнопений. Прежде всего, всем певцам должна стать ясна сущность церковного пения. Оно не называется церковным лишь из-за того, что исполняется в церкви, и не потому, что оно какой-то жанр музыки – оно представляет собой отдельную огромную сферу, уровень, сравнительный с народной и светской профессиональной музыкой. Молитва – вот цель и смысл церковного пения. Оно даже называется Св. Отцами не музыкой, а словесной мелодией. *«Вся сила и важность церковного пения заключается в словах молитвы, а цель пения – прежде всего дать им ясное выражение»* – так высказался более 130 лет назад известный русский церковный композитор и директор придворной певческой капеллы Алексей Федорович Львов. Но всегда ли отвечает современное церковное пение этим требованиям и целям?

Как известно, во многих православных странах мы наблюдаем негативный период истории церковного пения. Оно считалось некоторым анахронизмом, ограничивалось или вообще исключалось из репертуара светских хоров. Тот факт, что в последнее время изменилось отношение к этому церковному наследию, радует всех христиан. Мы являемся свидетелями все более частых концертных исполнений церковных песнопений (одногласных и многоголосых), как и организации фестивалей православной музыки, каковым является Международный фестиваль-конкурс «Хоровое вече Сибири». Но, к сожалению, в некоторых храмах и концертных залах замечается неправильная интерпретация и грубый индивидуализм, проявляемый самонадеянными певцами и регентами, которые безответственно вносят личные странные видения в свои исполнения. Так, например, ищут сценических эффектов, которые несовместимы с церковным пением – используются приемы светской музыки (штрих стакатто, контрастная динамика, пение с закрытым ртом и другое). Не принимается во внимание уставное положение каждого песнопения (его место в богослужении и исполнительский стиль), вследствие чего допускаются ошибки в темпе, динамике и т. д. Кроме того, некоторые позволяют себе делать изменения в богослужебном тексте и партитурах, прибавляя или убирая слова и целые такты, делают комичные обработки. Похвально их желание обогатить православную церков-

нопевческую сокровищницу аранжировками и даже новыми произведениями, но для этой деятельности недостаточно только познаний по хоровой аранжировке и владения законами гармонии. Богослужебный текст – не гарантия, что песнопение получится церковным. История церковной хоровой традиции под западным влиянием полна примеров того, как итальянские композиторы XVIII века буквально приспосабливали церковнославянский и богослужебный текст к своим светским произведениям и появлялись различные версии песнопений в светском духе.

Позднее многие русские композиторы делали попытки возродить древние распевы, хотя и не в их чистом виде, а также создать самобытные славянские песнопения, поднимая на необходимый уровень русскую хоровую культуру, большая часть которой была перенесена в Болгарию и другие православные страны. Но необходимо иметь в виду, что много великих светских композиторов оставили нам не вполне удачное церковное творчество. П. И. Чайковский, прежде, чем приступить к своим церковным композициям, основательно изучил старинные образцы и старался усвоить православный церковный стиль. Неуспехи композиторов коренились и коренятся именно в незнании этого стиля, в использовании одних и тех же приемов в светском и церковном творчестве, как и вообще в отсутствии церковности в церковных песнопениях. Не бывали ли мы свидетелями ошибочного выбора, сделанного регентом: например, чувственного **«Ныне отпускаеши»**, в котором солист любит свой красивый голос, или бравурного **«Яко да Царя»** в маршевом темпе. Поэтому мы должны иметь критическое отношение к песнопениям, которые предстоит исполнить, а произведения, не отвечающие православным церковным требованиям, принимать только как информационный звуковой материал.

Как православная икона имеет целью прославление не плоти, а подвига святого, так и церковное песнопение должно порождать в людях не мускульное, а духовное напряжение. Истинно церковным пением может быть только то, которое построено на духовных музыкальных основах. Лишь в этом случае оно может выполнять свое великое и святое предназначение – помогать возвышению нашего духовного состояния и способствовать достижению высшей цели Церкви – спасения души человеческой.

Примечания

1. Никольский А. В. Краткий очерк истории церковного пения в период I–X вв. – Петербург, 1916. – С. 7.
2. Музыкальная эстетика западно-европейского Средневековья и Возрождения. – М., 1966. – С. 100.
3. Там же.
4. Правила на св. Православна църква и тълкуванията им. – София, 1913. – Т. II. – С. 802–803.
5. Там же. – С. 803.
6. Архиепископ Филарет (Гумелевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. – 2-е изд. – Чернигов, 1864. – С. 138.
7. Музыкальная эстетика западно-европейского Средневековья и Возрождения... – С. 117.
8. Правила на св. Православна църква с тълкуванията им... – С. 316.
9. Никольский А. В. Цит. соч., – С. 20.
10. Правила на св. Православна църква с тълкуванията им... – С. 316.
11. Там же.
12. Архиепископ Филарет. Цит. соч. – С. 270.
13. Правила на св. Православна църква с тълкуванията им... – С. 313–314.
14. Там же. – С. 314–315.

15. Осмогласие – система восьми голосов, построенных на основе древнегреческих ладов и древнегреческом строе. Оно было систематизировано в VIII веке преподобным Иоанном Дамаскином. Позднее возникли его различные национальные разновидности.

И. Г. Умнова

**ДУХОВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ТВОРЧЕСТВА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОМПОЗИТОРОВ,
ЗАФИКСИРОВАННЫЕ В МЕМУАРАХ И ЭССЕ**

В статье сопоставляются взгляды отечественных композиторов на современность и традиции, искусство и его идеалы. Определяются духовные ориентиры, необходимые для современных творцов.

Ключевые слова: мемуары, эссе, композиторские принципы, образно-идейное содержание творчества, традиции.

I. G. Umnova

**SPIRITUAL GUIDANCE OF CREATIVITY OF DOMESTIC COMPOSERS
RECORDED IN MEMOIRS AND ESSAYS**

The article compares the views of local composers to modernity and tradition, art and its ideals and determines the spiritual guidance necessary for today's creators.

Keywords: memoirs, essays, composing principles, image ideological content of art, tradition.

Присущая художественной культуре на протяжении ряда десятилетий множественность направлений и быстрая смена их чередований, отмечаемая многими исследователями искусства, традиционно связывается со стремительным развитием научно-технического прогресса, широчайшими возможностями средств коммуникации, глобальным характером взаимодействия народов разных стран и материков. В то же время картина мира сильно дисгармонична, внутренне конфликтна, что заставляет человека дистанцироваться от всего происходящего. Возможно, именно поэтому острый, напряженный интерес у отечественных композиторов к «последнему слову» в системе выразительных средств никогда не был связан с отказом от коренных национальных традиций. Кроме того, современного творца притягивают и праистoki культуры, те времена, когда слово, пение, музыка, танец составляли единое целое. Вероятно, для художественного сознания необходимо «все видеть, все понимать, ибо оно в силу самой необходимости искусства должно целостно усвоить весь Универсум, с которым “жизненно и духовно связан человек”» [1, с. 117]. Таким образом, обновление культуры путем обращения к истокам становится одним из проявлений наметившейся тенденции.

Важно и другое: прошедшее столетие планетарным масштабом своих злодеяний, национальными трагедиями, гуманитарными катастрофами, массовым уничтожением людей закрепило в сознании человечества представление о смерти как явлении будничном, повседневном. Поэтому тема конца человеческой жизни оказалась близка многим

художникам, а образ смерти (мифологизированный, метафорический, символический) приобрел вселенские, апокалиптические масштабы. Ощущение враждебности заставляет человека закрыться, уйти в себя, что, в свою очередь, находит выражение в большой роли исповедальности творчества, преобладании личностного характера высказываний, присутствии в них ностальгической ноты. Ощутимо стремление осветить тему этических оснований существования человека, самоопределения личности, этического выбора – участия или неучастия в совершении зла – в многочисленных мемуарах, эссе, воспоминаниях, письмах Мастеров (композиторов, художников, артистов и др.), опубликованных в последние десятилетия [2].

Напомним, мемуары (франц. *mémoires* – воспоминания) и эссе (франц. *essai* – опыт, набросок) – отчасти схожие жанры, поскольку литературно оформленные личные воспоминания, включающие порой жизнеописание самого автора, близки публицистическим заметкам с зафиксированной в них подчеркнута индивидуальной позицией творца. И в мемуарах, и в эссе важное значение имеет большое количество фактов, данных, накопленных сознательно, а иногда и бессознательно отобранных, словно всплывающих в памяти. Эти жанры несут на себе отпечаток индивидуальности пишущего, его вкуса и темперамента, его воображения и привязанностей. В них присутствует и образный материал сравнений, основанный на ассоциативном мышлении автора, и использование им метафор как эффективного языкового средства, и включение иронии как литературного приема, несущего в себе сильную оценочную энергию. В текстах мемуаров и эссе представителей искусства могут содержаться субъективные реакции на новизну, оригинальные характеристики рассматриваемого явления. Одновременно в них могут проявляться основные составляющие стилистики того или иного творца, детали собственного художественного процесса. Выбирая жанр мемуаров или эссе, авторы используют разностильный речевой репертуар, обращаясь к бытующему разговорно-обиходному, официально-деловому, газетно-публицистическому, художественному или даже научному стилям речи.

Представляется возможным через жанры мемуаров и эссе охарактеризовать корневые установки в творчестве самобытных, несхожих в своих эстетических принципах композиторов, определивших своеобразие отечественного музыкального искусства в конце XX века. Для решения поставленной задачи будем привлекать размышления, воспоминания, высказывания Г. Свиридова, А. Шнитке и С. Слонимского. Интересно, что не столько окружающая действительность, редко радующая композиторов положительными эмоциями, сколько мир искусства, мир музыки является для творцов реальностью. В своих размышлениях композиторы-соотечественники проявляют себя и как острые публицисты, и как доверительные собеседники, демонстрируя собственные взгляды на мир, историю, искусство. В своеобразной манере обсуждения Свиридовым, Шнитке, Слонимским той или иной проблемы всегда узнается творческий темперамент каждого. Приоткрыть же тайну глубинных смыслов художественных миров композиторов позволят суждения творцов о современном состоянии общества и искусства, его ценностях и идеалах, назначении художника и его отношении к традициям.

Музыкантом, который своим творчеством старался возродить духовность, вселить в души свет и веру, по праву считают Г. В. Свиридова. На страницах своих мемуаров автор «Патетической оратории» постоянно высказывается о бездуховности искусства нашего века, нравственном комфорте и «интеллектуальном наслажденчестве», наносящих лишь вред человеческой душе. Приведем для сравнения несколько свиридовских

мыслей: «В начале XX века в России появилось искусство, стремящееся утвердиться силой, а не художественной убедительностью. (С той поры такого рода искусство не исчезло совсем. Оно процветает и сейчас.) <...> На первый план выплывает «Я» художника. Заслоняющее от него весь мир и делающее незначительным все мировые события и всех их участников. Честолюбие становится главным в человеке и главным мотивом творчества» [3, с. 100]. Спустя годы композитор характеризует уже искусство всего XX века: «...Так называемое “левое” искусство сильно погрешило против человека, воспевая и сильную личность, и сатанизм, и кровавые жертвы, и абсолютную свободу “индивидуализма” как идею жизни, безнравственность, безбожие и гнуснейший цинизм, право человека на убийство (порок, оказывается, вовсе не порок, а всего лишь особенность человека), разврат – как нормальное бытие современного общества. Разумеется, было бы нелепым все искусство века свести к упомянутым идеям, но процент ущербного, антихристианского...» [3, с. 569].

Не утешительны представления о современной жизни и Сергея Слонимского: «Нынешнее бытие наше давно и безрадостно определилось. Политика и экономика захватили умы и языки, но не повысили квалификацию и совесть тех, кто ими реально занят. Демагогия, ложь, спекуляция и хватательные инстинкты стали профессией, притом весьма престижной и уважаемой. Честный труд оказался занятием презренным. Халтура ценится тем выше, чем она беспардоннее и бездарней. Профессиональная работа всюду – а в искусстве тем более – стала опасным чудачеством, самоубийственным для вымирающих трудяг, опасным прецедентом для выплывших из мутного политического водоворота» [4, с. 147]. В дополнение процитируем «некоторые субъективные соображения о ремесле композитора, о его месте в жизни современного общества», зафиксированные Слонимским уже в XXI веке: «Общество это, на мой взгляд, больное. Оно подвержено немалому числу невзгод и заблуждений. Тем самым и удел серьезного музыканта становится весьма горьким, а его работа – непростым, нелегким делом» [5, с. 3].

Действительно, конец XX века не представил особых новаций, которые открыли бы глобальные перспективы дальнейшего социокультурного развития. Более того, в постиндустриальном обществе возникают новые проблемы. Свою обеспокоенность ими высказал А. Шнитке: «Опасность всегда одна и та же, и очень простая. Как только возникает что-то новое, появляется искушение всю историю пропустить через это. То есть смотреть на мир компьютерными глазами. И тогда весь мир неизбежно оказывается обрезанным, “компьютерным”, а сам компьютер, который занимает свое и важное место в мире, вырастает до чего-то главного, единственного. Компьютер, который вытесняет весь мир. Точно так же, как мир мог бы быть вытеснен войной, политикой, наркотиками, водкой. Нечто становится в какой-то момент опасным заменителем всего мира, и это может привести к катастрофе» [6, с. 140].

Говоря об идеалах, свойственных искусству XX века, Свиридов подчеркивает: «XX век только и занимался ниспровержением, но выдвинуть новый нравственный идеал, столь же высокий, не смог! Герой (человек) все более и более мельчал, пока не превратился в куклу (Петрушка), нравственных ничтожеств, наподобие персонажей опер Шостаковича или «Воцек». Герой – нравственное ничтожество или преступник, а иногда и то, и другое. И самое главное, что ему никто не противостоит» [3, с. 112]. Думается, что именно столь жесткая оценка образно-идейного содержания произведений своих современников закрепила за Свиридовым определение «композитора, попавшего не в ту эпоху».

Однако об отсутствии единого взгляда на смысл музыки говорит и Шнитке, по-своему объясняя это явление: «Все более разраставшееся субъективное самовыражение композитора постепенно привело к тому, что мы находимся сейчас в противоположной ситуации, на противоположной точке: когда все опять жаждут какого-то классицизма, какого-то объединения, какого-то объективного стиля после огромного количества субъективных поисков» [6, с. 212]. И далее: «Композитор может себя, так сказать, делать – таким и другим. Он, как всякий человек, носит в себе некий музыкальный внутренний мир, который состоит далеко не только из его собственных композиторских идей – чистых, стерильных, прекрасных: там и вся музыкальная субкультура, которую он впитал, – и то, что он слышал в детстве, и то, что он слышит каждый день на улице, – это все его окружает, это все живет в нем. И это иерархичное, многоступенчатое внутреннее музыкальное сознание, этот внутренний музыкальный мир весь может стать материалом для работы – или материалом может стать один слой: верхний, самый чистый» [6, с. 215].

Повышенный интерес заслуживают и высказывания Альфреда Шнитке, в которых зафиксирована личная композиторская метода: «Мне представляется, что процесс развития искусства связан с непрерывным открытием новых ощущений, новых эстетических переживаний, которые, будучи новыми, не всегда могут быть как-то определены, квалифицированы словами. <...> И мне кажется, что развитие искусства связано с завоеванием этих новых переживаний, которые словами определить невозможно. Они всегда сопровождаются также ощущением недоумения, удивления и даже иногда протеста. В этом смысле цитаты, возникающие в чужом контексте, будь это в виде грубого коллажа, будь это в виде каких-то более тонких тематических связей (между музыкой разных эпох могут быть тематические связи), – все это создает новое переживание, новое ощущение, ощущение не в смысле эмоциональном, а в смысле познавательном. Это меня всегда чрезвычайно интересует, поэтому я и пользуюсь цитатами» [6, с. 211].

Мнение Слонимского о содержании современных музыкальных произведений несколько отличается от предыдущих точек зрения: «Для меня суть музыки заключается в том, что в ней, собственно говоря, выходит на поверхность душа человека. Если человек не чувствует в себе душу и не верит, что она есть у него и у других людей, то это уже не человек. А если в нем нет души, то в нем нет и музыки» [7, с. 165–166]. В разделе «Стоит ли писать свою биографию?» книги-эссе «Бурлески, элегии, дифирамбы...» Слонимский заявляет: «Безусловно, не стоит. <...> На моем пути встретились незаурядные люди, чья известность должна быть большей, а память о них доброй и благородной. К тому же каждый человек – и я в том числе – чем-то отличается от других, и мне близка мысль Лермонтова: история каждой души человеческой по-своему не менее увлекательна, чем история целого народа. Поэтому попробую писать не автобиографию, <...> не исповедь, а некое воспоминание о том, что тронуло, задело душу, повлияло на работу» [4, с. 18–19]. И далее: «Читатель..., вероятно, уже разозлился: зачем подробно писать не о знаменитых людях, а о малоизвестных или забытых? Да, именно о них и о забытых произведениях я написал и буду писать статьи, воспоминания. <...> Не дать умереть лучшему, живому и благотворному в каждом талантливом и добром человеке – это и есть практически возможная борьба со Смертью. И я веду ее не за себя» [4, с. 20]. «Жизнью жизнь продолжить» или «Жизнями живущих продолжить ушедшую жизнь, а собственной жизнью продолжить ушедшие жизни» – этот духовный девиз Слонимского и является тем импульсом, который дает рождение его новым музыкальным и новым литера-

турным произведениям. Напомним в этой связи и мысль Шумана, который считал, что бесследно исчезают люди приспособившиеся, быстро отказавшиеся от более высоких идеалов, те, кто вместе с сотнями других плыли по течению.

А вот в суждениях о значении традиций для современного творца композиторы единодушны. Свиридов уверен: «...Для меня лично Русская классика XIX века, романсы и песни Алябьева, Варламова, Гурилева, Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Бородина, Чайковского, Рахманинова – это музыка необыкновенной свежести. Идеалы и нравственные ценности Русского искусства XIX века в моем сознании не поколеблены, до сих пор мне представляются недостижимыми вершинами» [3, с. 112]. Подтверждением этой мысли могут стать прекрасные хоровые произведения современного классика: кантаты «Курские песни» и «Снег идет», хоровой концерт «Пушкинский венок» и «Музыкальные иллюстрации к повести А. С. Пушкина “Метель”», а также многие другие сочинения. Обратим внимание и на еще одно принципиальное для его творчества суждение: «Жизнь традиции достойна уважения и самого внимательного изучения. Традиция имеет способность возрождаться заново, воскресать. Примеров этому много. Одна из самых замечательных эпох в истории европейского искусства так и называется – эпоха Возрождения. Великое искусство только и возможно в опоре на великую традицию» [3, с. 385].

Корреспондируется с мнением Свиридова и взгляд на связь с традицией А. Шнитке: «Композитор сегодняшнего дня не может пройти мимо... ежедневно открываемого ему мира музыки прошлого; для меня, во всяком случае, абсолютно невозможно не ответить на это – и отсюда псевдцитаты, сопоставления этой музыки с сегодняшней музыкой» [6, с. 212]. Живая традиция – так образно можно определить метод Шнитке: «Я не знаю, как для кого, но для меня – я понял, что все это должно быть материалом для моих сочинений: и то, что я пишу, так сказать, в прикладных жанрах, и то, что я пишу для себя; что между этим не должно быть разрыва, пропасти. Поэтому и возникла идея соединения элементов разных стилей в одном сочинении» [6, с. 215]. Как известно, именно в актуализации стилей прошлых эпох, в возрождении давно существовавших традиций и заключается метод полистилистики.

В понимании значения традиций для композиторского творчества проявляется дар Шнитке не только как практика, но и как теоретика музыки. В доказательство приведем следующую мысль автора «Сюиты в старинном стиле». «Наше время очень отличается в восприятии искусства от того, что было, скажем, сто лет назад. ...Скажем, если взять концертную практику XVIII–XIX веков, то вряд ли там исполнялись сочинения XIII, XIV, XV, XVI веков: то, что было раньше, было как бы забыто. А в наше время исполняется все больше и больше старинной музыки, и прошлое для нас становится более актуальным, чем для людей прошлого, – т. е. человек XX века больше знает о музыке предыдущих веков, чем человек XIX, человек XVIII века. И это вынуждает нас как-то по-новому вступать в диалог с этим прошлым и с музыкой прошлого, и она становится материалом для музыки настоящего, она становится материалом для композитора так же, как, скажем, фольклор» [6, с. 211].

Охарактеризуем и позицию Сергея Слонимского, которую образно можно назвать этической: «Я считаю своим долгом воскрешать из небытия труды, музыку, личность тех талантливых людей, с которыми был связан. Если каждый поступит так же – лучшее в ушедших сохранится и будет передано по живой цепи следующим поколениям» [4, с. 125]. Идеи подобного возрождения – по определению Слонимского, Нового Ренессанса, Русского Ренессанса, Ренессанса самого человека – определяют и композиторское,

и литературное творчество автора «Славянского концерта». «Мне и в наследии прошлого дорого прежде всего то, что наименее “заиграно” и “запето” – ричеркары Андреа Габриели или совершенно незаслуженно забытая опера “Геновева” Шумана – я считаю свои долгом способствовать ее постановке в России». И далее: «...Мы проводим в Петербурге концерты из произведений таких композиторов, как Щербачев, Шебалин, Кочуров, Ключнер...» [8].

Таким образом, высказанные в мемуарах и эссе взгляды композиторов определяют генеральную линию для творчества как Свиридова, так и Шнитке, и Слонимского. Ее смысл может передать мысль Б. Л. Пастернака из романа «Доктор Живаго»: «Шаг вперед в искусстве делается по закону притяжения, с подражания, следования и поклонения любимым предтечам».

Примечания

1. Закс Л. Художественное сознание. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 210 с.
2. См.: Беседы с Альфредом Шнитке. – М.: Классика – XXI, 2003. – 320 с.; Дмитрий Шостакович в письмах и документах. – М.: Изд. орг. гос. музея муз. культуры, 2000. – 570 с.; Зыкина Л. Г. На перекрестках встреч / вступ. ст. Т. Хренникова. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.; Козловский И. С. Музыка – радость и боль моя: Статьи, интервью, воспоминания / сост. И. Сафронова, Н. Слезина. – М.: Композитор, 1992. – 384 с.; Лютославский В. Статьи, беседы, воспоминания. – М.: Тантра, 1995. – 208 с.; Пригожин Л. Минувшее: Воспоминания. – Л.: Сов. композитор, 1991. – 96 с.; Свиридов Г. В. Музыка как судьба. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 798 с.; Щедрин Р. Монологи разных лет. – М.: Композитор, 2002. – 192 с.
3. Свиридов Г. В. Музыка как судьба. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 798 с.
4. Слонимский С. М. Бурлески, элегии, дифирамбы в презренной прозе. – СПб.: Композитор, 2000. – 152 с.
5. Слонимский С. М. Мысли о композиторском ремесле. – СПб.: Композитор, 2006. – 24 с.
6. Беседы с Альфредом Шнитке. – М.: Классика – XXI, 2003. – 320 с.
7. Вольные мысли. К юбилею С. Слонимского / ред.-сост. Т. Зайцева, Р. Слонимская. – СПб.: Композитор, 2003. – 616 с.
8. Слонимский С. М. О прошлом, настоящем и будущем [монолог после фестиваля музыки С. Слонимского] // Муз. обозрение. – 1994. – № 122. – Декабрь. – С. 11.

Н. А. Чикунова

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЛУЖБЫ ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Статья посвящена композиции гимнографического цикла службы Введения во храм Пресвятой Богородицы, одного из важнейших праздников церковного года. Древность и значимость исторического события праздника в мировой христианской истории и художественной культуре определяет актуальность изучения гимнографии и певческого исполнения канонического корпуса текстов. Статья написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf.

Ключевые слова: богородичная служба, типовая организация цикла, песнопения, самогласны, подобны, многораспевность.

*N. A. Chikunova***COMPOSITE LAWS OF CHURCH SERVICE OF THE ENTRY
OF THE MOST HOLY THEOTOKOS INTO THE TEMPLE**

The article is devoted to the song of hymnologic cycle of the entry of the Most Holy Theotokos into the Temple, one of the most important holidays of the church year. The antiquity and significance of a historical event of the holiday in the world of Christian history and artistic culture determines the relevance of the study hymnographies and singing performance of the canonical body of texts. This article was written as part of a research project, supported by the Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf.

Keywords: the Most Holy Theotokos Service, a typical organization of the cycle, chants, monophonic, prosomoia, polyphonic chant.

Композиция службы Введения представляет собой цикл, имеющий типовую организацию в годовом круге богородичных служб. Напомним: уставные отличия имеет служба Благовещения Пресвятой Богородицы в связи с великопостными особенностями. К настоящему моменту отечественная наука располагает лишь двумя работами, посвященными изучению чина двенадесятых праздников [1]. Частично также исследована служба часов Рождеству Христову [2]. Однако, при всей каноничности построения служб двенадцатым праздникам, каждый цикл индивидуален. Это проявляется и в особенностях музыкальной композиции, и в соотношении самогласных и подобных песнопений, и в удельном весе многораспевности.

Отсчет нашей работы начинается с одного из самых ранних списков славянского перевода Иерусалимского Устава – РНБ F. I. 93 – список 1319 г., ктиторский Типикон Дечанской Лавры [3]. С этого времени на Руси постепенно распространяется и находит повсеместное употребление Иерусалимский Устав. Автором статьи были проработаны 15 источников, отображающих процесс вживления Иерусалимского Устава. Имеются в виду рядовые рукописи, находящиеся в хранилищах Санкт-Петербурга (РНБ, БАН) [4]. В том числе были привлечены два издания: печатные Устав и Минея (ноябрь, 1610 год).

Рассматривая гласовую логику всего праздничного последования, мы ограничились последованием службы 21 ноября, исключив предпразднество и попразднество. Всенощное бдение накануне двенадесятого праздника Введения Богородицы во храм состоит из трех служб: малой вечерни, великой вечерни и утрени. Иерусалимское последование службы представлено в таблицах (см. таблицу 1 и таблицу 2).

Малая вечерня представлена песнопениями четырех гласов: 1, 8, 2 и 4. Микроцикл подобных стихир на «Господи воззвах» завершается первым славником 8 гласа «Давыд провозгласи»; затем следуют микроцикл со славником на стиховне 2 гласа. Малая вечерня завершается тропарем 4 гласа. На «Господи воззвах» великой вечерни, как и малой, поются стихиры 1 гласа со славником 8 гласа, однако в последование стихир включается микроцикл 4 гласа. Лития состоит из пяти самогласных стихир. Ее открывает стихира 1 гласа, затем следуют две стихиры 4 гласа, славник 5 гласа и стихира на «и ныне» 8 гласа (уже исполнявшаяся на малой вечерне). На стиховне поется микроцикл подобных стихир 5 гласа и славник 6 гласа. Завершается великая вечерня вновь тропарем 4 гласа.

Праздничную утренью (см. таблицу 3) обрамляет тропарь 4 гласа. По 50 псалме вновь повторяется самогласная стихира 6 гласа. В каноне перемежаются ирмосы и тропари 4 и 1 гласов. По 6 песни канона звучит кондак 4 гласа. Последование канона резюмируется светильном 2 гласа. Стихиры на «хвалитех» 1 гласа завершаются самогласным славником 2 гласа.

В гласовом построении службы совершенно отсутствуют песнопения 3 и 7 гласов; в количественном отношении преобладают песнопения 1 и 4 гласов. Как видно из таблицы, каждый раздел праздничного последования завершается тропарем 4 гласа, а Утреня начинается и завершается им. Поэтому мы можем говорить о двух функциях, которые несет собою этот жанр. Первая – разделяющая; вторая – объединяющая, когда он выступает своеобразным рефреном формы.

Поскольку краткая редакция Иерусалимского Устава [5] предполагает возможность отсутствия Малой вечерни и литийного раздела на великой вечерне (в Студийском Уставе они отсутствуют), мы можем говорить об архитипических чертах последования стихир на «Господи воззвах» великой вечерни: его гласовые закономерности оказали влияние на сужение и расширение гласовой идеи стихир малой вечерни и литии. По-видимому, идеи альфы и омеги гласового последования – 1 и 8 гласов – оказались определяющими для трех разделов стихир праздничной службы. Формирующая конструкция, заданная на Малой вечерне (1 и 8 гласы), обновляется на великой вечерне – в стихирах на «Господи воззвах» – 1, 4 и 8 гласы и в литийном разделе – 1, 4, 5 и 8 гласы.

К малоупотребительным гласам в службе относятся 2, 5 и 6. Употребление песнопений 2 гласа встречается лишь в экспонирующем (малая вечерня) и завершающем разделах всенощного бдения. Славник и стихиры 5 гласа, а также единственный самогласен 6 гласа, включенный в последование дважды, тяготеют к центру развертывания праздничного богослужения. Мы можем предположить, что такое центральное употребление самогласной стихир 6 гласа может быть поддержано ее первоочередным значением для последования службы еще по Студийскому Уставу (это песнопение является единственной самогласной стихирой, рекомендованной Студийским Уставом для службы 21 ноября).

Наибольшим гласовым разнообразием среди разделов всенощного бдения обладает великая вечерня, являющаяся развивающим разделом, в отличие от малой вечерни, характер которой имеет экспонирующее значение. Именно поэтому самое большое количество самогласных стихир сосредоточено в службе великой вечерни. Малая вечерня включает в себя всего одну стихир 8 гласа, а утреня – две стихиры – 6 и 2 гласов, причем та же стихира 6 гласа уже экспонировалась в разделе великой вечерни. Однако идея гласового и жанрового взаимодействия наиболее ярко проявила себя в разделе утрени – в каноне, где последовательно пропеваются песнопения не только разных гласов (4, 1 и 2), но и разных жанров (ирмосы, тропари, кондак, светилен).

Таким образом, мы можем говорить о том, что форма гласовой организации службы строится на пересечении двух тенденций – центростремительной, применяющейся в песнопениях менее употребительных гласов, и развивающей, используемой для песнопений чаще употребляющихся гласов.

Если учесть продолжительный сводный канон, все микроциклы последования, тропарь, кондак и светилен, то мы увидим, что лишь небольшую часть хронологического пространства праздничной службы занимают самогласные песнопения. Являясь яркими кульминационными точками, эти тексты создают рельеф богослужения. Занимая минимальный удельный вес в композиции праздничного богослужения, самогласные стихиры в службе Введения во храм Пресвятой Богородицы являются ее кульминационными вершинами. Дополнительным подтверждением их значимости оказывается устойчивость нотирования именно самогласных текстов с XII века в богослужебной книге Стихирарь [6].

Таблица 1

Малая вечерня

№	Жанр	Глас	Принадлежность системе подобия или самогласия	Инципит
1	На «Господи воззвах» 1 стихира	1	подобен «Небесным чином»	<i>От Господа приимше</i>
2	2 стихира	1	подобен «Небесным чином»	<i>Святых святая</i>
3	3 стихира	1	подобен «Небесным чином»	<i>Да отверзется дверь</i>
4	Стихира-славник	8	самогласен	<i>Давыд провозглашаше тя</i>
5	На «стиховне» 1 стихира	2	подобен «Доме Ефрафов»	<i>Двери церковныя</i>
6	2 стихира	2	подобен «Доме Ефрафов»	<i>Девственнии лица</i>
7	3 стихира	2	подобен «Доме Ефрафов»	<i>Хлеб словесный</i>
8	Стихира-славник	2	подобен «Доме Ефрафов»	<i>Свет тя трисиянный</i>
9	Тропарь	4	подобен «Днесь спасения»	<i>Днесь благоволения</i>

Таблица 2

Великая вечерня

№	Жанр	Глас	Принадлежность системе подобия или самогласия	Инципит
1	На «Господи воззвах» 1 стихира	1	подобен «О дивное чудо»	<i>Днесь вернии ликовствуем</i>
2	2 стихира	1	подобен «О дивное чудо»	<i>Днесь церковь одушевленная</i>
3	3 стихира	1	подобен «О дивное чудо»	<i>Ты пророком проповедание</i>
4	4 стихира	4	подобен «Яко добля»	<i>Во святых святая</i>
5	5 стихира	4	подобен «Яко добля»	<i>Отроковицы радующеся</i>
6	6 стихира	4	подобен «Яко добля»	<i>Веселяся приими</i>
7	Стихира-славник	8	самогласен	<i>По рождестве твоём</i>
8	На литии 1 стихира	1	самогласен	<i>Да радуется днесь</i>
9	2 стихира	4	самогласен	<i>Днесь боговместимая</i>
10	3 стихира	4	самогласен	<i>Придите вси верни</i>
11	Стихира-славник	5	самогласен	<i>Восия день радостен</i>
12	Стихира-славник	8	самогласен	<i>Давыд провозгласи</i>
13	На «стиховне» 1 стихира	5	подобен «Радуйся живоносный»	<i>Радуется небо</i>
14	2 стихира	5	подобен «Радуйся живоносный»	<i>Анна божественная</i>
15	3 стихира	5	подобен «Радуйся живоносный»	<i>Внутрь в церковь</i>
16	Стихира-славник	6	самогласен	<i>Днесь собори</i>
17	Тропарь	4	подобен «Днесь спасения»	<i>Днесь благоволения</i>

Утренья

№	Жанр	Глас	Принадлежность системе подобия или самогласия	Инципит
1	Тропарь	4	подобен «Днесь спасения»	<i>Днесь благоволения</i>
2	Стихира по 50 псалме	6	самогласен	<i>Днесь собори</i>
3	Канон	4	тропари подобны ирмосам	<i>Отверзу уста моя</i>
4	Канон	1	тропари подобны ирмосам	<i>Песнь победную</i>
5	Катавасия	1	самогласны	<i>Христос раждается</i>
6	Кондак	4	подобен «Вознесыйся»	<i>Пречистый храм спасов</i>
7	Светилен	2	подобен «Жены услышите»	<i>Иже древле провозвести</i>
8	На «хвалитех» 1 стихиры	1	подобен «Небесным чином»	<i>Свещеносицы девы</i>
9	2 стихиры	1	подобен «Небесным чином»	<i>Обещания святого</i>
10	3 стихиры	1	подобен «Небесным чином»	<i>Небесным воспитена</i>
11	Стихира-славник	2	самогласен	<i>Днесь в храм приводится</i>
12	Тропарь	4	подобен «Днесь спасения»	<i>Днесь благоволения</i>

Примечания

1. См.: Быкова О. П. Древнерусские песнопения в системе церковного ритуала праздника Пятидесятницы: дис. ... канд. иск-я. – СПбГК, 2001; Жилина Ю. В. Песнопения из службы Сретения Господня в русской рукописной традиции XI–XX вв.: дис. ... канд. иск-я. – СПбГК, 2008.
2. См.: Орлова А. Л. Песнопения чинопоследования Часов Царских Рождества Христова в древнерусской певческой традиции XII–XVIII вв.: Источники, история текста, поэтика: дипл. работа. – СПбГК, 2002.
3. См.: Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. – М.: Изд-во Московской патриархии, 2001. – С. 36.
4. См. Уставы: РНБ F.I.93. 1319 г.; РНБ F.п.I.25. 1412 г.; РНБ Погод. 270. 1 пол. XV в.; РНБ К-Б 555/812. XVI в.; БАН 33.19.5. посл. четв. XVI в.
5. См.: Ктиторовский Типикон Дечанской Лавры. – РНБ F.I.93. 1319 г.
6. См.: БАН 3.4.76. Стихирарь минейный XII в. Опубликовано: Sticherarium Palaeoslavium Petropolitanum / Edendum curavit Nicolas Schidlovsky // Monumenta Musicae Byzantinae. Vol. XII. Cod. Palaeoslavicus. n O 34.7.6. Bibliothecae Academiae Scientiarum Rossicae phototypike depictus. Nauniae C.A. Reitzel, 2000.; РГАДА ф. 381, № 152. Стихирарь минейный XII в.; РНБ Q. п. I. 15. Стихирарь минейный XII в.; РГБ ф. 118, № 740. Стихирарь минейный XIII в.

Н. В. Медведева

**СОДЕРЖАНИЕ ХОРОВЫХ СОЧИНЕНИЙ «КОЛОКОЛА»
И «ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ» С. В. РАХМАНИНОВА
В СВЕТЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КОМПОЗИТОРА**

Статья посвящена рассмотрению параллелей в идейно-образном содержании хоровых шедевров Рахманинова с целью выявления тех художественных особенностей, которые позволяют раскрыть личностные качества русского композитора.

Ключевые слова: самоидентификация композитора, русский менталитет, образно-художественное содержание, драматургия, лейт-образ, лейт-тема.

N. V. Medvedeva

**CHORAL CONTENTS OF S. V. RAKHMANINOV'S «BELLS» AND
«THE ALL-NIGHT VIGIL» IN THE LIGHT OF COMPOSER'S BRANDING**

The article deals with the parallels in ideological and imaginative content of choral masterpieces of Rachmaninoff with the aim of identifying artificial features that allows you to reveal personal qualities of the Russian composer.

Keywords: composer's branding, the Russian mentality, figurative artistic content, drama, leit image, leit motif.

Активизация национальной самоидентификации, попытки прояснения национальной идеи инициируют современных отечественных философов и культурологов обращаться к положениям русской религиозно-философской школы, в трудах ученых которой определяются особенности русской ментальности, формировавшейся в течение ряда столетий в диалоге с православием. Это обусловлено тем, что в настоящее время, которое многими учеными характеризуется как кризисный период в жизни национального духа, проблемы русского менталитета приобрели особую актуальность. В этой связи не случаен интерес к изучению искусствоведами опосредованного проявления религиозных концепций в творческих исканиях писателей, композиторов, художников эпохи предгрозовых ожиданий, то есть периода конца XIX – начала XX века, поскольку именно с этим временем связан национальный культурный подъем России во всех сферах науки, философской мысли и искусства.

Так, на протяжении последних десятилетий подробно анализируются новые биографические и творческие факты из жизни И. Ф. Стравинского, А. Т. Гречанинова, С. В. Рахманинова и других мастеров музыкальной культуры, которые и после получения ими своеобразного «мирового статуса» всегда подчеркивали свою принадлежность к национальным истокам. Однако говорить об особенностях мирозерцания столь оригинальных мастеров невозможно вне анализа широкого культурно-исторического контекста рубежа веков, философских взглядов, распространяемых в тот сложный и противоречивый период. В этом отношении творческая личность Рахманинова, отличающаяся всеобщим признанием его уникальных талантов как композитора, пианиста и дирижера, все же недостаточно раскрыта по ряду объективных причин. Во-первых, наследие Рахманинова многие десятилетия не было представлено российским слушателям в полной

мере. Были искажены в свете коммунистических идеологических соображений сведения из жизни композитора. Возможно, это объясняется тем, что значение вдохновлявших Рахманинова религиозных символов и образов, во многом определивших его творчество, тщательно замалчивалось. Поэтому духовные произведения Рахманинова практически до конца XX века широко не исполнялись и не издавались. В связи с последним обстоятельством невозможен был и детальный, целостный, а также сравнительный анализ образного содержания духовных и светских сочинений композитора, основу которых составляли мелодики знаменного распева и колокольных звонов.

Выбор темы данной статьи также связан с новым взглядом на хоровые сочинения в свете открывшихся биографических фактов из жизни композитора, которые требуют иного осознания в контексте всего его творческого наследия. Имеются в виду издания: «Воспоминания Сергея Рахманинова, записанные О. фон Риземаном» (2008) и Б. Никитина «Сергей Рахманинов. Две жизни» (2008).

Все названные аспекты еще не получили детального освещения в отечественном музыковедении, так как труды Ю. В. Келдыша (1973) и А. Кандинского (1991) лишь в общих чертах знакомили с указанными шедеврами Мастера. В работах исследователей внимание, преимущественно, обращалась на взаимосвязь рахманиновских сочинений с традициями древнерусского певческого искусства, а также художественными тенденциями русского искусства рубежа XIX–XX веков. Вопросы же новаторства музыкальной драматургии и философского содержания хоровых шедевров, а также особенностей их идейно-образной взаимосвязи на сегодняшний день музыковедами пока освещены недостаточно.

Широко известно высказывание Сергея Рахманинова «Я – русский композитор», точно отражающее ярко национальный стиль композитора, воплотившийся в инструментальных и вокальных произведениях, светских и духовных сочинениях. В отечественном музыковедении русскость Рахманинова традиционно связывается с пафосной темой Родины, романтической темой обновления, мечты, весны, пейзажными зарисовками пробуждающейся природы, ощутимыми, в основном, в инструментальных жанрах и романах. Многими исследователями в контексте «русского ренессанса» характеризуются и духовные сочинения Сергея Васильевича, выражающие русскую идею как широко понимаемую религиозную идею. В этом отношении особое место занимают хоровые циклы – вокально-симфоническая поэма «Колокола» и «Всенощное бдение».

Напомним, что оба сочинения были созданы композитором в период расцвета его творчества, приблизительно в одном временном отрезке с разницей в два года. Вокально-симфоническая поэма «Колокола» была сочинена накануне трагических событий Первой мировой войны, в 1913 году, а «Всенощное бдение» – в 1915 году, в разгар не только войны, но и духовного кризиса, продемонстрировавшего тенденцию ослабления чувства патриотизма. В то же время, светское и духовное сочинения, написанные в период надвигающихся глобальных изменений жизни предреволюционной России, в полной мере отразили единые мысли, чувства и умонастроения Мастера. Не случайно в обоих шедеврах Рахманинова ощутима общность идейно-образного содержания, связанного с художественным осознанием вечных философских проблем не только жизни человечества, но и соотечественников, современников. В этих произведениях полноценно и полномасштабно отразились религиозно-философские идеи композитора о жизни и смерти, о судьбе русского народа в сложные для России исторические периоды.

Как известно, в 1913 году Рахманинов задумывал создать третью симфонию и уже разработал план своего будущего сочинения, однако присланная анонимом поэма Э. По в переводе К. Д. Бальмонта «Колокола» побудила композитора создать вокально-симфо-

ническое произведение на основе составленного им плана симфонии, предполагающего органичное сочетание «взволнованностей» оркестровой музыки и поэтического слова.

Подтверждение сказанному мы находим в записанных О. фон Риземаном воспоминаниях Сергея Рахманинова: «Я прочитал вложенные в конверт стихи и немедленно решился воспользоваться ими для задуманной симфонии с хором. Структура стихотворения требовала четырехчастной симфонии» [8, с. 143]. Действительно, текст поэмы по содержанию и образному наполнению логически соответствовал четырехчастной структуре симфонического цикла. Символическое содержание стихов Э. По в переводе К. Бальмонта позволило Сергею Васильевичу придать поэме надличностный характер. Основной идеей вокально-симфонической поэмы является обобщенный образ Человека, рожденного, чтобы умереть. В облике внеисторического типичного Человека, как правило, стираются частные, индивидуальные черты, а потому формируется образ всего человечества, его судьбы. В этом произведении композитор как никогда остро затрагивает вечные философские темы человечества: жизнь и смерть; страх и трепет перед грядущими жизненными событиями; судьба, ударам и испытаниям которой человек бессилен противостоять. В подтверждение приведем точку зрения Б. В. Асафьева: «К своей поэме “Колокола”, созданной в канун Первой империалистической войны, Рахманинов подошел вполне последовательно из всего своего круга настороженных зовов и предчувствий тревог родины. Текст Э. По оказался канвой, “словесным представителем” глубоко вкоренившихся в сознании композитора вопросов к действительности» [1, с. 365].

Масштабность и значительность замысла роднит вокально-симфоническую поэму с симфонией, поскольку метод воплощения философско-поэтической идеи предполагает отказ от виртуозных жанровых инструментальных образов. Они способствуют показу жизни человека на разных ее стадиях – от полной радужных надежд беспечной юности до гробовой доски. Четыре части поэмы словно соответствуют четырем периодам жизни человека, а колокольный звон может ассоциироваться с биением сердца. Образно об этом пишет Б. В. Асафьев: «У Рахманинова колокольность вплетена в ткань музыки, становится в самых различных окрасках, толчках, ритмоузорах, ритмогармониях уже не только выразительным средством, а раскрытием психологических состояний встревоженного человечества» [1, с. 365]. Так, в каждой части композитор использует сквозные образы-символы: «бубенчики» (1 часть), «церковный венчальный колокол» (2 часть), «набат» (3 часть), «погост» (4 часть). Отметим и то, что Рахманинов использует между частями прием *attacca*, который не только позволяет композитору усилить сквозной характер музыкальной драматургии, но и подчеркивает трансформацию светлого, полетного образа первой части в образ зловещей стихии (третья часть), а затем и в пугающий, безжизненный, мертвенно-спокойный образ четвертой части. Интересно, что в третьей части Рахманинов использует исключительно хоровую звучность без солистов, вероятно, для того, чтобы передать трагедию судьбы человечества перед всеобщим бедствием и катастрофой, в которой гибнут сотни, тысячи и миллионы людей.

Показательно, что драматургическое единство цикла достигается не только благодаря общей поэтической идее, но и с помощью тональных арок, музыкальных связей, порой тонких и завуалированных. Рахманинов не использует лейтмотивный принцип развития, что было бы традиционно для позднеромантической симфонической драматургии (напомним о «Фантастической» симфонии Г. Берлиоза). Однако мотивные, интонационные переключки, тонально-гармонические арки устанавливают ассоциативные связи между частями, что позволяет Мастеру объединить все разделы в единую сквозную композицию. Представим тональный план и имеющиеся в партитуре темповые указания с помо-

щью таблицы (см. приложение 1), где зафиксирована общая логика тонального развития и тональные взаимосвязи первого, третьего и четвертого разделов.

Большую роль в драматургии «Колоколов» играют общие сквозные мотивы и ритмо-формулы, которые словно проходят через весь цикл. Так, интонация опевания третьей ступени, строение которой можно сравнить с мотивом средневековой секвенции *Dies irae*, часто аллегорически связана с образами мертвого сна и смерти. Впервые она появляется в среднем разделе первой части, затем выступает в роли заглавной интонации второго раздела. Несколько образно завуалированной она предстает и в третьей части, в последний раз возникает в IV части в виде варианта инверсии. Часто используется Рахманиновым и мотив, состоящий из нисходящих хроматизмов. Композитор применяет его в моменты зловещей напряженности, катастрофы и траура. Например, средний раздел первой части. Во второй части живописно переданы настроения беззащитности и трепета волнения молодой невесты перед венчанием. В третьей части – образ суматохи, разгорающегося пламени. В четвертой – образ всеобщего страдания, скорби, слез.

Анализируя ритмическую сторону музыкальных тем произведения, следует отметить «сквозное развитие» триольного ритма, возможно ассоциирующегося у Мастера с трепетом, страхом, взволнованностью. Впервые триольный ритм появляется в конце первой части на словах «говорят» в контрапункте с быстрыми восходящими пассажами фортепиано, арфы и челесты. Эти триоли в сочетании с радостным звуком бубенцов и красотой русских пейзажей, открывающихся взору солиста-героя, передают образ душевного трепета. Во второй части триольный ритм уже воплощает иную взволнованность: трепет невесты перед замужеством. В третьем разделе триольный ритм напоминает о разбушевавшейся стихии пожара, крушащей все надежды и все живое на своем пути. Наконец, в финале триольный ритм олицетворяет душевный страх и трепет зрелого человека, возможно, старца-мыслителя, размышляющего о жизни и смерти.

Представляется, что через символический образ колоколов Рахманинов воплощает и заглавную идею – бессмертие России, русской культуры, русского народа, неотделимость судьбы русского человека от судьбы своего народа. Именно образ-символ колоколов тесно связан с идеей соборности.

Ощутимы параллели образно-художественного содержания «Колоколов» и духовно-концертного произведения Рахманинова «Всенощное бдение». Духовная суть сочинения предстала в художественном содержании своеобразно: молитвенная служба, словно обращенная ко всему человечеству, перекликается и с идеей соборности, столь характерной для русской культуры и философии. В самобытном произведении воплощены новаторские идеи композитора, связанные со стремлением «сплавить» особенности культовой музыки с другими жанровыми разновидностями хорового искусства. Во «Всенощном бдении» Мастер по-новому трактует жанр православного богослужения, что объясняется стремлением автора с помощью обобщенного понимания библейских текстов достичь высокого уровня художественного обобщения и философской значимости произведения. Не случайно в этом контексте прослеживается и смысловая арка с символическим содержанием поэмы «Колокола». Об этом говорит А. И. Кандинский: «"Всенощное бдение" создавалось как произведение, принадлежащее одновременно церковной и светской музыкальной культуре – по глубине и масштабности гуманистического содержания, по разнообразности и законченности эстетического облика, по строгости и свободе музыкального письма» [3, с. 5].

Безусловно, в первую очередь содержание «Всенощного бдения» связано со старозаветными и новозаветными событиями из истории христианства, а вера и единство передаются через символ Троицы. Символом единства, как проповедует христианство,

становится личность Иисуса Христа, явившегося воплощением духа (небесного начала) и плоти (земного начала). Так, в наставлениях Христа: «Бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого» – звучит основная идея службы «Всенощного бдения» [см.: 10, с. 3]. В то же время, воплощение образов смирения, моления и единения народа позволяет Рахманинову актуализировать эту идею для соотечественников, переживавших военное лихолетье.

Важно, что при создании «Всенощного бдения» Рахманинов оставил структуру своего образного литургического цикла практически без изменения, строго следуя церковным канонам. В целом, следование номеров в общей композиции «Всенощного бдения» можно сравнить с рядом фресок и мозаик православного храма, которые открываются взорам приходящих в него для молитвы людей. Примечателен тот факт, что Рахманинов исключил из своего сочинения три номера, возможно, не отвечавших его замыслу и драматургическому плану. К ним относятся: «Господи, воззвах к Тебе», «Сподоби, Господи» из вечерни и хвалебная песнь «Бог Господь и явился к нам» из утрени. Сделаем предположение, что композитор не использовал эти песнопения в связи с повторяющимися в сюжетной линии описаниями событий, что противоречило логике цикла с драматургией сквозного типа.

В то же время, не нарушая структуры канона богослужения, Рахманинов создает развернутую концентрическую форму, в которой взаимодействуют контрастные образы. Внутри малых циклов – вечерни и утрени – образуются отдельные малые группы номеров, объединенных общей идеей цикла. Все малые группы взаимосвязаны друг с другом и образуют целостную форму. Поясним это на схеме, в которой обозначены и взаимосвязи между малыми группами [см. приложение 2].

Так, в малые группы объединяются номера: второй и третий; с четвертого по шестой; седьмой и восьмой; девятый и десятый; одиннадцатый и двенадцатый, тринадцатый и четырнадцатый. Этому способствуют общие сквозные идеи и функции отдельных песнопений. Первая малая группа (номера 2, 3) объединена ветхозаветным сюжетом о пребывании Адама и Евы в раю и изгнании из Эдема. Другая группа (номера 4–6) объединяет части идей смирения, в ней повествуется о добровольном пришествии Спасителя, благой вести Деве Марии, о благодарности старца Симеона за счастье увидеть и принять на свои руки Божьего Сына. В следующей малой группе (номера 7, 8) повествуется о жизни Христа на земле и Его распятии. Номера 9 и 10 объединены повествованием о воскрешении Спасителя; номера 11, 12 связаны идеей славления Богородицы и Святой Троицы. Наконец, в еще одной малой группе (номера 13, 14) повествуется о распространении учениками Христа христианских заповедей по всему миру.

Уточнить драматургические функции номеров позволяет следующая схема [см.: приложение 3]. Так, крайние номера «Приидите, поклонимся» и «Взбранной воеводе», с одной стороны, объединены идеей воздаяния хвалы Иисусу Христу и Богородице, с другой – выполняют функцию обрамления. Напомним, что в первом номере осуществляются поклоны верующих Спасителю. Последний же номер – это хвалебная песнь Деве Марии, первой просветительнице русской земли, заступнице людей и воинов.

Взаимосвязь содержания в другой паре малых циклов («Благослови, душе моя, Господа», «Блажен муж» и «Днесь спасения», «Воскрес из гроба») подтверждается общностью замыслов в христианских учениях Ветхого и Нового заветов, так как в них прослеживается вся история христианского человечества от грехопадения Адама и Евы до пришествия Спасителя и Его воскрешения после распятия.

Еще одна смысловая арка («Свете тихий», «Ныне отпускаеши», «Богородице Дево, радуйся» и «Величит душа моя Господа», «Славословие великое») объединяет молитвы славления Спасителя, Богородицы и Святой Троицы. Малая группа, включающая 11 («Величит душа моя Господа») и 12 («Славословие великое») номера, выполняет функцию кульминации всего цикла. Номер «Славословие великое», находясь в «точке золотого сечения», выражает главную христианскую мысль о триединстве Отца, Сына и Святого Духа, подчеркивая значение примирения земного и небесного в облике воплотившегося и воскреснувшего через страдания Сына Божия.

Непосредственно в центре концентрической композиции «Всенощного бдения» располагаются малые группы из 7 («Шестопсалмие») и 8 («Хвалите имя Господне») номеров, 9 («Благословен еси, Господи») и 10 («Воскресение Христово видевше») номеров. Их функция связана с развитием музыкального содержания в общей форме цикла. Важно, что эти четыре номера по смыслу связаны с сюжетом о земной жизни Христа-Богочеловека, чистого душой, который совершает благие поступки и приносит Себя в жертву во имя спасения человечества. Кульминационным номером является «Славословие великое» (номер 12), повествующее о примирении земли и неба в виде триединства Отца, Сына и Святого Духа.

Важно указать и тональные взаимосвязи с «Колоколами», которые рельефнее определяют философскую концепцию «от мрака к свету». В этом отношении не случайно использование Рахманиновым в финальном номере сочинения тональности До мажор, которая часто ассоциируется с белым светом. Таким образом композитор выражает светлую веру и надежду на скорое избавление от выпавших на долю его соотечественников испытаний, а также убежденность в возрождении национального духа России. Подчеркнем, что во «Всенощном бдении», как и в «Колоколах», одним из сквозных образов-символов утверждается колокольность, разрастающаяся от звона малых колоколов до всемирного благовеста. Особо ярко колокольность представлена в двух кульминационных номерах сочинения: «Шестопсалмие» (номер 7) и «Славословие великое» (номер 12). В них композитор с помощью исключительно хоровых приемов, особенностей тембров, фактуры, ритмических рисунков сумел показать широкий звуковой спектр колокольного звона.

Суммируя результаты предпринятого анализа, сделаем вывод: драматургическое развитие литургического цикла и вокально-симфонической поэмы основывается на философской идее «от мрака к свету», стремлении преодолеть личностное одиночество духовным всенародным единством. Символом неугасающей веры, единства и соборности русского народа является лейт-образ колокола, запечатленный Рахманиновым в хоровой и оркестровой фактурах произведений и словно олицетворяющий собой сердце России, сердце русского народа. Вера гениального музыканта в непобедимую духовную силу русского народа и русской культуры зафиксирована в интервью Мастера с американским корреспондентом Д. Ивеном: «Музыка композитора должна выражать дух страны, в которой он родился, его любовь, его веру и мысли, возникшие под впечатлением книг, картин, которые он любит. Она должна стать обобщением всего жизненного опыта композитора» [7]. Будучи ярким представителем национального искусства, Сергей Рахманинов в своем творческом наследии воплощает характерные черты «русскости», свойственные русской культуре и русской ментальности.

Примечания

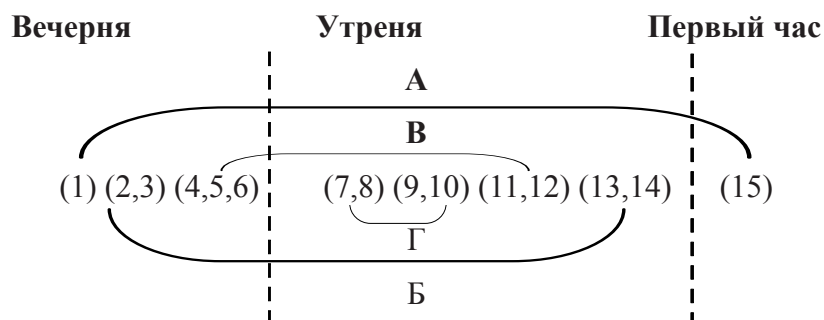
1. Апетян З. Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1988. – Т. 2. – 540 с.
2. Гарднер И. А. Богослужбное пение русской православной церкви: в 2 т. – М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2004. – С. 457–459.

3. Кандинский А. И. «Всенощное бдение» Рахманинова и русское искусство рубежа веков // Советская музыка. – 1991. – № 5. – С. 4–10.
4. Келдыш Ю. В. Рахманинов и его время. – М.: Музыка, 1973. – 432 с.
5. Никитин Б. Сергей Рахманинов. Две жизни – М.: Класика – XXI, 2008. – 208 с.
6. Рахманинов С. В. Письма / под ред. З. Апетян. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. – 604 с.
7. Рахманинов С. В. Связь музыки с народным. – Режим доступа: www.senar.ru/articles/traditional - 03.01.2008
8. Риземан О. Сергей Рахманинов. Воспоминания. – М.: Класика – XXI, 2008. – 248 с.
9. Соколова О. И. Сергей. – М.: Музыка, 1984. – 160 с.
10. Светозарова Е. Д. Всенощное бдение. – Л., 1990. – 34 с.

Приложение 1

№ части	Название	Темп	Тональность
1 часть	«Слышишь, сани мчатся в ряд»	Allegro ma non troppo	Крайний раздел: As-dur; Средний раздел: cis-moll Крайний раздел: As-dur;
2 часть	«Слышишь к свадьбе зов святой»	Lento	Вступление в c-moll Крайний раздел D-dur Средний раздел: Ges-dur Крайний раздел D-dur
3 часть	«Слышишь, воющий набат»	Presto	Крайний разделы: <i>f-moll</i> ; Средний раздел: h-moll Крайний разделы: <i>f-moll</i> ;
4 часть	«Похоронный слышен звон»	Lento lugubre	Крайние раздел: cis-moll ; Средний раздел: <i>f-moll</i> ; Крайние раздел: cis-moll Кода: Des-dur

Приложение 2

№	Название	Темп	Тональность
1	«Приидите поклонимся»	Довольно скоро	d-moll
2	«Благослови, душе моя, Господи»	Умеренно	a-moll
3	«Блажен муж»	Довольно скоро	d-moll
4	«Свете тихий»	Довольно медленно	c-moll
5	«Ныне отпускаеши»	Медленно	b-moll
6	«Богородице Дево, радуйся»	Спокойно, не скоро	F-dur
7	«Шестопсалмие»	Не скоро	c-moll
8	«Хвалите имя Господне»	Не скоро	As-dur
9	«Благословен еси, Господи»	Довольно скоро	d-moll
10	«Воскресение Христово видевшее»	Не скоро	d-moll
11	«Величит душа Моя Господа»	Медленно, тягуче	g-moll
12	«Славословие великое»	Довольно скоро	c-moll
13	Тропарь «Днесь спасения»	Медленно	a-moll
14	Тропарь «Воскрес из гроба»	Медленно	d-moll
15	«Взбранной воеводе»	Довольно быстро	C-dur

ДУХОВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

SPIRITUALITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: ISSUES AND STRATEGIC DIRECTIONS

В. П. Лега

ХРИСТИАНСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ: ВЗГЛЯД С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Автор статьи на обширном историко-философском материале освещает дискуссионные проблемы соотношения веры и нравственности.

Ключевые слова: история философии, христианская вера, нравственность, свобода человека.

V. P. Lega

CHRISTIAN MORALITY: A VIEW FROM THE PERSPECTIVE OF CLASSICAL PHILOSOPHY

Author of the article on the vast historical and philosophical material covers the discussion of the relationship between faith and morals.

Keywords: history of philosophy, the Christian faith, morality, human freedom.

Недавно Институт философии РАН объявил конкурс по теме «Возможна ли нравственность, независимая от религии?». Впервые об этом я узнал от своего хорошего приятеля, члена жюри этого конкурса, который и предложил мне принять в нем участие. При этом он, сам убежденный атеист, сказал мне как бы в шутку: «Но мы, атеисты, вам, богословам, нравственность не отдадим!» Что он имел в виду, думаю, понятно. Действительно, к сегодняшнему дню атеизм разработал целую систему антирелигиозной аргументации, которая сводится к отрицательным ответам на следующие вопросы:

- необходимо ли быть верующим, чтобы быть нравственным?
- является ли христианство нравственным учением?
- дает ли христианство свободу?
- необходимо ли существование Бога и сверхчувственного мира для объяснения самого существования морали?

Рассмотрим последовательно, насколько убедительна атеистическая аргументация в каждой из названных нами областей.

Необходимо ли быть верующим, чтобы быть нравственным?

Нравственность, согласно атеистам, не зависит от религии, и поэтому быть нравственным человеком вполне можно и не принадлежа ни к одной из мировых религий.

При этом они ссылаются на тот факт, что порядочные люди есть и среди атеистов, а подлецы – и среди христиан. Увы, к сожалению, некоторые христиане (точнее, люди, называющие себя христианами, но на деле ими не являющиеся) дают много поводов для атеистов быть уверенными в своей правоте. Образ жизни подобных «христиан» отличается от того идеала, который дал нам Иисус Христос, и любви в их делах гораздо меньше, чем фарисейства. Поэтому очевидно, что лучшим доказательством необходимости религии для нравственности была бы образцовая нравственная жизнь самих христиан. Нужно понимание того, что своим безнравственным поведением люди, называющие себя христианами, губят не только свою душу, но и наносят огромный вред Церкви и отвращают от Нее многих людей, готовых прийти к Богу, но смущенных таким явным противоречием веры и безнравственности.

Собственно говоря, взгляд на независимость морали от религии является достаточно новым. Еще в XVIII веке даже такой противник Церкви, как Вольтер, писал, что «если бы Бога не было, его следовало бы выдумать». Великий французский просветитель прекрасно понимал, что народ, оставленный без нравственного руководства свыше, обречен. Лишь в XIX веке распространяются мысли о возможности построения атеистического общества. И даже тот факт, что построение такого общества обошлось человечеству в десятки миллионов человеческих жизней, страшнейших войн и тотального террора, не убеждает атеистов в своей неправоте. Ну что тут скажешь?.. «Если факты противоречат моей теории, то тем хуже для фактов»?

Является ли христианство нравственным учением?

Популярным аргументом против христианства является и мнение о том, что оно будто бы безнравственно на том основании, что ставит на первое место выгоду. Человек, так сказать, соглашается вести нравственную жизнь из ожидания награды на небесах и боязни вечных мучений. Атеист же нравственен безотносительно тому, получит ли он награду или нет, поскольку ни на какую награду он не рассчитывает. Однако утверждать так может лишь человек, совершенно не знакомый с христианским учением, не читавшим ни Евангелия, ни Отцов Церкви, ни хотя бы учебник по нравственному богословию. Ведь даже новичку в христианстве известно учение о трех типах служения Богу: раба, наемника и сына. Именно служение сына – свободное, сознательное служение в любви – есть истинное служение Богу.

Дает ли христианство свободу?

Еще более сложным и поэтому популярным среди атеистов является вопрос о том, есть ли в христианстве свобода. Казалось бы, что нет. Ведь даже сами православные называют себя «рабами Божиими». Да и объяснить, как может быть свободен человек, если Бог всемогущ и от Него все зависит, в том числе и будущее человека, представляется невозможным. Пожалуй, наиболее ярко эту мысль выразил Ж.-П. Сартр, сказавший, что даже если бы Бог и существовал, это никак не повлияло бы на человека в плане его свободы и ответственности. Коротко говоря, если человек свободен, значит, Бога нет. Поэтому, пишет Сартр, «экзистенциализм – это не что иное, как попытка сделать все выводы из последовательного атеизма» [1]. Таким образом, атеист утверждает, что православие подавляет свободу, утверждая, что человек – это раб Божий, и запрещая человеку делать многое из того, что вполне доступно атеисту. А там, где отсутствует свобода, отсутствует и этика.

Как это часто бывает, атеистические спекуляции на проблеме свободы вызваны недостаточным пониманием того, что же такое свобода. Как правило, рассуждения и филосо-

фов, и простых обывателей не идут далее поверхностного представления – что свободен тот человек, который имеет возможность выбора. Отсюда делается вывод, что поскольку, по их мнению, христианин не имеет свободы (вследствие либо всемогущества Божьего, либо ограничения со стороны догматов и канонов), то, следовательно, он не свободен.

В истории философии вопрос о сущности свободы, поставленный серьезно, всегда приводил к противоположным результатам. И даже те философы, которые относились к Церкви весьма критически, рассуждая о свободе, приходили к религиозным выводам.

Прежде всего выясним, как же отвечали философы на вопрос: что такое свобода? Казалось бы, ответ прост: свобода – это возможность выбора. Человек свободен, когда может делать то, что захочет, и наоборот, он несвободен, когда такого выбора лишен, как, например, в местах лишения свободы. Однако такой ответ был бы весьма поверхностным. Ведь понятно, что выбор – это свойство того существа, которое обладает свободой. Следовательно, свобода – это не сам выбор, а некое онтологическое свойство, обладая которым можно этот выбор осуществлять.

Одним из первых обратил внимание на это свойство свободы греческий философ Плотин. Его философия чаще всего ассоциируется с учением об эманации из Единого, протекающей не по его (Единого) воле, а по некоей необходимости, поскольку Единое настолько переполнено энергией, что *не может* не изливать ее. Очевидно, что представление о том, что в эманировании Единое не свободно, тоже имеет вполне обыденное представление о свободе: Единое было бы свободным, если бы оно могло не только изливать, но и *не изливать* энергию. Вполне человеческое представление.

Однако сам Плотин понимает свободу иначе и пишет для этой цели трактат «О воле и свободе Первоединого». Для Плотина свободно не то существо, которое может выбирать, а то, которое *ни от чего не зависит*. Существование Единого ничем не обусловлено, оно существует в силу своей собственной природы, и поэтому оно абсолютно свободно. Ведь Единое выше всего, над ним ничего нет, ничто не понуждает его к деятельности, оно действует в силу только своей собственной природы. А это и есть истинная свобода. «Что касается того сомнения, может ли быть свободным существо, если оно повинует своей природе, то мы в свою очередь спросим: разве можно считать существо зависимым тогда, когда оно ничем извне не принуждается следовать чему-либо другому? Разве существо, стремящееся к благу, находится под давлением необходимости, когда это его стремление вытекает из его собственного желания и из уверенности, что предмет его желания есть благо? Напротив, невольным бывает его удаление от блага, вынужденным бывает его стремление к тому, что не есть его благо, и быть в рабстве означает не что иное, как лишиться возможности следовать своему благу из-за подчинения какой-нибудь силе, отдаляющей от блага. ...Ведь о таком существе нельзя даже сказать, что оно действует сообразно с природой, потому что в нем деятельность не отлична от сущности, потому что для него существовать значит то же, что и действовать, и если оно действует не ради чего-либо другого и не в зависимости ни от чего другого, то как ему не быть свободным?» (VI. 8, 4). Приведем следующее сравнение, поясняющее мысль Плотина. Культурный человек никогда, например, не ударит ребенка. Он скажет, что он *не может* его ударить, не потому, что у него нет физической способности это сделать, и не потому, что кто-то ему запрещает, а потому, что он полностью свободен от низменных страстей и подчиняется лишь истине и благу, ставшими неотъемлемыми частями его природы.

Это открытие Плотина будет в дальнейшем очень часто использоваться для решения различных философских и богословских проблем. Применяя это определение свободы,

Отцы Церкви смогут преодолеть соблазны ересей (как, например, блаж. Августина такое понимание свободы поможет преодолеть ошибочные выводы ереси Пелагия, а преп. Максиму Исповеднику – неправоту монофелитства). В Новое время философы объясняют, как можно мыслить свободу в рамках природного детерминизма (Спиноза, например, покажет, что истинная свобода возможна лишь на пути познания Бога).

Рассмотрим эти аргументы.

Печальные следствия из понимания свободы воли как выбора между добром и злом показан **блаж. Августином** в полемике с известным ересиархом Пелагием. По Пелагию выходило, что если свобода есть выбор между добром и злом, то сам человек нейтрален по отношению к этим понятиям. Отсюда вытекают и главные выводы пелагианства: о неповрежденности природы человека в первородном грехе, о ненужности Церкви для спасения и т. п. Августин в ответ на это указывает, что свобода – это не сам по себе выбор, а некая более глубокая сила, способная осуществлять этот выбор. Так, в работе «О свободе воли» Августин пишет: «Ведь воля наша не была бы волей, не будь она в нашей власти. Ну а если она в нашей власти, то она у нас свободна» (III, 3, 8). Иначе говоря, Августин, как и Плотин, считает, что свобода – это независимость. Именно поэтому свободен Бог: все в Его власти, над Богом ничто не довлеет. Бог ни от чего и ни от кого не зависит, поскольку Он – субстанция, ибо, как Он сказал Моисею, «Я есть Сущий». Бог есть любовь, Он абсолютно свободен и именно поэтому не может согрешить. Человек также имеет от Бога эту способность (будучи образом Божиим), но, поскольку человек не всемогущ, то проявляется эта способность как выбор. Человек может обрести большую свободу лишь в Боге, в полном Ему послушании.

Для опровержения ереси монофелитства **преп. Максиму** вновь приходится вернуться к вопросу о соотношении свободы воли человека и Бога, поставленному и по-своему решенному Августином, а поэтому и вообще к вопросу о свободе. Свобода воли – это свойство природы человека, а не его ипостаси, ведь свободно желают *все* люди, а чего желает каждый конкретный индивид – это другой вопрос. Если бы свобода воли была свойством ипостаси, тогда один человек мог бы обладать свободой, а другой – не обладать. Но свобода человека – это его сущностное свойство, как бы глубоко грех ни проник в его природу. А уж как конкретный человек воспользуется своей свободой, зависит от него самого – его знаний, воспитания и т. п. Таким образом, Максим Исповедник разрабатывает учение о двух волях в человеке – природной и гномической. Природная воля – это сущностное свойство человека, образ Божий в нем, данный ему от сотворения человека, а гномическая воля – это проявление природной воли в конкретных обстоятельствах. Правда, гномическая и природная воля во Христе составляют одно целое, ведь Христос не воспринял человеческого греха. Поэтому и путь спасения состоит в следовании Христу – подчинить свою гномическую волю природной, т. е. божественной, и стать свободным, как свободен Бог.

Философию **Спинозы** обычно трактуют как полный детерминизм. Однако сам Спиноза считал иначе, полагая, что его философия – это путь к истинной свободе человека. Спиноза исходит из той же традиции, что Плотин и Августин, и указывает, что «*свободной* называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой» [2]. Иначе говоря, свободным является тот, кто сам определяет себя в своем собственном действии. Поэтому Спиноза делает вывод, что свободным в собственном смысле является только Бог, Который является причиной самого Себя; только Бог Сам определяет Себя к действию и действует в соответствии с необходимостью только Своей собственной природы.

Человек тоже может действовать свободно, но его свобода осуществляется не в своеволии, которое, как показывает Спиноза, есть не более чем зависимость от страстей, а на пути познания истины. Человек может свободно выбирать, свободно действовать лишь в том случае, если он уподобится Богу. Поскольку же одним из атрибутов Бога является мышление, то обретение человеком свободы становится возможным лишь на пути разума, точнее, разумного познания Бога. В силу того, что все явления восходят по причинно-следственным связям в конце концов к Богу, то «чем больше познаем мы единичные вещи, тем больше мы познаем Бога» [3]. Как только человек начинает понимать, что он часть природы и включен в необходимую связь явлений, когда он начинает познавать необходимую связь явлений – тогда он действительно становится свободным.

Спинозу часто обвиняют в пантеизме и даже в атеизме. Однако Спиноза считал свое учение истинно религиозным, соответствующим правильному пониманию Бога. «...Оно учит, что мы действуем лишь по воле Бога и причастны божественной природе, и тем более, чем совершеннее наши действия и чем более и более мы познаем Бога. Следовательно, это учение, кроме того, что оно дает совершенный покой духу, имеет еще то преимущество, что учит нас, в чем состоит наше величайшее счастье или блаженство, а именно – в одном только познании Бога, ведущем нас лишь к тем действиям, которые внушаются любовью и благочестием. Отсюда нам становится ясным, как далеки от истинной добродетели те, которые за свою добродетель и праведные действия ожидают себе от Бога величайших наград, как за величайшие услуги; как будто бы сама добродетель и служение Богу не были самым счастьем и величайшей свободой» [4].

Подход Спинозы может быть полезным для более глубокого понимания христианства – например, при ответе на вопрос: почему христианин должен считать себя рабом Божиим? Действительно, это может показаться противоречащим духу христианства, ведь Христос принес людям истинную свободу: «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1), – пишет ап. Павел. В действительности же это противопоставление свободы и рабства проистекает из-за недостаточного понимания того, что такое свобода. Христианство утверждает, что свобода может быть обретена лишь в истине: «...познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). Греховное же своеволие всегда есть рабство: «всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8, 34). Таким образом, свобода в Боге противопоставляется рабству страстям. Страсть – это нечто страдательное, пассивно воспринимаемое. Человек не может избавиться от страстей, но может им либо подчиниться (и тогда он несвободен, становится рабом страстей), либо господствовать над ними (и тогда он становится свободным). Страсти действуют, как правило, из-за подчинения человека чувственным удовольствиям, телу. Тело же – это механизм, оно несвободно, и человек, подчиняя себя телу, также теряет свободу. Истинная свобода достигается тогда, когда человек действует не так, как хочется (как правило, как хочется телу), а так, как надо, т. е. подчиняет себя истине.

Свобода, как утверждает и христианство, и Спиноза, обретается не на путях своеволия, которое ведет лишь к рабству, а на пути познания истины и подчинения себя ей. *Свобода есть познанная необходимость* – так задолго до Маркса вполне мог бы высказаться Спиноза. Действительно, в наш научный и технологический век можно видеть, как увеличивается свобода человека в мире за счет познания законов природы и применения их в различных технических устройствах. Но в основе этих преобразований лежит убеждение человека в том, что законы природы от человека не зависят, что человек,

так сказать, «раб» этих законов. Правда, материализм слишком сузил понимание мира, христианское же понимание мира гораздо шире узко-атеистического. Кроме мира материального, в котором действуют законы природы, существует мир духовный, у которого тоже есть свои «законы» – прежде всего, нравственные принципы, понимаемые в христианстве как заповеди. Их тоже можно и нужно познавать. Зная нравственные заповеди и поступая согласно им, человек тоже становится более свободным – подобно тому, как более свободным становится ученый, познавший законы природы. В этом смысл евангельской фразы «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). Иначе говоря, *свобода – это познанная истина*. Тот, кто истины не знает или бунтует против нее, всегда будет рабом – в данном случае рабом греха, хотя будет полагать, что действует свободно. А тот, кто поступает в соответствии с законами природы и христианскими заповедями, будет действительно свободным, хотя со стороны его поступки могут казаться несвободными.

Необходимо ли существование Бога и сверхчувственного мира для объяснения самого существования морали?

В ответе на этот вопрос атеистическая философия также накопила кое-какой потенциал. Даются разные ответы, но в целом их можно свести к двум типам: нравственность есть элемент организации общества или результат эволюции человека.

Для опровержения этих атеистических теорий необходимо разобраться в самом феномене морали. Прежде всего скажем, что нравственность связана со свободой воли человека. Это факт отмечали уже античные философы. Так, Аристотель писал: «...добродетель, так же как и порочность, зависит от нас. И в чем мы властны совершать поступки, в том – и не совершать поступков» (Ник. эт. III, 7). Действительно, никто не вменяет неодушевленной вещи в вину то, что она совершила тот или иной поступок, никто не называет безнравственными, скажем, ураган или шторм, ведь они не свободны и не в их власти отменить свои действия. В их действиях, как мы говорим, проявляются законы природы. Несколько сложнее, но в принципе так же обстоит дело и с поведением животных; они тоже не свободны в своих действиях, иначе мы и, например, на собаку подавали бы в суд за то, что она нас покусала, а не на ее хозяина, который вывел ее на прогулку без поводка и намордника.

Основной вклад в обоснование этики со стороны определения человека как свободного существа внес И. Кант. Он следует в понимании свободы той же традиции, которая идет от Плотина, Августина и Спинозы, которые отмечали, что свобода – это не вседозволенность, не выбор между добром и злом, а независимость, самодостаточность. Анализируя феномен нравственности, Кант приходит к выводу, что свободой в этом смысле обладает разум, имеющий свое собственное законодательство. Практический разум не зависит от мира внешнего, от мира явлений (этика автономна, а не гетерономна) – значит, разум свободен. «Но эта независимость есть свобода в негативном смысле, а собственное законодательство чистого и, как чистого, практического разума есть свобода в положительном смысле. Следовательно, моральный закон выражает не что иное, как *автономию* чистого практического разума, т. е. свободы, и эта свобода сама есть формальное условие всех максим» [5]. Наличие в нас категорического императива показывает, что разум свободен, как бы ни казалось некоторым противоречием, что разум подчиняется долгу и одновременно свободен.

Свобода у человека возможна потому, что человек есть не только явление, но и вещь в себе, а она, как указывает Кант в «Критике чистого разума», не подчиняется времени и

пространству. Причинно-следственные связи, природный детерминизм всегда действуют во времени и пространстве. Свобода – это независимость от детерминизма природы, поэтому и человек как существо свободное действует не в пространстве и времени и потому не подчиняется детерминации природного мира.

Рассуждения Канта представляются особенно важными в наше время, когда доверие разуму велико как никогда. Своей строгой логикой Кант показывает, что рассудок, исследующий только причинно-следственные связи, оказывается бессильным в области нравственности. *Действительно, если весь мир подчинен причинно-следственным отношениям, то свободы нет и, соответственно, нет нравственности. А если нравственность все же есть, то есть и свобода, так что не все в мире подчинено принципу детерминизма. Материальный мир находится в пространстве и времени и, следовательно, подчинен детерминистическим законам. Значит, надо признать наличие души и духовного мира, в которых коренится нравственная причинность.*

Эти рассуждения всегда ставят в тупик ученых-атеистов: либо есть нравственность, значит есть душа и Бог, либо Бога и души нет, значит, нет и нравственности. А отсюда следует совсем уж абсурдный вывод: если мир только материален, то нельзя подходить к человеку с точки зрения морали, ведь он поступает не свободно, а в силу законов природы; его нельзя ни осуждать, ни награждать, ведь это все равно что осуждать человека за то, что он, свалившись в пропасть, падает вниз, а не летит вверх. Однако вся организация современного общества базируется на неявном признании неправоты материалистов, о чем писал еще Вольтер: «Вдобавок им (материалистам) необходимо утверждать, будто никакой свободы воли не существует, и на этом основании они вынуждены разрушать все общественные связи, а также верить, будто предопределение столь же трудно постичь, как свободу воли, хотя на практике они сами это опровергают. Пусть же беспристрастный читатель, взвесив по зрелом размышлении все “за” и “против” относительно существования бога-творца, посмотрит теперь, на чьей стороне вероятность истины» [6].

Современный атеизм чутко чувствует эту проблему, но отказываться от стремления свести свободу к материальной причинности не собирается. Например, известный современный ученый-биолог, эволюционист Конрад Лоренц, создатель этологии – науки о поведении живых существ, так рассуждает по этому поводу: «Второе препятствие (очень пагубное) к самопознанию – это эмоциональная антипатия к признанию того, что наше поведение подчиняется законам естественной причинности... Смутное, похожее на клаустрофобию чувство несвободы, которое наполняет многих людей при размышлении о всеобщей причинной предопределенности природных явлений, конечно же, связано с их оправданной потребностью в свободе воли и со столь же оправданным желанием, чтобы их действия определялись не случайными причинами, а высокими целями» [7]. Пытаясь преодолеть кантовскую логику, ученый пишет: «Мы и моральный закон рассматриваем не как нечто данное а priori, но как нечто возникшее естественным путем, – точно так же, как он (Кант. – В. Л.) рассматривал законы неба. Он ничего не знал о великом становлении органического мира. Быть может, он согласился бы с нами?» [8].

Ответ Лоренцу, можно сказать, дал сам Кант: «Но многие все еще думают, что они могут объяснить эту свободу по эмпирическим принципам, как и всякую другую природную способность, и рассматривают ее как *психологическое* свойство, объяснение которого возможно после более глубокого исследования *природы души* и мотивов воли, а не как *трансцендентальный* предикат причинности существа, принадлежащего к чувственно воспринимаемому миру (а ведь именно в этом все дело), и таким образом

сводят на нет превосходное открытие, которое делает для нас чистый практический разум посредством морального закона, а именно открытие умопостигаемого мира через осуществление вообще-то трансцендентного понятия свободы, а тем самым отрицают и сам моральный закон, который совершенно не допускает какого-либо эмпирического основания определения» [9].

Конечно, этология Лоренца имеет огромное значение: помимо чисто научной ценности, она позволяет определять те поступки, которые вызваны биологией человека, а не его свободным выбором, что особенно важно, например, в судопроизводстве, когда необходимо определить, совершено ли было преступление сознательно или же оно было неконтролируемым аффектом. Но именно поэтому очевидно, что этология Лоренца приобретает смысл лишь в совокупности с учением о свободе, ибо только различение гетерономной и автономной этики позволяет отличить собственно свободный поступок (и, соответственно, нравственно вменяемый) от вынужденного, несвободного и, следовательно, неосуждаемого поступка.

Учение Канта о долге как основе этики вызвало неоднозначную реакцию философов и особенно богословов. Очень популярным был и остается взгляд, что Кант в своем нравственном учении полностью отказывается от религии. Архимандрит Платон (Игумнов) по этому поводу пишет: «Полагая идею долга в жесткие рамки интеллектуального процесса и игнорируя при этом внутренний религиозный опыт, Кант, по словам Н. О. Лосского, обеднил мир и чудовищно обеднил понятие Бога» [10]. В. Ф. Асмус в предисловии к публикации «Критики практического разума» также пишет: «Кант перевернул признанное в его время не только богословами, но и многими философами отношение между моралью и религией. Он признал мораль *автономной, независимой* от религии. Больше того, он поставил самое веру в бога в зависимость от морали. Человек морален не потому, что бог предписал ему мораль» [11].

Действительно, Кант не пишет о необходимости веры в Бога для того, чтобы быть нравственным. Но нужно понять замысел и метод Канта. Причиной подобных обвинений является путаница в определении жанра кантовских работ по этике. Кант – не богослов и не метафизик. Он писал не богословскую работу, а скорее научный труд. Он – ученый и исследует только то, что можно с очевидностью признать всем и каждому. Таково нравственное чувство, существующее у каждого человека, независимо от его религиозных взглядов, и выведенный на основании его анализа нравственный закон, долг, категорический императив. Каков источник нравственного долга – ответ на этот вопрос выходит за рамки кантовского исследования, потому что на него невозможно дать строго рассудочный, научный ответ. Поэтому, на наш взгляд, упрекать Канта в отсутствии религиозного ответа об источнике нравственности столь же логично, сколь и упрекать автора работы по физике в том, что он не пишет о религиозных основаниях описываемых им законов природы. Однако Кант прекрасно понимает необходимость ответа на этот вопрос, как и то, что дать абсолютно исчерпывающий ответ на него невозможно. В уже цитировавшемся патетическом отрывке, посвященном долгу, Кант ставит этот вопрос в отношении долга: «...Где же твой достойный тебя источник и где корни твоего благородного происхождения?» [12]. И дает ответ, который, по его мнению, возможно дать, не изменяя научному методу: «Это может быть только то, что возвышает человека над самим собой (как частью чувственно воспринимаемого мира), что связывает его с порядком вещей, единственно который рассудок может мыслить и которому вместе с тем подчинен весь чувственно воспринимаемый мир... Это не что иное, как *личность*,

т. е. свобода и независимость от механизма всей природы, рассматриваемая вместе с тем как способность существа, которое подчинено особым, а именно данным собственным разумом, чистым практическим законам; следовательно, лицо как принадлежащее чувственно воспринимаемому миру подчинено собственной личности, поскольку оно принадлежит и к умопостигаемому миру» [13]. Кант дает *философский* ответ, ответ со стороны разума, а не веры: факт существования нравственности вынуждает нас признать существование Бога и бессмертной души. А это очень важный вывод, весьма значительный вклад в христианскую апологетику.

Необходимость именно такого решения вопроса о происхождении нравственного чувства в человеке подтверждает своими рассуждениями и известный русский философ XIX века В. Д. Кудрявцев-Платонов, который развивает мысль Канта в следующем направлении: человек как нравственное существо обладает свободой, но «если бы человек был безусловно автономен, сам по себе давал закон, то, очевидно, он дал бы себе такой закон, который вполне соответствовал бы *данному* состоянию его природы, был бы исполнимым для него законом, которому бы он подчинялся вполне свободно и охотно. Но таков ли закон нравственный? В своей реальной форме он предлагает такие требования, которые, по сознанию каждого, никогда вполне не могут быть исполнены» [14].

Чаще всего вклад Канта в христианскую апологетику отмечают в плане его нравственного доказательства бытия Бога. Разумеется, тот факт, что Кант предложил новое доказательство, невозможно не оценить по достоинству. Но заметим еще, что из всех известных доказательств бытия Бога кантовское – самое богатое. Обычные доказательства говорят лишь либо о некой безличной могущественной силе (космологическое), либо о совершенном Существо (онтологическое), либо о том, что у всех религий есть некое истинное основание (историческое) и т. п. Кант доказывает, что существует Творец мира, Который является источником нравственных законов (Благо), Личностью, разумным Существом (Логосом), Судьей, ибо в Нем основание связи между нравственностью и счастьем. Кант об этом пишет: «...Моральное основоположение допускает его только как возможное при предположении, что имеется творец мира, обладающий высшим совершенством. Он должен быть *всеведущим*, дабы знать мое поведение вплоть до самых сокровенных моих мыслей во всех возможных случаях и во всяком будущем времени; *всемогущим*, дабы дать соответствующие этому поведению результаты; *вездесущим*, *вечным* и т. д.» [15].

Итак, наш краткий экскурс в историю философии показывает, что последовательно-логический философский анализ понятия нравственности оказывается весьма полезным как для более глубокого и правильного понимания христианского вероучения, так и для решения современных проблем христианской апологетики.

Примечания

1. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сартр Ж.-П. Сумерки богов. – М., 1989. – С. 344.
2. Спиноза Б. Этика // Спинза Б. Сочинения. – Т. 1. – С. 362.
3. Там же. – С. 606.
4. Там же. – С. 452.
5. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Собрание сочинений: в 6 т. – М., 1965. – Т. 4 (1). – С. 351.
6. Вольтер Ф.-М. Философские сочинения. – М., 1988. – С. 243.
7. Лоренц К. Агрессия. – М., 1994. – С. 219–220.

8. Там же. – С. 233.
9. Кант И. Цит. соч. – С. 422.
10. Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие. – Троице-Сергиева Лавра, 1994. – С. 84.
11. Асмус В. Ф. Этика Канта // Кант И. Цит. соч. – С. 6–7.
12. Кант И. Цит. соч. – С. 413.
13. Кант И. Цит. соч. – С. 413–414.
14. Кудрявцев-Платонов В. Д. Начальные основания философии. – Сергиев Посад, 1915. – С. 186–187.
15. Кант И. Цит. соч. – С. 475.

Л. А. Тресвятский

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА УРОВЕНЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ СИБИРЯКОВ

В статье на историческом материале освещаются проблемы роли православной церкви в процессе заселения и освоения Сибири и в формировании менталитета сибиряков.

Ключевые слова: православная церковь, освоение Сибири, специфика сибирской ментальности.

L. A. Tresvyatskiy

EFFECT OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE LEVEL OF SIBERIANS' RELIGIOUSNESS

The article based on historical material highlights challenges of the Orthodox Church role in the process of settlement and development of Siberia and in shaping the mentality of Siberians.

Keywords: Orthodox Church, development of Siberia, Siberian mentality specific.

Сибирь заселялась «разной вольницей», видевшей в ней край, богатый пушниной, лесами и полями [1]. Русские колонисты осознавали себя православными, вот почему на новых землях они воспроизводили основы традиционной для них религии в быту, войне и мире. Вместе с отрядами стрельцов обязательно были иконы, а также представители духовенства. Все это позволило Русской православной церкви придать походу Ермака и вообще процессу присоединения Сибири к России религиозный оттенок. По воле архиепископа Киприана был составлен «Синодик ермаковым казакам» для их прославления как пострадавших за православие. Христианская доктрина проповеди Евангелия позволяла видеть в присоединении Сибири закономерный процесс, одобренный православной церковью и освященный Божьей силой, праведное и святое дело.

Русский народ оказался связующим звеном между Европой и Азией. Диалектика противостояния и сотрудничества с другими народами основывалась на делении мира на две части. Первая часть – православное царство, которому противостоял неправославный мир. Иной мир воспринимался как агрессивный, которому надо было противостоять. Не-

смотря на добытую независимость в конце XV века и отсутствие явной внешней угрозы для России, народное сознание хранило память о возможной опасности. Этому способствовало такое событие, которое, ошеломив Россию, вывело ее в лидеры православного мира – падение Константинополя в середине XV века. Русское православие оказалось способным претендовать на ведущую роль. Присоединение Сибири оказалось удачным воплощением представлений об особой миссии России как православного государства по отношению к другим народам.

На рубеже XVI–XVII веков русские казаки были весьма заинтересованы в принятии православия в новый край, оно утешало их в неимоверно трудных условиях и придавало мужество в борьбе с сибирскими народами. В 20-е годы XVII века положение изменилось. Русские колонисты, чувствуя себя хозяевами, не желали постоянно следовать православным нормам поведения. Это основная причина, по которой сибирское духовенство постоянно вступало в столкновения с представителями разных слоев общества. Конфликты с воеводами случались по причине выступления сибирских архиереев против творимых властями притеснений и беззаконий, не совместимых с христианским мировоззрением. Конфликты с простым населением происходили на почве проявления со стороны народа таких поступков, которые противоречили нормам христианства. Русская православная церковь постоянно стремилась укрепить в народном сознании должное каноническое православное мировоззрение. Церковная власть выступала в качестве посредника и третейского судьи между враждующими сторонами.

Процесс становления духовной культуры православия в Сибири сложен и неоднозначен. По мнению П. Н. Буцинского, в середине XVII века «нравы Сибири... были жестокие и распущенность царила как в мире, так и в монастырях» [2]. Далее Буцинский пишет: «...До приезда Киприана в Сибирь монахи и монахини жили вместе в одном и том же монастыре. Поэтому в сибирских монастырях царил полный разврат: монахи развратничали с монахинями и с мирскими людьми. Многие монахи и монахини снимали с себя чернецкое платье, и жили в одних домах с мирскими людьми, и в своей жизни ничем не разнились от этих последних» [3]. Это писал человек, который сильно переживал за православие в Сибири, но не стал скрывать тех фактов, которые были. Роль сибирских архипастырей состояла не в том, чтобы закрывать глаза на подобные факты, а всячески стараться искоренить нравы как сибирского общества, так и сибирского духовенства.

С русскими колонистами у православной церкви действительно хватало проблем. Еще первый сибирский митрополит Киприан жаловался на отсутствие у казаков, крестьян и другого пришлого в Сибирь русского населения должной христианской морали и почтения к требованиям православной церкви. Следует учесть, что в острогах обязательно строилась церковь, как правило, деревянная. Колонизация новых территорий поставила насущный вопрос об увеличении числа священнослужителей и открытии новых приходов. Например, о трудном положении верующих в Тюмени свидетельствует грамота от 1600 года царя Бориса Годунова: «...А в остроге храма нет; а он де на пасаде поп один и маломощен, а другого де попа нет, и в том де попа нет, и в том де ему и всем людям тягость великая...» [4]. Эта проблема была частично решена. В следующем году было разрешено построить за тюменским острогом приходскую церковь во имя Бориса и Глеба, а в самом остроге – большой храм.

При освоении Сибири действительно проявлялись самые лучшие и худшие черты человеческой натуры. Русский народ стремился самостоятельно на новом месте воспроизвести основные элементы православной культуры, которые закрепляли данную терри-

торию за переселенцами. Проблемы нравственного поведения православного населения и представителей церкви удалось решить при помощи организационно-административных мер. Дело в том, что православная культура обладает целым рядом средств внутреннего и внешнего воздействия на паству. Отсутствие нормальной организации деятельности Русской православной церкви в Сибири привело к понижению уровня церковной дисциплины. С появлением самостоятельной сибирской епархии церковная дисциплина была многократно усилена. В среде духовенства, монахов и т. д. были восстановлены канонические нормы поведения. В начале со священником вел «душеспасительную» беседу архиерей. Этого оказывалось, как правило, достаточно, чтобы поведение священника менялось. Провинившийся иерей если и внутренне не менялся, но боялся возможных наказаний, которые могли привести к ухудшению его материального положения. Наиболее действенным являлось назначение священника из городского прихода в сельский или перевод с большого прихода на меньший. Дело в том, что личное благополучие священника зависело от количества прихожан и рода их деятельности. Крупные приходы позволяли священнику не бедствовать, а в городских приходах паства была богаче и гораздо щедрее.

Самые большие трудности по восстановлению норм православия, как было отмечено, были в начале XVII века. Дело в том, что сибиряки, получив «свободу» во грехе (пьянство, блуд, лихоимство и пр.), упорно сопротивлялись духовному врачеванию церкви. Во-первых, в Сибири испытывался недостаток в русских женщинах православного вероисповедания [5]. Казаки и прочие «вольные люди» жили блудом с женщинами-иногородцами (это были татары, калмыки, вогулы, остяки и др.). Так как женщины не были православного вероисповедания, то казаки имели «благовидный» предлог не вступать с ними в церковный брак. Следует отметить, что только брак по православному обряду, даже если он был тайным и без особой огласки, признавался в обществе.

Во-вторых, сибирские казаки, приезжая в Европейскую Россию, обманом и уговором привозили в Сибирь русских женщин якобы в качестве своих будущих жен. Там женщины либо проигрывались в карты, либо насильно продавались другим казакам, т. е. процветала своеобразная «женская работоторговля». Более того, многие русские перестали носить кресты, не соблюдали посты и постные дни. Это свидетельствует о временном, но серьезном подрыве влияния православной культуры на русских переселенцев. Духовенство было вынуждено венчать браки без оглашения, в монахи постригались случайные люди, которые через некоторое время уходили обратно в мир. Русские казаки жили как завоеватели и победители, которым все дозволено [6].

Русская православная церковь попыталась переломить сложившееся положение. Вступив в явный конфликт со светской властью, еще Киприан послал патриарху Филарету сообщение о тех пороках, которые творило «православное» население в Сибири, обвинив некоторых представителей местной власти в злоупотреблении своим положением. 11 февраля 1622 года патриарх Филарет в особой грамоте потребовал прекратить духовное разложение русского населения. Грамоту прочитали по всем сибирским церквям в присутствии многих людей. Она послужила толчком к водворению в Сибири тех правил религиозной жизни, которые были свойственны для Европейской России [7]. Однако не все сибирские воеводы стали содействовать архиерею Киприану. Для острастки и ввиду явных беззаконий Киприан послал царю жалобу на тобольского воеводу Матвея Годунова. Обвинения в его адрес были настолько существенны, что было организовано специальное расследование. Постепенно авторитет духовной власти в Сибири был ук-

реплен. Служилые люди начали осознать, что отношения в Сибири не должны принципиально отличаться от принятых в Европейской России. Архиепископ Киприан сделал самую сложную работу по укреплению православия в Сибири. Последующим сибирским архиереям было уже «легче», и постепенно удалось значительно улучшить духовно-нравственную жизнь сибиряков.

Одной из самых «разработанных» тем является взаимоотношение православной церкви и русского народа. Основная методологическая ошибка ряда исследователей состоит в нежелании учитывать сущность духовной основы православия, являющейся идейной опорой жизни церкви. Православие суть христианство, в основе которого лежит вера в Господа и его заповеди, которым подчиняется деятельность церкви. Вот почему православные считают церковь Телом Христовым. Недопонимание этого приводит к появлению надуманных представлений о «народном православии» или «религиозном синкретизме православия». Под «народным православием» понимается искаженная форма восприятия христианства народом, где причудливым образом пересекаются христианские и языческие представления. И. П. Башаров пишет: «Промыслы как часть жизнедеятельности русского народа, полностью контролируемой православием, по представлениям рыбаков и охотников, также находились в зависимости от христианских сакральных образов. Промысловики выполняли все общие элементы православного культа, не являющиеся связанными лишь с промысловой деятельностью. Христианские образы воспринимались, прежде всего, как источник силы, которая в момент вступления человека во взаимоотношение с природой, в случае выполнения им требований православия, выступала его покровителем, а в наиболее критических ситуациях – и спасителем» [8]. Дело в том, что православная церковь как духовная структура является активным началом, а народ – пассивным. Не народ воспитывает церковь, а церковь воздействует на него. Православная церковь является своего рода «столпом и утверждением истины», и всяким языческим проявлениям, покушавшимся на суть православного вероучения, всегда давался достойный отпор.

Для духовной культуры православия и русского народа особое значение имеют религиозные праздники. А. А. Макаренко пишет: «В понятие о празднике коренные сибирские крестьяне, как и российские, вводят элемент необходимости полного прекращения важных работ дома и вне его. ...В практике же сельской местности, впрочем, допускается исполнение работ, не только по воскресным дням..., но иногда и в большие праздники. Причины – недостаток рабочих рук, страда, уборка хлеба, сложная рыбная ловля» [9]. Исследователи «народного православия» установили, что «Пасху в Сибири называли “паской” святой или красной неделей. Она считалась одним из главных крестьянских праздников, к ней тщательно готовились, этот праздник сохранял в Сибири многие элементы весеннего дохристианского аграрного цикла обрядов, посвященных разгоранию солнца и весеннему севу» [10]. У крестьян прослеживается особая роль «народного календаря», суть которого состоит в том, что цикл сельскохозяйственных работ сверялся с православными праздниками, которых было достаточно много. Сибирские крестьяне почитали святых, хотя сохранилось много суеверий [11].

Н. А. Миненко по этому поводу отмечает: «Вряд ли, в частности, справедливо считать, что до середины XIX в. в функционировавших на масленицу представлениях, нормах поведения, коллективных настроениях сохранялись верования в возможность активного воздействия на природу, что определенное магическое содержание русские крестьяне Сибири продолжали вкладывать в обрядность таких праздников, как семик, Троица,

Новый год. Внешне многие праздничные действия, действительно, напоминали ушедшие в прошлое языческие ритуалы. Однако языческий смысл этих действий, во всяком случае в XIX в., был надежно забыт» [12]. В повседневной жизни крестьяне вели отсчет времени не по месяцам и числам, а по религиозным датам и постам: от Рождества до Пасхи, от Пасхи до Крещения Господня, от Покрова до Казанской и т. д. Даже цикл сельскохозяйственных работ рассчитывался по религиозно-православному календарю.

В трудных условиях приходилось действовать православным священникам в Сибири. Якутское духовенство, во-первых, выполняло обычные требы, во-вторых, занималось миссионерской деятельностью, в-третьих, стремилось повысить моральный уровень служилых людей, которые «крестов не носят» [13]. Якутские священники терпели унижения от местных властей. Например, воевода П. Головин посадил своего духовника монаха Симеона в тюрьму, а иеромонаха Порфирия по его приказу вообще подвергали пыткам. Самодурство воеводы П. Головина зашло так далеко, что даже церковные службы временно были прекращены, но постепенно в Якутске был сформирован стабильно функционирующий клир, состоящий в середине XVII века из четырех священников и одного дьякона [14].

Православные в Сибири сами стремились приобщиться к целостной церковной жизни. Так, «...инициатива строительства большинства приходских церквей в Сибири XVIII века исходила из мирского общества. Оформлялась она по-прежнему челобитной, или прошением мира к архиерею» [15]. Население испытывало постоянную потребность в духовном окормлении, вот почему общение с духовенством не ограничивалось только рамками храма. М. М. Громыко пишет, что существовал «обычай приглашать священника в дома для служения молебна; постоянное странноприимство, сопровождавшееся рассказами странников на духовные темы и просьбами хозяев о молитвах за них в монастырях и у известных святынь...; религиозно-нравственная тема звучала в семье в назиданиях, замечаниях и указаниях, адресованных детям; учащиеся дети и грамотные взрослые нередко читали вслух Евангелие, жития святых, Псалтырь и другую духовную литературу; подавалась милостыня нищим...» [16].

Важное значение для начала духовной жизни имело крещение. Детей приносили в храм «...ко Христу на восьмой день по рождении. В этот день в таинстве крещения Господь омывает их от первородного греха, снимая с них проклятие. В таинстве миропомазания, следующем непосредственно за крещением, Господь усыновляет ребенка себе, даруя ему благодать» [17]. Не везде в Сибири была возможность быстро добраться даже до ближайшей церкви. В этом случае русские крестьяне на Индигирке «обходились обычно без священника. Наливали в чистый таз теплую воду, опускали в нее серебряный крест, после чего вода становилась “святой”. Крестный отец несколько раз окунал ребенка головой и ногами в воду со словами: “Крестим раба божьего Николая (Петра, и т. д.)”. Крестные отец и мать почитались почти наравне с родителями. В случае смерти последних они опекали своих крестников» [18]. Благодаря таким православным формам поведения происходило настоящее воцерковление христиан.

Одному всегда трудно следовать христианским нормам поведения, а приход позволял укрепить веру отдельного человека. С развитием церковной приходской жизни происходит утверждение духовной культуры православия в Сибири [19]. Трудно не согласиться с мнением Н. Д. Зольниковой: «Сибирские приходы к началу XVIII в., по-видимому, во многом напоминали северо-русские...» [20]. Весьма противоречивы позиции исследователей по вопросу отношения членов приходской общины к священникам. Приведем примеры. Н. Д. Зольникова утверждает: «Изменения статуса духовенства в систе-

ме абсолютизма содержали в себе устойчивую тенденцию его отрыва от паствы» [21]. С. В. Кузнецов правильно отмечает: «Мнение о якобы непочтительном отношении крестьян к священникам основывается на ограниченном круге источников и не имеет связи с народными идеалами и религиозной практикой. Бытовавшие относительно священников суеверия (например, встретить попа – плохая примета и т. п.) носили скорее характер языческого пережитка и не отражали реальную практику взаимоотношений священника и его паствы... Уважение к священническому сану сочеталось с требовательностью, предъявляемой прихожанами к его носителю» [22]. Л. Н. Харченко признает особую роль священников, т. к. «...духовенство по-прежнему принадлежало к самой просвещенной части местного общества...» [23]. Также противоречивы представления о роли священника в управлении приходом [24].

Уровень морально-этических норм сибиряков был значительно ниже, чем в Европейской России. Недостаток подготовленных церковных кадров привел к тому, что в Сибири был распространен принцип выборности священников. С одной стороны, такой священник пользовался уважением среди прихожан как наиболее благочестивый из местной среды. С другой стороны, «выбранный» батюшка в значительной степени зависел от прихода и мог идти у него на поводу, не замечая те неблагоприятные поступки, которые совершались среди членов религиозной общины. Более того, у «выбранных» батюшек не хватало знаний по ведению богослужений, да и вообще они могли быть более самостоятельными по отношению к правящему архиерею, чем назначенные священники. Для укрепления духовной культуры православия в Сибири требовались священники, крайне преданные служению Богу.

Достаточно долго и безуспешно Русская православная церковь в Сибири вела борьбу с азартными играми, шахматами и т. п. Российские ученые абсолютно правильно зафиксировали отрицательное отношение церкви к шахматам в рамках русской средневековой культуры и терпимое к ним отношение с периода преобразований Петра I [25]. Достаточно будет отметить, что шахматы приравнивались к азартным играм (карты, кости и т. п.) и гаданиям. Терпимое отношение к шахматам в более позднее время объяснялось тем, что игра была настолько популярна в народных массах, что РПЦ вынуждена была отступить. Следует согласиться, что шахматная игра не является магическим действием или бесовским гаданием.

Русская православная церковь стремилась повысить нравственный уровень в Сибири. Во второй половине XVII–XVIII веке сибирским архиереям действительно удалось повлиять на духовную жизнь сибиряков. Митрополит Иннокентий (Кульчитский) лично воздействовал на паству через поучения и проповеди. Он многих направил на путь нравственного исправления. Сибиряки, хотя и были более свободного поведения, чем христиане прочих епархий, но стихийно всегда тянулись к Богу. Жизнь в Сибири была чрезвычайно трудна. Хотя сибиряки рассчитывали на свои силы, но, попадая в особо опасные условия выживания, они надеялись только на Божью помощь. В этом проявляется особый характер сибиряков, заключающийся в свободном поведении, но уважительном отношении к православной вере.

Во второй половине XVIII века продолжается процесс организационного укрепления церкви: строятся храмы, увеличивается число священников, появляются новые епархии [26]. Создались благоприятные условия для дальнейшего воздействия на народные массы. Во второй половине XVIII века в Иркутской епархии находилось 145 церквей, прихожанами в которых было 89 578 лиц мужского пола и 83 699 лиц женского пола [27]. Таким образом, на один храм в среднем приходилось чрезвычайно большое

количество прихожан – 1194. Н. Сапожникова отмечает: «Сеть церквей в Сибири была значительно реже, а церковный надзор за народным сознанием слабее, чем в Европейской России» [28].

Учитывая большое расстояние между храмом и отдельными сибирскими деревнями, приходим к выводу, что часть сибиряков не имела возможности регулярно посещать богослужения и приобщаться к таинствам. Вот почему строительство новых церквей и привлечение дополнительного числа священников в Сибирь продолжало быть актуальным. Слабая воцерковленность части населения и его разбросанное расположение не способствовали скорейшему искоренению отрицательных привычек, например, ранних браков. В сложившихся условиях Иркутский епископ Софроний в 1756 году запретил священникам венчать малолетних и браки между родственниками [29]. Таким образом продолжалась борьба с наиболее худшими крестьянскими обычаями, которые вредили и духовному, и телесному состоянию.

Русская православная церковь в своей деятельности традиционно ориентировалась, прежде всего, на крестьянство. В XVIII–XIX веках отмечается «готовность, с которой крестьяне-сибиряки ради строительства храма шли на всевозможные тяготы и жертвы, позволяет говорить о высокой степени приверженности их официальной церкви» [30]. В XIX веке существовала традиция, идущая из предыдущих веков, что инициатива возведения приходских храмов, часовен, молитвенных домов исходила не от официальных церковных органов или священников, а непосредственно от мирян. Письменное прошение отправлялось архиерею на рассмотрение через Духовное правление, позднее через благочинного.

Храмы довольно часто строились на добровольные пожертвования сибирских купцов. Например, в 1836 году томский купец Степан Иванович Попов пожертвовал для «нужд Сибири» значительный капитал [31]. В тех местах, где была церковь, местное население охотно приобщалось к православным ценностям по собственной инициативе. М. М. Громыко точно подмечает: «Явно выражена была православная вера как явление массовое и сугубо добровольное в молебнах вне храмов, т. к. служили их по просьбам прихожан: инициатива в этом деле была не за священником, а за общиной или отдельными мирянами» [32].

Православная культура отрицательно относится к стяжательству. Она выступает не против богатства, а лишь предупреждает, что материальные ценности способны овладеть душами, сделать их рабами. Нечто подобное произошло в Енисейске в середине XIX века. Енисейские золотые прииски приносили большую прибыль, в городе было много обеспеченных людей, которые постоянно впадали в разгул и пьянство. Действительно, нравственная атмосфера была подорвана. Людей интересовала нажива, деньги, а о Боге стали забывать.

Одной из основных проблем, с которыми боролись священники, было пьянство. По этому вопросу Русская православная церковь вступала в противоречие с «интересами» государства и торговцев. Не секрет, что государство в значительной степени пополняло свой бюджет за счет «пьяных» денег. Но культура потребления спиртных напитков у сибирского населения была не на высоте. Создавались благоприятные условия для спаивания инородцев. В конце XIX века священник Терентий Каншин писал о досуге инородцев Кондомо-Енисейской волости: «Пьянство у нас страшно развито – пьют хлебную самогонку, покупают казенную водку. ... Немного дней в году наши инородцы проводят трезвыми. ... Мы, конечно, при каждом удобном случае увещевали своих прихожан отстать от этой пагубной для души и тела страсти. На другой день утром обошел дома но-

вокрещенных для увещевания, чтобы они начали говеть. Некоторые изъявили согласие, а иные отказались, ссылаясь на неимение денег на свечи Богу. Нам показались несостоятельны их отговоры. Для винопития находится и время, и деньги, а в то время как позовут Богу молиться, говеть, сейчас явятся неотложные дела и много других препятствующих причин» [33].

Примечания

1. Абрамов Н. А. Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. – Тюмень, 1998. – С. 97.
2. Бущинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – Харьков, 1889. – С. 294.
3. Там же. – С. 285.
4. Приложения к книге: Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л., 1941. – С. 155.
5. Софронов В. Ю. Светочи земли сибирской (биографии архипастырей Тобольских и Сибирских 1620–1918 гг.). – Екатеринбург, 1998. – С. 18.
6. Абрамов Н. А. Цит. соч. – С. 102.
7. Там же. – 103.
8. Башаров И. П. Трудовые традиции и народные верования русского промыслового населения Восточного Прибайкалья (конец XIX – первая треть XX в.). Спец. 07.00.07: автореф. дис. ... к. и. н. – Владивосток, 2002. – С. 27.
9. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 31–32.
10. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 323.
11. Островская Л. В. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). – Новосибирск, 1975. – С. 177.
12. Миненко Н. А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. – Новосибирск, 1986. – С. 87.
13. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. – М., 1838. – Т. 1. – С. 166.
14. Якутия в XVII в.: очерки. – Якутск, 1953. – С. 228–229.
15. Зольникова Н. Д. Делопроизводственные материалы о церковном строительстве как источник по истории приходской общины Сибири (начало XVIII в. – конец 60-х гг. XVIII в.) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России (Археография и источниковедение Сибири). – Новосибирск, 1983. – С. 104.
16. Громыко М. М. Православные обряды и обычаи в русском крестьянском доме // Православная вера и традиция благочестия у русских в XVIII–XIX веках: этнографические исследования и материалы / отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. – М., 2002. – С. 86.
17. Пестов Н. Е. Современная критика православного благочестия: опыт построения христианского мирозерцания // Религия и общество: реферативный сборник / отв. ред. Л. В. Скворцов. – М., 1999. – С. 105.
18. Чикачев А. Г. Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк. – Новосибирск, 1990. – 189 с.
19. В «Сибири на протяжении всего периода идет процесс формирования приходской системы, с постоянным увеличением количества приходов, разнообразием их форм. Преобладающим типом приходов для данной территории на протяжении XVII – начала XX века являлись сельские приходы. Основной категорией населения в них были крестьяне и поселяне. Инициаторами открытия приходов в основном являлись сами прихожане» [Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Тобольской епархии XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... к. и. н. – Кемерово, 1998. – С. 23].
20. Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. – Новосибирск, 1990. – С. 178.
21. Там же. – С. 165.

22. Кузнецов С. В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв.: этнографические исследования и материалы. – М., 2002. – С. 167–168.
23. Харченко Л. Н. Распространение православной духовной литературы и духовного просвещения в Восточной Сибири (XVII – второй половине XIX в.). Очерки истории. – Иркутск, 2001. С. 166.
24. Н. Д. Зольникова пишет: «В XVIII в. сибирское население сохраняло убеждение в правильности своего контроля над приходской церковью и даже распоряжения ею» [Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. – Новосибирск, 1990. – С. 180]; Л. В. Островская отмечает: «Судя по прошениям, неприязненные отношения крестьян к духовенству носили не принципиальный, а личностный характер: настаивая на удалении одного клирика, они просили заменить его другим. При этом крестьяне проявляли и готовность к состраданию обвиняемому ими же» [Островская Л. В. Прощения в консисторию и Синод как источник для изучения социальной психологии крестьянства пореформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск, 1982. – С. 168]; Н. А. Мухортова делает заключение: «Старосты избирались обществом из социально активных и влиятельных слоев населения. ...Расширение сферы контроля духовенства за жизнью общины, сопровождавшееся разрушением мирского контроля...» [Мухортова Н. А. Должность церковного старосты в сибирской городской приходской общине второй половины XVIII – первой четверти XIX в. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. – Новосибирск, 1998. – С. 144]; В. А. Есипова констатирует: «В Сибири еще сохранилась память о широких правах приходской общины. “По старой памяти” составлялись прошения о смене священника, о награде для него или наказании. Однако в рассматриваемый период на них по большей части появлялась стандартная резолюция “оставить без последствий”...» [Есипова В. А. Ставленнические дела священников и диаконов Томской епархии второй половины XIX в. как исторический источник // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. – Новосибирск, 1998. – С. 67].
25. Майзелис И. К вопросу о происхождении и развитии шахмат // Шахматы в СССР. – 1952. – № 10, 12; Он же. К истории шахмат на Руси // Шахматы за 1957 г.: сб. ст. – М., 1958.
26. См. более подробно: Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Тобольской епархии XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... к. и. н. – Кемерово, 1998.
27. Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. – Казань, 1913. – Т. 2. Приложения. – С. 15.
28. Сапожникова Н. Религиозные мотивы в поведении крестьянства Сибири XIX в. // Религия и церковь в Сибири: сборник научных статей и документальных материалов. – Тюмень, 1990. – Вып. 1. – С. 68.
29. Иркутские епархиальные ведомости. – 1898. – № 14.
30. Островская Л. В. Прощения в консисторию и Синод как источник для изучения социальной психологии крестьянства пореформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск, 1982. – С. 175; Т. В. Батурина дополняет: «Всю настойчивость прихожан в просьбах о строительстве церкви можно, как кажется, отнести к их высокой религиозности. Не отрицая ее, все же приходится отмечать наличие мотива не менее сильного – стремление к удобству в проявлении своей религиозности» [Батурина Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX в. 07.00.02.: дис. ... к. и. н. – Новосибирск, 1999. – С. 176].
31. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 66. Д. 39. Л. 2.
32. Громыко М. М. Службы вне храма // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований. – М., 2001. – С. 103.
33. Ершова В. В., Кимеева В. М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. – Кемерово, 1995. – С. 17.

В. А. Овчинников

**ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАШЕСКИЕ ОБИТЕЛИ
НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В XVII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Статья посвящена истории православных монашеских обителей на территории современной Кемеровской области. Проанализировано изменение характеристик монастырей на разных этапах исторического развития, динамика и территориальное распределение в XVII – начале XXI века. Выявлены специфика развития по сравнению с обителями юга Западной Сибири, проблемы возникновения обителей в постсоветский период.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Кемеровская область, монастырь, монашество.

V. A. Ovchinnikov

**ORTHODOX MONASTIC HOUSES TO WHAT IS TODAY
KEMEROVO REGION IN THE XVII –
THE BEGINNING OF XXI CENTURIES:
TRADITIONS AND THE PRESENT STATE**

The article is dedicated to the history of the Orthodox monastic cloisters on the territory of today's Kemerovo Region. The change of cloisters' characteristics on the different historical periods analysed as well as dynamics and territorial placement in the XVIIth century and in beginning of the XXIst century. The specific of development in comparison with the cloisters of the south of West Siberia are revealed as well as problems of the beginning of cloisters in the Post-soviet Period.

Keywords: Russian Orthodox Church, Kemerovo Region, cloister, monasticism.

Православные монастыри и монашество в Сибири, по оценке специалистов – историков Русской православной церкви (далее РПЦ), – тема, получившая только частичное освещение в историографии и требующая более углубленного исследования [1, с. 11]. Следует подчеркнуть, что изучение региональной истории монастырей приводит не только к выявлению общего хода и специфики их деятельности на определенной территории. Сравнение территориального распределения и динамики низовых подразделений РПЦ – монастырей на различных временных срезах также позволяет оценить преемственность религиозного пространства страны, изменение территории влияния и активности Русской православной церкви, региональные особенности ее деятельности.

Исторические факты свидетельствуют о том, что на территории современной Кемеровской области в различные периоды возникали монашеские монастыри, но традиции православной иноческой жизни неоднократно прерывались. В рамках данной статьи поставлена задача выявить общее и особенное в истории православных монастырей на территории современной Кемеровской области по сравнению с обителями юга Западной Сибири, изучить динамику и территориальное распределение в XVII – начале XXI века, обозначить проблемы возникновения обителей в постсоветский период.

Первый на территории Кузбасса Кузнецкий Христорождественский мужской монастырь был основан в 1648 году на левом берегу р. Томи в трех верстах к северу от г. Куз-

нецка. Самый южный окраинный из западно-сибирских монастырей появился спустя 52 года после первого сибирского Тобольского Знаменского монастыря и через 27 лет после первого на юге Западной Сибири Томского Алексеевского монастыря в числе 37 монастырей, возникших в конце XVI – XVII веке в Сибири [2, с. 30–34; 3, с. 32–33].

Монастырь, находившийся вне стен Кузнецкой крепости, не раз подвергался разорению во время набегов киргизских и калмыцких племен в конце XVI – начале XVII века. Братия обители была немногочисленна и состояла, в основном, из представителей служилого сословия. В 20-е годы XVII века по правительственному распоряжению Кузнецкий монастырь из-за малочисленности братии предназначалось закрыть и немногочисленных монашествующих перевести в Томский Алексеевский монастырь. Но по указу 1727 года о возвращении братии и возобновлении малолюдных монастырей Кузнецкая обитель была сохранена [4, с. 196–197]. В 40-е годы XVIII века в результате сокращения численности братии и хозяйственного запустения монастырь был приписан к Томскому Богородице-Алексеевскому монастырю под настоятельство архим. Лаврентия.

Несмотря на все усилия к 1763 году братия монастыря состояла из 4 монашествующих. В результате секуляризационных реформ в 1764 году он был выведен за штат, а в 1769 году по распоряжению митрополита Тобольского упразднен. В течение XVIII века прекратили свое существование 15 сибирских монастырей и пустыней из 40 обителей, возникших в конце XVI – XVIII веке, в т. ч. два из трех существовавших на территории юга Западной Сибири – Томский Рождественский женский (осн. в 1671 году) и Кузнецкий Рождественский мужской (осн. в 1648 году) монастыри, что было связано с секуляризационными реформами Петра I и его преемников. К концу XVIII века в Западной Сибири осталось 13 обителей (10 муж. / 3 жен.). Из них на юге Западной Сибири после реформ выжил только один – Томский Алексеевский мужской монастырь [2, с. 30–34; 3, с. 116; 4, с. 200–202].

Несомненно, что на такое непродолжительное существование Кузнецкого монастыря повлияли не только его расположение на приграничной территории и последствия частных набегов, но и бедственное хозяйственное положение. Несмотря на то, что Кузнецкий Христорождественский монастырь имел значительное количество земель (в 1679 году – 4 дес. пашни, 6 дес. непахотной земли, 3 дес. пастбищ), часть из которых пожертвовали вкладчики (кузнецкие люди разных чинов), а также скотный двор, мельницу, при нем находилось всего 7 чел. зависимого населения [2, с. 50]. К середине XVIII века монастырю принадлежало 69 297 дес. земли, из них 34 дес. пашни, рыбная ловля и две мельницы. В 1744 году за монастырем числилось 75 ревизских душ, в 1763 году – 106 мужских и 105 женских. Все крестьяне, закрепленные за Кузнецким монастырем, проживали только в одном селе Монастырском (совр. Прокопьевск). Таким образом, на протяжении начального периода существования обители была нехватка рабочих рук для ведения крупномасштабного хозяйства и ограниченное количество пашенных земель. Также проблема осложнялась тем, что рядом находилась территория Колывано-Воскресенских заводов, которые оттягивали на себя все рабочие руки в регионе, а также бегством монастырских крестьян на Алтай и захватом монастырских земель государственными крестьянами окрестных деревень [4, с. 192–196].

Попытки преодоления недостатка иноческой жизни путем открытия монастырей периодически предпринимались на территории юга Западной Сибири, но все они заканчивались неудачей. Самый известный случай был связан с деятельностью на территории Кузнецкого края тайно принявших монашество старцев Василиска (Василия Гаврилова

из экономических крестьян Тверской губ.) и Зосимы (Захария Верховского из дворян, гвардии поручика в отставке), учеников известных старцев Паисия Величковского и Андриана, которые, «...странствуя по святым местам, вздумали искать в глубине Сибири уединенного и пустынного места для безмолвного жительства и спасения душевного» [5, с.130–131]. Предположительно они пришли в г. Кузнецк в 1797–1800 годах из Московского Симонова монастыря. Намерение организовать иноческое братство в 40 верстах от г. Кузнецка им не удалось осуществить. До 1818 года изъявили желание совершить постриг пять человек, но общество и начальство многих не уволило. Поэтому о. Зосима принял решение завести женскую общину в деревне Сидоровой. Из г. Кузнецка в общину переселились, подчинив себя иноческим правилам, вдова надворного советника Н. М. Васильева с дочерью, купеческая дочь Е. Романова, мещанская вдова А. Иванова. Позже к ним присоединилось до 10 сестер, в т. ч. дочь мещанина Зиновия Шабалина (с 1839 года игуменя Туринского монастыря Илария). С доверенностью от кузнецких горожанок с благословения архиепископа Тобольского Амвросия Зосима лично явился с прошением об открытии женского монастыря в Св. Синод. По утвержденному императором 13.02.1822 года докладу Синода Туринский Николаевский мужской монастырь с оставлением всех угодий передавался под женскую обитель. В октябре 1822 года монахи Зосима и Василиск с сестрами прибыли в обитель по указу Тобольской духовной консистории. Старец Василиск умер в 1823 году, о. Зосима вскоре отбыл в Россию, основав большой общежительный монастырь в Московской губернии в имении г. Бахметовой. С ним изъявили желание отбыть в европейскую часть империи и часть монахинь – бывших горожанок г. Кузнецка. О. Зосима оставил после себя «Душеполезные беседы» и, возможно, послужил прототипом старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского [4, с. 204; 5, с. 130–133; 6, л. 2–109; 7, л. 20 об. – 24 об.; 8, с. 345–346; 9, с. 295–300; 10, с. 299–300]. 11 октября 1999 года Святейший Патриарх подписал решение о канонизации в лике местночтимых святых Московской епархии преподобного Зосимы (Верховского), основателя Троице-Одигитриевской (Зосимовой) пустыни под Наро-Фоминском. Преподобный Василиск Сибирский был прославлен в лике святых в 2004 году от Екатеринбургской епархии.

По оценке Д. Н. Беликова, на юге Западной Сибири «монастыри стали замирать с тех пор, как сибирское население начало понижаться в своем религиозном настроении, а, следовательно, и в своем усердии к церковным учреждениям» [4, с. 200, 205]. К тому же, духовное начальство было заинтересовано в возрождении уже существующих сибирских мужских монастырей, пришедших в упадок по причине отсутствия братии. Потребность в основании новых иноческих обителей среди православного населения и духовного руководства Томской епархии, куда входил и Кузнецкий край, стала возрождаться лишь во второй половине XIX века. Это было связано со значительным увеличением населения за счет миграционных потоков из Европейской России, быстрыми темпами экономического развития региона, усилением интереса государства к приграничным территориям, организационным укреплением новой епархии и развитием Алтайской духовной миссии.

К 1917 году в Томской епархии было 13 обителей: два архиерейских дома, два мужских монастыря и пустынь, четыре женских монастыря и четыре общины. Планировалось открытие новых обителей и преобразование некоторых женских общин в монастыри для улучшения религиозно-просветительской работы и экономического положения Томской епархии [11, с. 455–456].

Одна из женских общин возникла на территории современного Кузбасса. В связи с переселенческим движением, развитием золотопромышленности, работой Транссибирской железнодорожной магистрали Мариинский уезд в начале XX века активно осваивался. Ряд поселков, в т. ч. п. Кучумовский, были основаны переселенцами-чувашиами из Казанской губернии [12, л. 5 об.]. Крестьяне-переселенцы Томской губернии, Мариинского уезда, Златогорской волости, участка Усть-Кайсаского, поселка Кучумовского на сельском сходе 28 октября 1910 года в числе 42 домохозяев из 60, имеющих право голоса, единогласно приняли решение пожертвовать 12 девицам, которые поставили избу в одной версте от поселка и желали построить «приходской Монастырь», 15 десятин земли в вечное владение под монастырь [12, л. 1].

Ситуация с образованием общины была осложнена тем обстоятельством, что ее основательница монахиня Александровского Кошлоушского чувашского женского монастыря Вера, получив 25.09.1910 года отпуск на один год для совершения паломничества в Иерусалим от Казанской духовной консистории, уже в конце 1910 года появилась в поселке Кучумовский Томской губернии с намерением образовать женскую общину и переманила вслед за собой послушниц вышеуказанного монастыря [13, с. 179]. На начальном этапе дело приняло непростой характер – Казанская духовная консистория, опираясь на сведения Мариинского полицейского управления, сообщила в Томскую духовную консисторию о факте невозвращения монахини Веры и ее попытке организовать женскую общину (которую в письме именовали сборищем) и настоятельно просила воздействовать на монахиню и послушниц с целью возвращения обратно в монастырь.

Томская церковная власть не стала принимать поспешных решений, а на протяжении 1910–1911 годов детально изучала вопрос, привлекая для этого благочинных округов № 7, 11, совет братства Св. Дмитрия Ростовского. Кроме того, на имя архиепископа Макария (Невского) последовало обращение монахини Веры и сестер о благословении на учреждение общины в честь царевича Алексея [12, л. 4 – 4 об.]. Но церковная власть не торопилась принимать решение. В 1910–1914 годах последовало несколько повторных прошений об открытии общины. Из них следовало, что одной из причин создания общины являлось то, что сестры, желающие вести иноческий образ жизни, плохо владели русским языком. Жители поселка также были заинтересованы в совершении служб на родном языке. По свидетельству благочинного 11 округа протоиерея Владимира Поливанова, монахиня Вера имела богослужебные книги на чувашском языке, по которым в праздничные и воскресные дни совершала службы в молитвенном доме [13, с. 179–180].

Алексеевская женская община в поселке Кучумовском Мариинского уезда была учреждена с религиозно-просветительской целью указом Синода только 3 мая 1916 года [14, с. 357; 15, с. 214]. В ведомости о монастырях и общинах Томской епархии за 1916 г. в женской общине числились 1 монахиня, 13 послушниц [16, л. 13]. Судьба насельниц общины после революции неизвестна. По свидетельству местных жителей, часть сестер доживала свой век в окрестных поселках.

После революции 1917 г. один из первых ударов новый режим нанес по монастырям – духовным центрам и экономическому оплоту РПЦ. Ликвидация монашеских обителей на юге Западной Сибири прошла в 1920–1921 годах.

В советский период в 20–30-е годы XX века монашествующие попадали в Кузбасс в качестве заключенных и ссыльных. Известно, что во время строительства железной дороги Сталинск–Таштагол в районе Темиртау в группе заключенных был расстрелян иеромонах Павел из Киево-Печерской лавры. По свидетельству местных жителей, в 1920-е годы несколько монашек проживали в д. Вяземка Ижморского района.

В конце 40-х годов XX века в г. Кемерово в ссылке находилась монахиня Раиса (Елена Кривошлыкова), которая активно участвовала в жизни прихода [17, с. 4]. Собралась небольшая община из монахинь, прошедших заключение и ссылку, в 40–50-е годы XX века в г. Ленинске-Кузнецком. Они имели связи с монашествующими, проживающими в г. Новосибирске и европейской части России [18, с. 6].

Появление одной из монашеских общин в Кузбассе в советский период связано с именем ссыльного монаха Глинской пустыни Никона (иеросхимонах Николай), который в 30-е годы XX века оказался в поселке Сарбала и объединил вокруг себя около 10 ссыльных монахов и монахинь. В 1948 году их посетил возвращающийся из ссылки постриженник Глинской пустыни схиигумен Андроник (Лукаш). В 50-е годы XX века монашествующие перебрались в Новокузнецк, где трудами о. Николая был зарегистрирован приход и построен храм св. Николая Чудотворца. В 1954 году иеросхимонах (в некоторых источниках – схиигумен) Николай ушел из жизни, в 2008 году по благословению епископа Аристарха он был перезахоронен на территории новообразованного Свято-Пантелеимоновского мужского монастыря [19, с. 29–31; 20].

Общение протоиерея Сергия Плаксина (с 2007 года духовник Серафимо-Покровского женского монастыря) с духовной дочерью о. Николая схимонахиней Паисией (1900–1984), духовное сближение с 1981 года с подвижником-схиархимандритом Виталием (Сидоренко) [21] привело в дальнейшем к возникновению первого женского монастыря в Кузбассе, первые насельницы которого приняли постриг в Грузии с благословения Глинских старцев.

С середины 80-х годов XX века можно говорить об изменении отношения органов государственной власти к РПЦ. После празднования 1000-летия крещения Руси началось возрождение православных приходов и монастырей. Если в 1985 году в СССР было 16 действующих монастырей, из них только 2 – в РСФСР, то к декабрю 2008 года действовали 804 монастыря РПЦ; из них в России – 478 (234 муж. / 244 жен.) [22, с. 4].

На территории Сибири произошли самые большие изменения в административно-территориальной структуре РПЦ в постсоветский период. На юге Западной Сибири были вновь образованы и возрождены следующие епархии РПЦ: Томская и Асиновская (07.10.1995), Барнаульская и Алтайская (26.02.1994), Кемеровская и Новокузнецкая (1993), Новосибирская и Бердская (1943). Выделение новых епархий подталкивало развитие РПЦ, началось возрождение дореволюционных и создание новых монастырей, которые должны были стать религиозными, духовно-просветительскими и экономическими центрами новых административно-территориальных образований РПЦ.

Современная история монашества в Кузбассе началась с образования женского Свято-Покровского монастыря в г. Ленинске-Кузнецком. 21 января 1987 года была зарегистрирована православная община прихода Покровской церкви, 27 мая 1987 года было освящено место под строительство храма и монастыря. В 1989 году первые сестры приняли монашеский постриг. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и по постановлению Святейшего Синода РПЦ № 26 (Журнал Московской патриархии, 3 апреля 1992 года), на основании указа Преосвященного Епископата Красноярского и Енисейского № 136 (Журнал Московской патриархии, 4 апреля 1992 года) на территории прихода Покровской церкви был официально учрежден женский монастырь [19; 23, с. 185–186; 24].

Известно, что сначала епископ Красноярский и Енисейский Антоний, а затем и Патриарх Алексей II телеграммой в 1992 году благословили строительство Воскресенско-

го мужского монастыря в г. Ленинске-Кузнецком. Но монастырь так и не был открыт в связи с малочисленностью братии [25, с. 7]. Позже рассматривался вопрос об открытии монастыря в районе Писаных скал или недалеко от д. Сухово [26, с. 212]. В отчете за 1993 год Кемеровской епархии говорится о существовании двух мужского и женского монастырей, но не указываются их названия и местоположение [27]. В епархиальных отчетах за 1995–1999 годы содержится информация об одном женском Серафимо-Покровском монастыре [28]. С 2000 по 2007 годы в годовых отчетах епархии как Покровский скит Серафимо-Покровского женского монастыря (г. Москва) указывается московское подворье монастыря. В 2000 году распоряжением № 74 от 04.09.2000 года архиепископа Кемеровского и Новокузнецкого Софрония приход церкви Св. Троицы с. Старочерво-во Кемеровского района был реорганизован в МРО мужской монастырь Св. Троицы. Мужской монастырь просуществовал до 2004 года, краткие сведения о нем содержатся в годовых отчетах епархии за 2001–2003 годы [29]. По благословению архиепископа Софрония на базе приписного прихода Архангела Михаила в с. Елыкаево в 2001 году началось строительство Дома попечения с монастырским укладом. Епархиальные отчеты за 1993–2007 годы содержали крайне фрагментарную информацию о деятельности монастырей и монашеской жизни в епархии.

Епископ Кемеровский и Новокузнецкий Аристарх с первых лет своего управления епархией предпринял меры по созданию новых монашеских обителей. 21.08.2007 года Священный Синод РПЦ благословил открытие Свято-Пантелеимоновского мужского монастыря в с. Безруково Новокузнецкого района. 24.12.2008 года было получено благословение Синода на открытие Свято-Успенского женского монастыря в с. Елыкаево Кемеровского района. 19.01.2009 года при женском монастыре был открыт Губернаторский приют для девочек-сирот [30, с. II]

Вновь образованные монастыри столкнулись с проблемами, характерными для обителей юга Западной Сибири постсоветского периода. Это утрата иноческих традиций и незнание, как правильно устроить иноческую жизнь; отсутствие духовных наставников и управленческих кадров; приход в обители людей, не понимающих истинного назначения иночества; старение насельников монастырей и малое число братии; экономические проблемы и др. [31]. Например: после того, как Серафимо-Покровский монастырь по болезни покинула игуменья Мария (Шнуровозова), в период с августа 2007 года до осени 2009 года в нем сменились 4 настоятельницы [19, с. 42–44]. Настоятельницы Серафимо-Покровского и Свято-Успенского женских монастырей монахини Нектария (Седова) и Михаила (Файзулина) в 2008–2009 годах были приглашены епископом Аристархом из Свято-Никольского женского монастыря г. Малоярославец Калужской области (осн. на рубеже XVI–XVII веков.). Это должно было помочь восстановить традиции иноческой жизни в Кемеровской епархии и привлечь управленческие кадры.

В последние годы возрастает общественный интерес к изучению традиций монашеской жизни на территории Кемеровской области. Служители Кемеровской епархии издают труды по истории монашеских обителей епархии [18; 19]. Был организован поиск и найдена землянка или погреб на месте пустыни недалеко от озера Монашка в районе Осинового Плеса (Новокузнецкий район), где проживали старцы Василиск и Зосима в первой половине XIX в. 25.10.2008 года был организован крестный ход с иконой с частицей мощей старца Василиска [32, с. IV]. В 2009 году установлен крест и проведен молебен на месте Кучумовской Алексеевской женской общины (пос. Кучум в настоящее время не существует) [33, с. I]. Большую роль в данных мероприятиях играет пра-

вославно-патриотическое объединение «Стягъ». Вместе с Союзом писателей Кузбасса и журналом «Огни Кузбасса» члены «Стягъ» организовали поездку верующих с иконой Рождества Христова по «иноческим местам» Кузбасса: Свято-Успенский женский монастырь (с. Елыкаево, Кемеровский район), Серафимо-Покровский женский монастырь (г. Ленинск-Кузнецкий), место расположения Христорождественского монастыря (г. Новокузнецк) [34, с. I]. В дальнейшем планировалось посетить Свято-Пантелеимоновский мужской монастырь (с. Безруково, Новокузнецкий район), место нахождения Кучумовской Алексеевской женской общины, сестричество во имя св. блаженной Матроны Московской при приходе Казанской иконы Божьей Матери (пос. Школьный, Прокопьевский район), монашескую мужскую общину при храме Иверской иконы Божьей Матери (г. Ленинск-Кузнецкий).

Проанализировав вышеуказанные данные и сравнив их с общим ходом развития монашеской жизни на юге Западной Сибири, мы пришли к следующим выводам:

1. Несмотря на то, что первый и единственный в дореволюционный период Кузнецкий Христорождественский мужской монастырь (1648–1769) возник в числе первых сибирских монастырей, традиции монашеской жизни на территории современной Кемеровской области неоднократно прерывались на длительный срок. Данная ситуация обусловлена географическим расположением, социально-экономическими и до конца XVIII века военно-политическими причинами. В то же время, факты, в т. ч. длительный период нахождения на данной территории старцев Зосимы и Василиска, существование тайных монашеских общин в советский период и др., свидетельствуют о тесной связи с общероссийской историей и традициями монашества. Процесс быстрого количественного роста монашеских обителей в постсоветский период возрождения РПЦ затронул и Кузбасс.

2. Количество обителей на юге Западной Сибири в 2009 году по сравнению с 1917 годом увеличилось с 11 до 21, т. е. в два раза [35]. На территории современной Кемеровской области в три раза (1917 год – 1 женская община, 2009 год – 2 женских и 1 мужской монастыри). Изменилась структура монашеских обителей: в 1917 году из 11 было 8 женских (4 монастыря и 4 общины) и 3 мужских (2 монастыря и 1 пустынь) обители, в 2009 году – 9 мужских, 9 женских, 3 женских скита. Несмотря на изменение соотношения на современном этапе продолжают преобладать женские обители. В постсоветский период при создании женских монастырей исчезла такая «переходная форма», как женская община.

3. В 1917 году из 11 обителей епархии три женских и один мужской монастырь были городскими, остальные 7 обителей были расположены в сельской местности или местности, где традиционно проживало инородческое население. В 2009 году из 21 обители 13 находилось в сельских населенных пунктах. Некоторые «сельские» монастыри находятся в непосредственной близости от городов. Из трех монастырей Кемеровской епархии один является городским, два находятся в сельской местности.

4. Произошли изменения в территориальном распределении монашеских обителей, что соответствует сдвигам в системе расселения этнически православного населения и экономическом развитии региона. Появление монастырей также зависело от образования новых административно-территориальных единиц. Так, монашеские обители в начале XXI века, несмотря на дореволюционные миссионерские традиции, практически не были возрождены на территории вновь созданных национальных республик. В 1917 году из 11 обителей Томской епархии 6 (мужской монастырь, мужская пустынь, 2 женских

монастыря и 2 женских общины) находились в ведомстве Алтайской духовной миссии, т. е. были миссионерскими.

На территории современной Республики Алтай находились в 1917 году – 3, в 2009 году – 1 монашеская обитель; современной Республики Хакасия в 1917 году – 1, в 2009 году – 0; современного Алтайского края в 1917 году – 4, в 2009 году – 9; современной Томской области в 1917 году – 2, в 2009 году – 3; современной Кемеровской области в 1917 году – 1, в 2009 году – 3; современной Новосибирской области в 1917 году – 0, в 2009 году – 6.

Из возникших к 2009 году обителей только Томский Богородице-Алексеевский муж. монастырь и Иоанно-Богословский жен. скит (расположен на месте Чемальской жен. общины) имеют дореволюционную историю, а 19 являются вновь созданными. Поэтому одной из основных проблем, тормозящих развитие современных сибирских монастырей, является утрата традиций монашеской жизни и отсутствие исторических корней.

Процесс создания монашеских обителей за короткий постсоветский временной отрезок на территории юга Западной Сибири связан с решением задачи создания опорных точек для вновь образованных епархий РПЦ и необходимостью возрождения традиций иноческой жизни в регионе. В ближайшие годы количественный рост монастырей должен прекратиться, т. к. перед существующими обителями стоят сложные задачи качественного характера, на решение которых уйдет не одно десятилетие.

Примечания

1. Монашество и монастыри в России. XI–XX века: исторические очерки / Ин-т российской истории. – М.: Наука, 2002.
2. Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. – Красноярск, 1983.
3. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996.
4. Беликов Д. Н. Старинные монастыри Томского края. – Томск, 1898.
5. Тобольская епархия. – Омск, 1892. – Ч. 2.
6. РГИА, Ф. 797, Оп. 2, Д. 7918.
7. Конюхов И. С. Памятная историческая записка: рукопись. – Отдел редких книг научной библиотеки ТГУ.
8. Флоровский Г. В. Пути русского богословия // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990.
9. Воспоминания архим. Пимена. – М., 1877.
10. Смолич И. К. Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев. Приложение к Истории Русской Церкви. – М., 1997.
11. Томские епархиальные ведомости. – 1916. – № 13. – Неофиц. часть.
12. ГАТО. Ф. 170. Оп. 8. Д. 48.
13. Цыпайкина М. В. Из истории православия на территориях, прилегающих к городу Березовский (бывших Арсениевской, Барзасской и Подонинской волостей) // Разыскания: историко-краеведческий альманах. – Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2004. – Вып. 6.
14. Томские епархиальные ведомости. – 1916. – № 12. – Офиц. часть.
15. Отчет Томского комитета Православного Миссионерского общества за 1916 г. // Томские епархиальные ведомости. – 1917. – № 10. – Неофиц. часть, общецерковный отдел.
16. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598.
17. Борисова С. Испытание верой // Монастырский благовест. – Март 2009. – № 3 (3).

18. Летопись монастыря // Монастырский благовест. – Февраль 2009. – № 2 (2).
19. Гусаков А. В. свящ. Свято-Серафимо-Покровский женский монастырь Кемеровской епархии: история, архитектура, святыни: опыт церковно-исторического исследования: монография. – Кемерово: Изд. центр Кемеровской и Новокузнецкой епархии, 2009.
20. Без креста // Российская газета. – 21 сентября 2007. – № 209 (447/2).
21. О жизни схиархимандрита Виталия. Воспоминания духовных чад. Письма. Поучения. – М., 2004.
22. Доклад местоблюстителя Патриаршьяго Престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. Москва, 2009. Поместный собор РПЦ 27–29 января 2009 г. – М., 2009.
23. Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви. – Новосибирск, 2003.
24. Летопись Свято-Серафимо-Покровского женского монастыря. 1992–2007 / ред.-сост. эконом монастыря иерей А. Галех; издание Свято-Серафимо-Покровского женского монастыря. – Кольчугино, 2007.
25. Возрождение Распятского храма // Монастырский благовест. – Февраль 2009. – № 2 (2).
26. Курлюта А., Курлюта В., свящ. Жизнь и служение. – СПб.: Сатисъ: Держава, 2006.
27. ТА канцелярии епархиального управления Кемеровской и Новокузнецкой епархии. Годовой отчет епархии за 1993 г.
28. ТА канцелярии епархиального управления Кемеровской и Новокузнецкой епархии. Годовые отчеты епархии за 1995, 1996, 1997, 1998, 1999 гг.
29. ТА канцелярии епархиального управления Кемеровской и Новокузнецкой епархии. Годовые отчеты епархии за 2001, 2002, 2003 гг.
30. Золотые купола. Кузбасс. – 4 февраля 2009.
31. Интервью с настоятельницей Серафимо-Покровский монастыря монахиней Нектарией (Седовой) 22.08.2009 г.
32. Золотые купола. Кузбасс. – 12 ноября 2008.
33. Золотые купола. Кузбасс. – 1 июля 2009.
34. Золотые купола. Кузбасс. – 27 января 2010.
35. По числу монашествующих и послушников дореволюционные обители многократно превосходили современные. В некоторых современных обителях братия крайне малочисленна и состоит из насельников преклонного возраста. Например, в женском монастыре г. Камень-на-Оби из монашествующих в 2009 году числилась одна настоятельница.

Е. С. Генина

ГОСУДАРСТВО И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СЕРЕДИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В середине 1940-х – начале 1950-х годов в СССР проводился новый государственно-религиозный курс. Власть допустила открытие церквей, но установила строгий контроль над их деятельностью. В регионах страны существовал институт уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при правительстве СССР. В начале 1950-х годов в Кемеровской области было зарегистрировано 15 церквей и молитвенных домов.

Ключевые слова: государство, церковь, Совет по делам Русской православной церкви, уполномоченный Совета, Кемеровская область, облисполком, священник, верующие.

E. S. Genina

STATE AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE MIDDLE OF 1940TH – EARLY 1950TH (ON THE MATERIALS OF THE KEMEROVO REGION)

In the middle of 1940th – early 1950th the USSR held a new state-religious line. The authority let churches open but took close control of their activity. In the country regions there was the institution of representatives of Russian Orthodox Church Council under the USSR Government. At the beginning of 1950th 15 churches and preaching houses were registered in the Kemerovo Region.

Key words: state, church, Russian Orthodox Church Council, a representative of the Council, the Kemerovo Region, Regional Executive Committee, priest, the faithful.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов сталинский режим, сделав ставку на сплочение общества под знаменами патриотизма, проводил политику сближения с Русской православной церковью. Решающим для взаимоотношений государства и церкви стал 1943 год. В сентябре 1943 года митрополиты Сергей (Страгородский), Алексий (Симанский) и Николай (Ярушевич) были приняты И. В. Сталиным в Кремле, а затем состоялся собор епископов, избравший Патриархом Московским и Всея Руси митрополита Сергия. Составляющей нового курса явилось создание в 1943 году Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР, возглавляемого полковником госбезопасности Г. Г. Карповым. В регионах страны, осуществляя координацию политики центральных и местных органов власти, действовали уполномоченные Совета.

Политику государства в отношении церкви определили принятые СНК постановления № 1095 «Об утверждении Положения о Совете по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР» (от 7 октября 1943 года) и № 1325 «О порядке открытия церквей» (от 28 ноября 1943 года). Это означало возможность активизации религиозной деятельности церкви, хотя и при непосредственном контроле государства. К 1948 году в СССР насчитывалось 14 329 православных храмов. Из них в 1945–1947 годах было открыто 1 270 храмов [1, с. 46]. Характеризуя изменения в государственно-религиозном курсе, нельзя забывать о той части населения, которая продолжала оставаться верующей, несмотря на активно проводившуюся до войны антирелигиозную пропаганду. Накануне Великой Отечественной войны верующие составляли около 45 % населения страны (около двух третей населения в сельских районах и около одной трети населения в городах) [2, с. 660].

Обратимся к событиям на территории Кемеровской области, учитывая последствия ранее проводившейся антирелигиозной политики. По постановлениям Западно-Сибирского крайисполкома и Новосибирского облисполкома в 1931–1937 годах на территории Кемеровской области закрыли 40 православных церквей, в 1939–1942 годах – еще 70 церквей. Из них лишь 6 церквей закрыли в городах (Мариинск, Кемерово, Топки, Ленинск-Кузнецкий), остальные – в сельской местности. В результате на начало 1945 года в Кемеровской области не было ни одной действующей церкви. Из учтенных церковных зданий, которых насчитывалось 164, под клубы, школы и другие культурные цели использовалось 55, или 34 %; склады, мастерские и т. п. – 89, или 54 %; пустовало – 20, или 12% [3, л. 368–370, 438–441, 454].

В новых условиях государственно-религиозных отношений действовал уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Кемеровском облисполкоме. Данная должность была учреждена в марте 1944 года. До апреля 1949 года ее занимал Ф. Узлов. В сферу контроля уполномоченного входило открытие церквей и молитвенных домов, деятельность духовенства и верующих, церковно-патриотическая работа. Представление о ежедневных занятиях Ф. Узлова позволяет составить выдержка из «Отчетного доклада о работе уполномоченного Совета при Кемеровском облисполкоме за период 1945 года и I-е полугодие 1946 года». В Совет по делам Русской православной церкви от уполномоченного поступила следующая информация: «Рабочий день заполняется приемом мирян и духовенства, разбором заявлений об открытии церквей и молитвенных домов, жалоб, перепиской по ним и наблюдением за деятельностью церкви. Выезды на места в г. Анжеро-Судженск в IV-м квартале 1945 года и в г. Осинники в I-м квартале 1946 года совершены мною в основном по заданиям обкома ВКП (б) и облисполкома и одновременно использовались для непосредственного ознакомления с условиями и возможностями открытия в этих пунктах молитвенных домов» [4, с. 77; 5, л. 20].

Подача ходатайств верующих об открытии церквей началась в Кемеровской области в 1944 году. В 1944 году и январе – феврале 1945 года ходатайства верующих поступили из 26 населенных пунктов, что еще не означало их положительного разрешения. Повышенная активность верующих «при значительности их групп» наблюдалась в городах Кемерово, Прокопьевск, Сталинск (ныне Новокузнецк), Осинники, Ленинск-Кузнецкий, в селе Кузедеево, селе Яя Анжеро-Судженского района. В апреле – мае 1945 года в регионе открылись три церкви: Никольская церковь в Кемерово, Пантелеймоновская церковь в с. Кузедеево, Покровская церковь в Ленинске-Кузнецком. Кроме того, в Совете по делам Русской православной церкви 14 июля 1944 года был зарегистрирован Покровский молитвенный дом в Прокопьевске. В 1945 года на приеме у уполномоченного Ф. Узлова побывало 112 представителей мирян и духовенства [3, л. 454; 5, л. 21; 6, л. 60].

Как уже отмечалось, не все поступавшие к уполномоченному заявления верующих об открытии молитвенных зданий получали положительное решение. За 1944–1947 годы из городов, районных центров и сел Кемеровской области поступило 55 заявлений верующих, большая часть из которых встретила отказы. Отказ со стороны местной власти мог последовать по причинам наличия близлежащей церкви, неудовлетворительного состояния церковного здания, его занятости, малочисленности верующих, подделки заявлений о регистрации [7, с. 122–123]. Так, в I квартале 1946 года уполномоченный, рассматривая заявления об открытии церквей в г. Салаире Гурьевского района и с. Усяты Прокопьевского района, оперировал фактами технической непригодности сохранившихся в населенных пунктах молитвенных зданий. По имеющимся у Ф. Узлова сведениям, Мариинский горисполком не нашел возможности освободить здание церкви, занятое Домом культуры, на которое претендовали верующие, или обеспечить их другим помещением. Все названные заявления поступили повторно, поскольку были отклонены облисполкомом в 1944 году. Подозрительными представлялись уполномоченному заявление и список верующих из с. Салтымаково Крапивинского района, где он обнаружил несколько поддельных подписей и присутствие несовершеннолетних лиц. В III квартале 1946 года Ф. Узлов снял с рассмотрения 5 заявлений из-за «наличия незначительных групп верующих, удовлетворяющих свои религиозные нужды в ближайших действующих приходах» (г. Мариинск, п. Яя Анжеро-Судженского района, п. Мундыбаш

Кузедеевского района, с. Подонино Топкинского района, с. Красный Яр Троицкого района) [5, л. 5 – 5 об., 6 – 6 об., 63].

Некоторые представители местных органов власти, руководствуясь установками времени коллективизации, когда гонения на церковь стали составляющей борьбы с кулачеством, демонстрировали открытое неприятие нового курса. Это порождало жалобы уполномоченному со стороны верующих. В с. Белогородка Мариинского района председатель сельсовета дал разрешение МТС на использование наружной тесовой обшивки церкви и ее ограды в качестве строительного материала. Узнав об этом, возмущенные верующие обратились не только к региональному уполномоченному, но и в ЦК ВКП(б). Председатель Топкинского сельсовета разрешил изготовление скамеек из половых досок церкви. Председатель колхоза «Правда» Яшкинского района принял решение об открытии в бывшей часовне ветеринарного пункта. В духе 1930-х годов действовал один из секретарей райисполкома, прямо заявивший инициаторам открытия церкви, что их всех «пересадить надо» [5, л. 27–28; 8, л. 57; 9, л. 74].

По данным на начало апреля 1951 года, в Кемеровской области было официально зарегистрировано 15 церквей и молитвенных домов. При этом все регистрации произошли на протяжении 1944–1947 годов, а позднее верующие получали лишь отказы на поступающие к уполномоченному ходатайства. В 1950 году Кемеровский облисполком получил 16 ходатайств об открытии 8 церквей и молитвенных зданий. Четыре заявления были отклонены сразу же, остальные – в процессе рассмотрения. В 1953 году облисполком отклонил 5 поступивших заявлений без их рассмотрения. В то же время существование незарегистрированных, но действующих в регионе православных общин признавалось недопустимым. Представляется очевидным, что здесь сказался перелом в государственно-церковных отношениях, произошедший во второй половине 1948 года. С конца этого года и вплоть до смерти И. В. Сталина ни одна новая православная церковь в стране официально не была открыта. Конец 1940-х – начало 1950-х годов отличает массовая конфискация церковных зданий, их переоборудование под клубы, ликвидация нелегальных моленных домов [1, с. 46, 47; 4, с. 77, 79; 6, л. 60–61].

Наличие официальной регистрации у православных общин Кемеровской области на начало апреля 1951 года еще не означало их реальной деятельности. Из зарегистрированных Советом по делам Русской православной церкви 15 церквей и молитвенных домов беспрепятственно функционировало только 10. Это Покровский молитвенный дом в Прокопьевске (открыт в 1944 году), Никольская церковь в Кемерове (1945), Пантелеймоновская церковь в с. Кузедеево (1945), Покровская церковь в Ленинске-Кузнецком (1945), Ильинская церковь в Тайге (1946), Вознесенская церковь в Белове (1946), Вознесенская церковь в с. Верхотомка Кемеровского района (1946), Петропавловская церковь в с. Афонино Киселевского района (1946), Ильинская церковь в Осинниках (1946), Знаменская церковь в Кемерове (1947).

Сложной оказалась судьба остальных пяти церквей. Троицкая церковь в Гурьевске (1945) была закрыта горисполкомом в 1949 году «по причинам ветхости и плохого противопожарного состояния». По сведениям на 1951 году, органы власти решали вопрос о будущем Петропавловской церкви в Анжеро-Судженске (1945), под зданием которой находился выработанный шахтой угольный пласт. Строительство же нового здания церкви было «произведено с нарушением советского законодательства». По решению Молотовского райисполкома Сталинска, впоследствии признанному незаконным, в городе закрыли

Никольскую церковь (1946). В 1951 году Кемеровский облисполком дал распоряжение об открытии этой церкви. Никольская церковь в Топках (1947) не функционировала с апреля 1950 года по январь 1951 года. Данное решение вынес горсовет «по причине ветхости помещения». В 1951 году облисполком отменил последнее решение как незаконное и разрешил верующим отремонтировать молитвенный дом. Церковь, расположенная в Старокузнецком районе Сталинска (1947), занимала помещение, принадлежавшее артели «Металлург». Горисполком принял решение о возвращении помещения прежнему владельцу [6, л. 60–61; 10, с. 80–81].

Согласно штатному расписанию церквей Кемеровского Благочиния Новосибирской епархии на 1949 год, подписанному митрополитом Новосибирским и Барнаульским Варфоломеем, в регионе несли службу 27 священников. В Знаменской церкви (Кемерово) и Покровском молитвенном доме (Прокопьевск) числилось 3 священника, в Никольской церкви (Кемерово), Никольской церкви (Сталинск), Михаилоархангельской церкви (Сталинск), Покровской церкви (Ленинск-Кузнецкий), Вознесенской церкви (Белово), Петропавловской церкви (Анжеро-Судженск), Ильинской церкви (Осинники), Петропавловской церкви (с. Афонино Киселевского района) – 2 священника, в Ильинской церкви (Тайга), Троицкой церкви (Гурьевск), Никольской церкви (Топки), Пантелеймоновской церкви (с. Кузедеево), Вознесенской церкви (с. Верхотомка Кемеровского района) – 1 священник [11, л. 2].

Ситуация с кадрами священников характеризует положение, сложившееся в различных церковных приходах Кемеровской области. По сведениям на декабрь 1945 года, вторым священником Никольской церкви в Кемерово был зарегистрирован М. Благовидов. Сын сельского священника, он окончил духовную семинарию. Служил священником с 1914 года, а после раскулачивания с 1930 по 1945 годы занимался «счетной работой» на Урале и в Сибири. Настоятелем Троицкой церкви в Гурьевске 9 сентября 1946 года зарегистрировали священника М. И. Козина, 1882 года рождения, имевшего церковный стаж с 1926 года. Он окончил три класса церковно-приходской школы, был послушником монастыря. Органам власти было известно, что он осужден и отбывал 5-летний срок наказания на Колыме. Ранее состоял вторым священником в Вознесенской церкви в Новосибирске. Вторым священником Вознесенской церкви в Белове с 1 октября 1947 года стал В. Д. Зернов. Он родился в 1892 году в Мордовии, имел церковный стаж с 1925 года. В 1936–1945 годах отбывал наказание после осуждения по ст. 58–10 УК РСФСР, каравшей за проведение контрреволюционной пропаганды и агитации. В Кемеровскую область прибыл из Горьковской области [3, л. 207; 5, л. 63 об. – 64; 9, л. 73; 12, с. 73–74].

Важной составляющей жизни церкви до 1947 года являлась «церковно-патриотическая деятельность». Уполномоченный Ф. Узлов сообщал в Совет по делам Русской православной церкви: «Церковно-патриотическая деятельность за 1945 г. выражается в взносе в фонд обороны страны 95 000 рублей и в помощь инвалидам Отечественной войны и детям фронтовиков 10 000 рублей и 58 штук льняных полотенец и на благоустройство г. Кемерово 5 000 руб. За I-е полугодие 1946 года – в помощь детям фронтовиков 10 000 рублей и подписались на госзайм 1946 года духовенство на 25 700 рублей и приходы на 100 000 рублей». Имеются некоторые данные по отдельным церковным приходам. За первый квартал 1946 года в фонд помощи инвалидам войны Никольской церковью (Кемерово) было внесено 5 тыс. руб. и 50 полотенец, Покровским молитвенным домом (Прокопьевск) – 4 тыс. руб. и 20 полотенец. Уполномоченный был обязан следить за про-

ведением данной работы во всех церковных приходах Кемеровской области. В феврале 1947 года патриарх Алексей по указанию Совета министров СССР предписал полностью прекратить «церковно-патриотические» сборы. Компенсация поступлений в госбюджет достигалась за счет обязательной подписки духовенства и прихожан на займы восстановления народного хозяйства, усиления налогообложения [1, с. 46; 5, л. 8, 22, 27].

Государство строго контролировало финансовую сторону деятельности церкви. Доходы церквей Кемеровской области выросли с 3 186 320 руб. в 1951 году до 3 898 321 руб. в 1955 году. Денежные поступления православных церковных общин были связаны с продажей свечей (около 70 % от общего поступления денег), просфор, тарелочно-кружечным сбором. Деньги также поступали от приобретения верующими иконок, крестиков, венчиков и т. п. [13, с. 166–167, 168; 14, л. 133, 134; 15, л. 11–12]. Доход церкви выступал важным показателем ее жизни, свидетельством посещаемости церкви, увеличения числа прихожан.

Признав наличие верующих в стране и допустив открытие церквей, государственная власть строго определила для них границу дозволенного. Религиозным объединениям разрешалось иметь в госбанке расчетный счет, получать строительные материалы на ремонт зданий по государственным расценкам. Допускалось совершение крестных ходов. Разрешались похоронные шествия со священником при согласовании маршрута с милицией, допускались крещение и венчание в церкви, отпевание в церкви и на дому. Разрешалось обучение детей закону божьему на дому, но только в индивидуальном порядке. Особый момент оказался связанным с колокольным звоном. Если в 1944 году разрешалось звонить лишь в церкви, то в 1945 году было разрешено звонить на колокольне. Было получено разрешение заказывать колокола. В декабре 1945 года на областном совещании заведующих отделами пропаганды и агитации горкомов и райкомов партии Ф. Узлов сообщил: «Религиозные уже в Кемерово собрали медь и серебро, причем тащат медь с заводов, собрали около 36 пудов меди и мешок серебра. Мастерская местпрома берется отлить колокол» [9, л. 75–76].

При рассмотрении темы нельзя не коснуться вопроса об отношении власти к коммунистам и комсомольцам, соблюдавшим религиозные обряды. За 1949–1950 годы и 9 месяцев 1951 года из Кемеровской областной парторганизации за соблюдение религиозных обрядов исключили 416 человек. Число исключенных за данный проступок превысило число исключенных за морально-бытовое разложение (299 человек), пьянство (202 человека) и приблизилось к числу исключенных за утерю партийных документов (459 человек) [16, л. 20]. По данным за 1950 год и первые три месяца 1951 года, из комсомола за соблюдение религиозных обрядов исключили 11 человек. Но в сравнении с другими проступками здесь наблюдается наименьшее количество исключенных [17, л. 4]. Очевидно, молодежь, воспитанная в советское время, оказалась более подверженной влиянию установок государственной идеологии. Обращаясь к численным данным, будем учитывать, что в общее число исключенных из ВКП(б) и ВЛКСМ вошли верующие как православных, так и не православных общин.

Безусловно, что каждый из вышеназванных случаев был в подробностях известен местным органам власти. В частности, в информационном докладе в центр за второй квартал 1946 года Ф. Узлов сообщал: «Влияние церкви в отдельных случаях проникает и в среду молодых коммунистов. Например, кандидат в члены ВКП (б) тов. Шуппа Ольга Дмитриевна в г. Кемерово пригласила к себе на дом священника Никольской церкви Бла-

говидова Михаила для крещения своих двух детей. После обряда крещения о. Михаил был обильно угощен за праздничным столом. На этом “семейном торжестве” присутствовал коммунист Давыдов и другие» [5, л. 48].

В середине 1940-х – начале 1950-х годов деятельность Русской православной церкви протекала в условиях временного ослабления государственного контроля. Сталинский режим, отстаивавший собственную идеологическую монополию, стремился видеть в церкви не авторитетного конкурента, а временного контролируемого союзника. Осуществлению контроля в регионах, в том числе в Кемеровской области, способствовало существование института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при правительстве СССР. В ведении уполномоченного находились все вопросы жизнедеятельности церквей, включая первостепенный, связанный с процедурой официальной регистрации той или иной церкви. В рассматриваемое время проявилась закономерная зависимость государственно-религиозного курса от общего внутривнутриполитического «похолодания» в стране, что продемонстрировал 1948 год. Следует подчеркнуть, что в середине 1940-х – начале 1950-х годов отчетливо заявил о себе следующий факт, признанный властью. Открытие и существование православных церквей и молитвенных домов явилось свидетельством духовной жизни общества, сохранявшейся даже в условиях репрессивного сталинского режима.

Примечания

1. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в 1943–1957 годах // Вопросы истории. – 1995. – № 8.
2. Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза / пер. с англ. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990.
3. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 1.
4. Горбатов А. В. Восстановление православных приходов в Кузбассе (1943–1948 годы) // Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви / ред. Г. Т. Шалакин. – Новосибирск: АНО «МАСС-Медиа-Центр»; Кемерово: Кемеровская и Новокузнецкая епархия, 2003.
5. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 6.
6. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 73.
7. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008.
8. ГАКО. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 1.
9. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 263.
10. Горбатов А. В. «Холодная война» в церковно-государственных отношениях (1949–53 годы) // Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви / ред. Г. Т. Шалакин. – Новосибирск: АНО «МАСС-Медиа-Центр»; Кемерово: Кемеровская и Новокузнецкая епархия, 2003.
11. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 28.
12. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И. Т. Голякова. – 2-е изд. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944.
13. Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. – Томск: Томский государственный университет, 2003. – Ч. 1.
14. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 5.
15. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 10.
16. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 4.
17. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 4. Д. 187.

О. Ю. Астахов

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В БОГОСЛОВСКОЙ СИСТЕМЕ АВГУСТИНА

Статья посвящена рассмотрению принципов эстетики в богословской системе Аврелия Августина. Обращаясь к его работе «Исповедь», указывается на противоречивость чувственного восприятия, порождающего греховные переживания. Однако его преодоление возможно через разум на пути к единому на основе сверхкосмического персонализма. Таким образом, все рассуждения Августина сосредоточились на боге как едином, совершенном, абсолютном бытии, эстетическое же имеет значение как божье творение и отблеск.

Ключевые слова: эстетическое, единое, неоплатонизм, божественное, сверхкосмический персонализм.

О. Y. Astakhov

AESTHETIC VALUE IN THEOLOGICAL SYSTEM OF AUGUSTINE

The article deals with the principles of aesthetics in the theological system of Aurelius Augustinus. Referring to his work “Confession” points to the contradictory nature of sensory perception, generates sinful experience. However, it is possible to overcome through the mind towards a single through supercosmic personalism. Thus, all the arguments Augustine focused on God as a single, perfect, absolute being, the aesthetic does have value as God’s creation and reflection.

Keywords: aesthetic, united, Neoplatonism, divine, supercosmic personalism.

Христианский мыслитель раннего средневековья Аврелий Августин (354–430) оказал большое влияние на развитие западноевропейской эстетики. Одновременно он явился промежуточным звеном от античности к Средневековью в целом, поэтому для многих исследователей он оказался интересным как представитель неоплатонического латинского Запада. Действительно, именно неоплатонизм рассматривается в качестве переходной проблематики Августина в большинстве работ, на что обращают внимание В. В. Бычков, С. С. Аверенцев, А. Ф. Лосев и др.

Приняв христианство в зрелом возрасте (387), Августин увлекался манихейством, скептицизмом, неоплатонизмом. Эти искания и внутренняя борьба нашли отражение в его автобиографическом трактате «Исповедь». В «Исповеди» он пишет о том, какое огромное значение имело чтение неоплатонических трактатов для его обращения в христианство. В идеализме Плотина он нашел тогда ключ к пониманию христианства. С того времени платиновские представления о Боге, о душе, об умственном свете, о провидении, о вечности и времени, о природе зла и добра, о свободе, о красоте мира и умопостигаемой красоте и т. д. стали им восприниматься как собственно христианские. Эти представления были настолько слиты в общем мнении с воззрениями Августина, что уже ближайшие его последователи, такие, как Клавдиан Мамерт и Кассиодор, совершенно забыли их неоплатоническое происхождение. Таким образом, как отмечает А. Ф. Лосев, важным является характер его истолкования неоплатонизма, а не сам неоплатонизм [1, с. 101].

Однако мы позволим себе коснуться только одного вопроса, связанного с оценкой Августина эстетического в трактате «Исповедь», хотя, несомненно, характер богословской системы в целом задает ее понимание.

В начале I книги Августин ставит центральные вопросы, тем самым задает общий тон повествования: «Но как воззову я к Богу моему, к Богу и Господу Моему? Когда я воззову к Нему, я призову Его в самого себя. Где же есть во мне место, куда пришел бы Господь мой? Куда придет в меня Господь, Господь, Который создал небо и землю? Господи, Боже мой! Ужели есть во мне нечто, что может вместить Тебя? Разве небо и земля, которые Ты создал и на которой создал и меня, вмещают Тебя? Но без Тебя не было бы ничего что существует – значит, все, что существует, вмещает Тебя? Но ведь и я существую; зачем прошу я Тебя прийти ко мне: меня бы не было, если бы Ты не был во мне» [2, с. 8]. Предмет мучительных исканий Августина есть Бог, заинтересованный в спасении человека, в котором элемент человеческий, личный не уничтожается, а сохраняется, получая высшее содержание и средоточие. Вот почему неоплатонизм у него тотчас получает христианскую окраску. На место абстрактного «Единого» Плотина и Порфирия у него становится энергия личного самосознания Божества, которое вступает в диалог с человеком, отвечая его исканию. Не случайно в связи с этим А. Ф. Лосев отмечал, что «введение категории личности и абсолютной личности знаменовало собой не только осуществление сдвигов в истории человеческой мысли, но и появление новых мучительных и основных для всего Средневековья вопросов, связанных с самосознанием человеческого “я”. Именно поэтому Августина называют “первым современным человеком”» [1, с. 107].

Подобного рода персонализм во многом повлиял и на формирование его представлений об эстетическом. Августин ставит проблемы эстетического в связи с необходимостью решения противоречий, связанных с восприятием художественных форм. В «Исповеди» автор подвергает критике театральное искусство: «Почему человек хочет печалиться при виде горестных и трагических событий, испытывать которые он сам отнюдь не желает? И тем не менее, он как зритель хочет испытать печаль, и сама эта печаль для него наслаждение. Удивительное безумие!» [2, с. 30]. Повод для печали – игра актера, и в этом греховность переживаний. И обращение к религиозной тематике не всегда способно преодолеть это противоречие. Так Августин комментирует возможное восприятие песнопений: «Иногда, мне кажется, я уделяю им больше почта, чем следует: я чувствую, что сами святые слова зажигают наши чувства благочестием более жарким, если они хорошо спеты; плохое пение такого действия не оказывают. Каждому из наших душевных движений присущи и только ему одному свойственны определенные модуляции в голосе говорящего и поющего, и они, в силу какого-то тайного сродства, эти чувства вызывают. И плотское мое удовольствие, которому нельзя позволить расслаблять душу, меня часто обманывает: чувство, сопровождая разум, не идет смиренно сзади, хотя благодаря только разуму заслужило и это место, но пытается забежать вперед и стать руководителем. Так незаметно грешу я и замечаю это только потом» [2, с. 150]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что подлинная красота доступна только философам, поскольку в качестве доминанты восприятия абсолюта выступает разум. В этом пункте рассуждений очевидна связь Августина с платоновской традицией. Душа, а не тело познает Бога, тело же препятствует познанию. Превосходство души над телом требует, чтобы человек заботился о душе, подавлял чувственные наслаждения.

В эстетическом переживании Августин различает непосредственное, чувственное восприятие и интеллектуальное. Представления столь же важны для эстетического переживания, как и сами восприятия, так как не зрение, а разум способен открыть подлинную красоту.

Многие люди, имея целью только удовольствие, не хотят «подняться выше» и уяснить себе, почему те и ли иные предметы производят на нас приятное впечатление. Если

спросить архитектора, почему он располагает две арки симметрично, он ответит: «Это требуется для того, чтобы равные части здания соответствовали равным». На дальнейшие расспросы он ответит, что так нужно, так красиво, так приятно для глаза, но больше ничего не скажет. Августин пытается ответить на вопросы, почему наше чувство возмущается, если из двух окон, расположенных рядом, одно больше или меньше другого?

В основе всего – равенство и справедливость.

Часть прекрасная в составе целого, будучи отторгнута от него, утрачивает свою красоту, наоборот, само по себе некрасивое становится прекрасным, входя в состав прекрасного целого. Поэтому абсолютно безобразного не существует, но есть предметы, которым, по сравнению с более совершенными, не хватает формы. А. Ф. Лосев предлагает трактовать форму по аналогии с античным эйдосом как единораздельную цельность. Кроме того, исследователь, комментируя работы К. Свободы, выделяет еще ряд категорий, характерных для эстетики Августина: «*Число*, с которым вступает в определенные отношения форма. Из этих отношений самое совершенное – *равенство*, или *симметрия*, в сравнении с которым уже второстепенный смысл принадлежит *градации*, *разнообразию*, *различию* и *контрасту*. Равные части, подобные или противоположные, связаны с взаимным соответствием, *гармонией*.

Среди частей господствует *порядок*, образующий *целое* этих частей. Но и эта цельность, взятая сама по себе, еще не есть последнее совершенство. Совершенная красота не есть просто целость, или цельность, но неделимое *единство* этой целости» [1, с. 114].

Понятие о единстве составляют основу эстетики Августина. По его лаконичному определению, «форма всякой красоты – единство». В «Исповеди» Августин пишет: «Размышляя, я увидел, что каждое тело представляет собой как бы нечто целое и потому прекрасное, но в то же время оно приятно и тем, что находится в согласовании с другим. Так отдельный член согласуется со всем телом, обувь подходит к ноге и т. п.» [2, с. 49]. Одновременно это единство необходимо осознавать в контексте не чувственно-материального космологизма, а на основе сверхкосмического персонализма.

Все рассуждения Августина были сосредоточены на Боге как едином, совершенном, абсолютном бытии, мир же имеет значение как божье творение и отблеск. Без Бога ничего нельзя ни совершить, ни познать. Во всей природе ничего не может произойти без участия сверхъестественных сил. Мировоззрение Августина очень четко противостояло натурализму. Бог как единое сущее и истина является содержанием метафизики, Бог как источник познания является предметом теории познания; Бог как единственное благо и прекрасное является предметом этики и эстетики. Счастья можно достигнуть в едином – в Боге. Достижение человеческого счастья предполагает, прежде всего, познание Бога и испытание души.

Истину о Боге не может познать разум – только вера. Подчеркивая роль чувств или сердца, Августин утверждал единство веры и познания. «Разумей, чтобы мог верить, верь, чтобы разуметь» – такова квинтэссенция его идеи. Августин отвергает концепцию автономного положения науки, где разум является единственным средством и мерой истины. Это понимание соответствует духу христианства, и на этой основе могла строиться последующая фаза – схоластика.

Примечания

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – Кн. 1. – 832 с.
2. Августин А. Исповедь. Абельяр П. История моих бедствий. – М.: Республика, 1992. – 335 с.

О. В. Юртаева

МОЛИТВА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается на примере произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова русская классическая лирика и христианские молитвенные мотивы в ней.

Ключевые слова: лирическая поэзия, христианская тематика в русской классике.

О. V. Yurtayeva

PRAYER IN RUSSIAN POETRY

The article considers the example of A.S. Pushkin and M.Y. Lermontov's works as Russian classical lyricism and Christian prayer grounds in it.

Keywords: lyric poetry, the Christian themes in Russian classics.

Самое удивительное свойство лирического произведения – проникать в душу читателя, пробуждать в ней самые разные сильные, глубокие чувства. Одно из таких чувств – ощущение бытия Бога, упование на Него.

В процессе изучения стихотворных произведений в средней школе принято выделять такие виды лирики, как пейзажная, любовная, философская и совсем обходить стороной, не замечать молитвенную лирику, в которой отражена духовная жизнь ее авторов. Опытом духовной жизни, запечатленным в стихах, могут воспользоваться и сегодняшние читатели, «томимые духовной жаждой» и стремящиеся к самопознанию и духовному совершенствованию.

Почти у каждого русского поэта, за редким исключением, есть стихотворения-молитвы, которые можно назвать жемчужинами духовной поэзии, потому что именно они обладают живительной силой исцелять измученные житейскими невзгодами человеческие души.

Набожность – отличительная черта русского человека прошлых столетий. Об этом свидетельствуют народные пословицы:

*Без Бога ни до порога.
С верой нигде не пропадешь.
Не торопись – сперва Богу помолись.*

Через молитву человек соединялся с Богом, укреплялся духом, и легче ему было преодолевать выпавшие на его долю невзгоды и трудности. О постоянном обращении наших предков через молитву к Богу говорят следующие пословицы:

*Молитва место не ищет.
Не хлебом живы – молитвою.*

За семь десятилетий воинствующего атеизма не удалось убить в русском народе память о молитве. Она сохранилась в языке, в речевом этикете. Например, вежливый человек благодарность выражает словом *спасибо*, совершенно не осознавая, что это кратчайшая просительная молитва за ближнего, совершившего благодеяние. Если обратиться

к этимологии этого слова, то можно узнать, что *спасибо* образовалось путем слияния двух слов: *спаси, Бог*. На вопрос «Как идут дела?» до сих пор можно услышать: «*Слава Богу*» – что означает: все идет хорошо, ничего плохого в жизни не случилось. И, наоборот, когда заходит речь о какой-либо беде, используются выражения: «*Не дай, Бог*», «*Не приведи, Господи*».

Молитва – это беседа человека с Богом. Они бывают разные: хвалебные и благодарственные, просительные и покаянные, обращенные к Спасителю (Иисусу Христу), Божией Матери, Ангелу-Хранителю, святым угодникам.

Первые глубокие поэтические и религиозные переживания А. С. Пушкина были связаны с бабушкой Марией Алексеевной Ганнибал. В пору младенчества он называл ее «мамушкой» и был очень привязан к ней. Об этом рассказано в стихотворении «Сон», написанном в Лицее в 1816 году.

*...детских лет люблю воспоминанье.
Ах! Умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морицины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
..... и тихо наконец
Томленье сна на очи упало [5, с. 126–127].*

Итак, в памяти юноши Пушкина осталась усердная вечерняя молитва бабушки, крестное знамение, которым она его осеняла в кровати перед сном, икона с засвеченной перед ней лампадой. В годы молодости поэт будет испытывать мучительное состояние безверия, но в зрелые годы он обретет в душе своей Бога. Этому способствовала Михайловская ссылка. Там, вдали от светских развлечений, у него было время глубже заглянуть в себя, в душу русского народа, заняться своим самообразованием и задуматься над самосовершенствованием. Впервые войдя в живое, непосредственное общение с Церковью посредством братии Святогорского монастыря и окрестного духовенства, наблюдая тесную нравственную связь народа с монастырем, читая Карамзина и древние летописи, Пушкин начинает осознавать то великое духовное влияние, которое оказывала Церковь на русский народ. Углубленно и внимательно читает он в это время жития святых, Евангелие, которое глубоко входит в его душу. «Книга сия называется Евангелие, – пишет А. С. Пушкин, – и таковая ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем Ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в Ее божественное красноречие».

Истинную поэзию он видит теперь в Евангелии и молитве. У А. С. Пушкина есть поэтическое переложение самой главной молитвы христиан – «Отче наш». Другое ее название – «Господня молитва», так как она дана в качестве образца Иисусом Христом своим ученикам. Вот как она звучит:

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

А вот стихотворение А. С. Пушкина:

*Отец людей, Отец небесный!
Да имя вечное Твое
Святится нашими сердцами!
Да придет Царствие Твое,
Твоя да будет Воля с нами,
Как в небесах, так на земли!
Насущный хлеб нам ниспошли
Твоею щедрою рукою,
И как прощаем мы людей,
Так нас, ничтожных пред Тобою,
Прости, Отец, Своих детей;
Не ввергни нас во искушенье
И от лукавого прельщенья
Избави нас...*

Как точен А. С. Пушкин в передаче слов молитвы! В стихотворении «Отцы пустыньники и жены непорочны» поэт признается, что его любимая молитва – великопостная, читаемая в течение Великого поста:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Эта молитва была написана в IV веке преподобным Ефремом Сириным. Из такой глубины веков она дошла к нам благодаря тому, что из года в год повторялась в церковном богослужении. Она вдохновила А. С. Пушкина на одно из лучших его стихотворений.

*Отцы пустыньники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв.*

*Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста*

*И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.*

*Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи [5, с. 584].*

Автор воспетой поэтом молитвы жил в Сирии и был одним из пустынных, о которых говорит А. С. Пушкин в первой строке стихотворения. Может быть, поэт чувствовал сходство между его судьбой и своей. Основанием такому предположению служит стихотворение А. С. Пушкина «Воспоминание», написанное в 1828 году.

*...В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю [5, с. 420].*

В этом стихотворении выразилась нравственная мука человека, страдающего от совершенных грехов. В лирическом герое «Воспоминаний» мы узнаем самого А. С. Пушкина. Покаяние – это главная тема проповедей и поучений преподобного Ефрема Сирина, молодость которого, как и А. С. Пушкина, прошла бурно. «В молодые годы был я злоязычен, – вспоминал о себе святой, – бил, ссорил других, препирался с соседями, завистничал, к странному был бесчеловечен, с друзьями жесток, с бедными груб, за мало-важные дела входил в ссоры, поступал безрассудно, предавался худым замыслам и блудным мыслям». Но позже он покался и переменял свою жизнь. Как и герой пушкинского стихотворения, по ночам он часто плакал о своих грехах.

Вернемся к стихотворению А. С. Пушкина «Отцы пустынные и жены непорочны». Оно состоит из двух частей: первая часть – рассуждение о молитве, вторая – сама молитва. Следует пояснить во второй строке словосочетание «*во области заочны*». Заочны (области) – те, что за очами, не видимые нашим зрением; это области духовные, приближающие человека к Богу.

Лирический герой стихотворения А. С. Пушкина признается, что он знаком со многими молитвами, которые укрепляют его среди житейских трудностей, «*среди дольних бурь и битв*», но милее его сердцу великопостная молитва, которая «*чаще всех приходит на уста и падшего крепит неведомою силой*». Почему лирического героя умиляет именно эта молитва? Может быть, в ней упоминаются те грехи, от которых он желал бы избавиться? Праздность – впустую потраченное время, любоначалие – довольствование положением начальника, празднословие – грех, связанный с напрасно произнесенными словами. Что просит у Бога герой стихотворения? Помощи видеть собственные грехи, смирения, терпения, любви, целомудрия. Терпение, смирение, любовь и целомудрие – это христианские добродетели, без которых не может быть духовного роста. Терпение связано со смирением, смирение – с любовью и целомудрием. Любовь – это особое, благоговейное чувство к Богу, ближнему. Апостол Павел писал, что «*любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит*» [1, с. 1256].

Целомудрие – мудрость не книжная, а от Бога, такая мудрость, которой был наделен человек первоначально, но по причине грехопадения он ее утратил.

Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны», написанное в 1836 году, отражает духовное состояние поэта. Оно – свидетельство того, что для А. С. Пушкина христианские идеалы стали нравственным ориентиром. На память приходят слова смертельно раненного на дуэли поэта П. А. Вяземскому: *«Требую, чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином»*. Перед смертью А. С. Пушкин исповедался в своих грехах, причастился, благословил своих детей, перекрестив каждого.

Всем хорошо известно стихотворение М. Ю. Лермонтова «Молитва», которое было написано им в 1838 году в 24-летнем возрасте.

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко... [4, с. 179].*

Сколько искренности в его строках! Перед нами неузнаваемый М. Ю. Лермонтов, который делится опытом духовной жизни. Что значит словосочетание «духовная жизнь»? Это жизнь, связанная с устремлениями человека быть с Богом. А как человек может быть с Богом? Через молитву. И поэт поведал нам о молитве и ее чудодейственной силе. В лирическом герое этого стихотворения легко узнается его автор. В нем ясно видится причина обращения его к молитве: жизненные трудности. Их у поэта было много: рано потерял мать, бабушкой был разлучен с отцом, испытал сильную безответную любовь. Всю жизнь он ощущает себя одиноким.

Одиночество – один из главных мотивов лирики М. Ю. Лермонтова. Чувство одиночества очень мучительно. Оно вызывает тоску, грусть. Чтобы избавиться от душевной муки, поэт обращается к Богу с молитвой. В стихотворении «Молитва» можно выделить три смысловые части, каждая из которых соответствует строфе. О чем эти строфы? Первая строфа передает состояние души лирического героя, обращающегося в «минуту жизни трудную» к Богу с молитвой. Лермонтовский герой признается: «Молитву чудную твержу я наизусть». Глагол **твержу** говорит о том, что молитва – это духовный труд, так как лексическое и видовое значение этого глагола – многократное повторение одного и того же действия. Во второй строфе показана огромная, непонятная человеческому разуму сила молитвы. Она «благодатная», слова в ней «живые». А в третьей строфе лирический герой поведал нам о великом чуде как ответе на чистосердечную молитву: нет никаких сомнений, вновь обретена утраченная вера, поэтому от радости «плачется» и на душе «легко, легко...». Небольшое по объему стихотворение М. Ю. Лермонтова передает неоднократно переживаемое лирическим героем состояние души: тяжелое и легкое. От первого состояния помогает избавиться простое, доступное средство – молитва, «благодатная» сила которой лечит больную душу, воскрешает ее к жизни, какой бы трудной она ни была.

Знаем ли мы, какую молитву твердит лермонтовский герой? Нет. Поэт об этом умалчивает. Почему? Наверное, не важно, какая это молитва, а важно то, как она произносится. Любая молитва может стать «чудной», «благодатной», если она идет от чистого сердца и с глубокой верой.

В проанализированном стихотворении говорится о великой силе молитвы. Но у М. Ю. Лермонтова есть и стихотворения-молитвы. Одна такая «Молитва» написана поэтом в 15 лет:

*Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет из груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей...
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращаюсь [4, с. 35].*

О чем это стихотворение совсем юного поэта? О грехах, в которых лирический герой признается Богу. Какое сознание! Герой говорит о своих страстях. А страсть, в христианском понимании, – высшая степень греха. Главная страсть, отдаляющая его от Бога, от «тесного пути спасения» – это поэзия. Для него она – «чудный пламень, всепожирающий костер». Он во власти пламени этого костра и не в силах освободиться от нее. Заключительные строки стихотворения свидетельствуют о том, что оно написано как сердечный отклик на Нагорную проповедь. О переключке 4-х последних строк стихотворения с Нагорной проповедью говорит эпитет **тесный**. В Нагорной проповеди читаем: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» [1, с. 1019].

А вот стихотворение «Молитва», посвященное М. А. Лопухиной:

*Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного. –
Но я хочу вручить девице невинную
Теплой Заступнице мира холодного... [4, с. 162]*

Стихотворение состоит из двух частей. В первой лирический герой дает оценку современной ему действительности. Мир, в котором он живет, обозначен эпитетом «холод-

ный», соответствующим выражению Отцов Церкви: «мир во зле лежит». Вся надежда лирического героя – только на Божию Матерь, «теплую Заступницу», которой он возносит свою молитву. Только ей он хочет вручить «деву невинную», так как себя считает «странником в свете безродным» с «душою пустынной». Вторая часть стихотворения – просительная молитва за ближнего, возносимая Божией Матери. Она полна самоотречения и любви. Любви бескорыстной, трепетной и упования на материнское предстательство, которое защитит «душу достойную», «душу прекрасную».

В последний год своей жизни, незадолго до смерти, М. Ю. Лермонтов написал еще одно стихотворение, похожее на молитву. Оно называется «Благодарность».

*За все, за все Тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я еще благодарил [4, с. 197].*

Это стихотворение отражает духовный кризис поэта. Оно пронизано едкой иронией, горечью, отсутствием желания жить. Лирический герой идет навстречу своей гибели. Последние две строки – это вызов Богу. Причину своего несчастья он видит только в окружающей среде, а себя ни в чем не укоряет. В каждой фразе чувствуется безмерная гордость, не позволяющая увидеть свои недостатки. В молитве даже не упомянут Тот, к кому она обращена. Мы лишь догадываемся, что герой М. Ю. Лермонтова «благодарит» своего Создателя.

Отказавшись от Бога, человек попадает под влияние темных, демонических сил, желающих человеку только погибели. Почему же поэт в тяжелейшую минуту жизни вновь не обращается к той «чудной» молитве, сладость которой он когда-то испытывал?

Оптинский старец Варсонофий говорил своим духовным чадам о недостаточности молитвенного опыта М. Ю. Лермонтова. Молитва не спасла его, потому что он ждал только восторгов и не хотел понести труда молитвенного. Поэт А. С. Хомяков считал, что молитва – это подвиг.

*Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе... [3, с. 221]*

Этот высший подвиг совершали и совершают монахи. Они молились и молятся не только о собственном спасении, но и о спасении своего Отечества, всех православных христиан.

Стихотворения-молитвы в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова свидетельствуют о том, что поэты – носители православной культуры и веры. Молитвенная лирика – это исповедь измученной житейскими невзгодами человеческой души, стремящейся к духовному совершенствованию. Духовный рост человека, по мнению и А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, возможен только с Божией помощью, которая осуществляется через молитву. Творить молитву – значит совершать высший подвиг.

Примечания

1. Библия, Новый Завет, Мф. 7; 13; 14. – М.: Международный издательский центр православной литературы, 1994. – 1018 с.
2. Дунаев М. М. Православие и русская литература: учеб. пособие для студентов духовных академий и семинарий. – М.: Христианская литература, 1996. – С. 190–200.
3. Иванова С. Ф. Введение во храм слова. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 271 с.
4. Лермонтов М. Ю. Сочинения. – М.: Правда, 1986. – Т. 1. – 719 с.
5. Пушкин А. С. Сочинения. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 1. – 735 с.

Л. Н. Куваева

ХРИСТИАНСКИЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается особая общественная социально-воспитательная роль русской классической литературы, а также изучения христиански ориентированных текстов, и, прежде всего, самой Библии, в школе.

Ключевые слова: литература, христианские тексты, обучение и воспитание в школе.

L. N. Kuvayeva

CHRISTIAN TRADITION IN RUSSIAN LITERATURE

The article deals with a particular public and social educational role of the Russian classical literature and studying the role of Christian-oriented texts, and, above all, the Bible at school.

Keywords: literature, Christian texts, training and education in schools.

Русское православие столкнулось с собственно художественной литературой исторически недавно, сосуществует с ней около двухсот лет. Прозорливые православные мыслители раскрыли его важный для христиан смысл. Православный взгляд на литературу, в самых общих чертах, заключается в понимании литературы, поэзии как некоего Божьего дара, позволяющего людям открывать непостижимую другими способами правду, которая может стать ступенью к высшей Божьей правде. Этот взгляд, согласно которому литература на столь высоком месте вводится в иерархию ценностей, восходит к принадлежащему апостолу Павлу представлению о том, что душевное развитие человека предшествует его духовному развитию: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор. 15, 44). Литература не только сохранила, но и блистательно развила способность открывать правду, обращаясь не только к сердцу, но и уму человека. И практически всегда, во всех цивилизациях литература в ее лучших образцах была признана обязательным элементом воспитания детей – так было и в дореволюционной христианской России.

Литература и мировая поэзия являют нам глубину и сложность человеческой личности, убеждая нас в том, что человек не является продуктом среды и производственных отношений, а представляет для нас нечто гораздо более сложное и значительное. В этом возрождении, возвращении разрушенного мира, восстановлении связи с ним огромную

и совершенно особую роль играла русская классическая литература. Она практически первая открывала нам ту Россию, которая была когда-то, разделение добра и зла, устоятой ушедшей жизни, а также представления о чести и милосердии, совести, которые долго существовали в советском обществе как пережитки старого, не давая окончательно вытравить человеческое из человека. И что, может быть, самое важное, вера в Бога, объявленная ложью, нелепым пережитком, уделом отсталых старух, «опиумом для народа», представала со страниц этих книг важнейшей частью человеческой жизни, объектом сложнейших размышлений и трудных и мучительных сомнений. И поразительны те высота и свет, которыми были исполнены обладающие верой или обретшие ее герои русских классических книг. Несмотря на все запреты и давление властей продолжала существовать подлинная литература – гонимые, издаваемые, писали Ахматова, Булгаков, Пастернак, Цветаева и Мандельштам, Твардовский. Символом новой подлинной литературы стали А. Солженицын и такие разные по масштабу и характеру дарования писатели и поэты, как Шаламов, Распутин, Астафьев, Искандер, Бродский, Абрамов, Белов...

В одном из писем Ф. М. Достоевского находим: «Над всем этим (литературой), конечно, Евангелие, Новый Завет в переводе. Если может читать в оригинале (по-церковнославянски), то есть всего бы лучше, Евангелие и Деяния апостольские – непременно».

Осознавая, что понимание духовной жизни народа, объяснение рожденных в ней слов и образов возможно лишь при знании ключевых текстов, составивших эту культуру, приходим к выводу о необходимости знакомства на уроках литературы с Библией как одним из ключевых текстов европейской и в том числе русской культуры.

Отказавшись в свое время от Библии как от основы христианского вероучения, мы отказались еще и от важнейшего канонического текста, содержание и значимость которого, безусловно, не исчерпываются его религиозным аспектом.

Пытаясь возратить Библию в школу, необходимо взглянуть на нее, прежде всего, как на один из первых письменных текстов (переводных), представляющий собой экономный свод текстов, включающий разные жанры. Смысл уроков по изучению Библии – не обзор с историческим комментарием. Цель занятий – донести до учащихся художественное совершенство и религиозно-гуманистическое, человеческое содержание величайшего памятника мировой культуры, помочь им почувствовать своеобразие поэтического языка Библии, ее высочайшую художественность; определить значение Библии в контексте мировой литературы.

Библия является литературным памятником, легшим в основу всей нашей письменной словесной культуры. Образы и сюжеты Библии вдохновляли не одно поколение писателей и поэтов. На фоне библейских литературных историй мы часто воспринимаем сегодняшние события. В этой книге есть начала многих литературных жанров. Молитва, псалмы нашли продолжение в поэзии, в песнопениях... Многие библейские слова и выражения стали пословицами и поговорками, обогатили нашу речь и мысль... Множество сюжетов легло в основу рассказов, повестей, романов писателей разных народов и времен.

«Русская литература задачу свою и смысл существования видела в возжигании и поддержании духовного огня в сердцах человеческих, – отмечает М. М. Дунаев. – Вот откуда идет признание совести мерилom всех жизненных ценностей».

Это чутко воспринял и точно выразил Н. А. Бердяев: «В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и мотивы были сильнее, чем в какой-либо ли-

тературе мира. Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни... Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры».

Учащемуся, знакомому с Библией, не приходится навязывать свое объяснение при чтении таких произведений, как «Пророк» А. С. Пушкина или М. Ю. Лермонтова, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Стихотворения Юрия Живаго» из романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», И. Шмелева «Лето Господне» и др. Такой ученик сам уже ориентируется в литературе, умеет самостоятельно сопоставить «Иуду Искаротию» Л. Андреева и сочинение булгаковского Мастера, причем в их отношении к Библии. Чтобы организовать работу с детьми по изучению произведений в сопоставлении с библейскими текстами, мы разработали дидактические материалы, которые состоят из системы вопросов и заданий к произведению (или эпизоду) и карточки-информатора. Карточка-информатор включает в себя тексты из Священного Писания, справочный материал из энциклопедий, словарей, произведения или отрывки из произведений писателей или поэтов (для сопоставления), выдержки из критических работ литературоведов.

На наш взгляд, Библия как ключевой текст культуры должна использоваться в школьном курсе литературы. Она возвышает детей духовно и трогает их эмоционально.

«Народ, забывший свою культуру, исчезает как нация», – писал А. С. Пушкин. Во избежание этого надо позаботиться, чтобы наши дети стали не только наследниками своей отечественной культуры, но и продолжателями ее лучших традиций. И главная роль в этом принадлежит учителю литературы.

Обращаясь к изучению на уроках литературы в старших классах классических произведений XIX–XX веков с точки зрения использования в них христианских сюжетов и образов, решаем следующие задачи:

- приобщение к духовному наследию своего народа;
- воспитание любви и уважения к Родине, к своему народу, к его культуре, традициям;
- формирование у учащихся умения определить свое отношение к прочитанному, интерпретировать канонический текст в контексте творчества того или иного писателя.

Знакомство с основными художественными версиями христианских сюжетов поможет учащимся осмыслить ценностные ориентации современной культуры.

Выдающийся ученый, лингвист, филолог и философ М. М. Бахтин справедливо отмечает: «В каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми, не осознанными и не использованными на протяжении всей истории жизни культуры. Античность сама не знала той античности, которую мы теперь знаем. Та дистанция во времени, которая превратила греков в древних греков, имела огромное преобразующее значение: она наполнена раскрытием все новых и новых смысловых ценностей, о которых греки действительно не знали, хотя сами и создали их» [1].

Одна из реалий современной жизни – подмена ценностей. В связи с этим замечанием нельзя не привести в качестве иллюстрации комментарий к поэме о Великом инквизиторе известного английского писателя Д. Лоуренса: «Я перечитываю “Великого инквизитора”, и у меня падает сердце... Я слышу окончательное опровержение Христа. И это разрушительный итог, потому что он подтверждается и долгим опытом человечества. Тут реальность против иллюзий, и иллюзии – у Христа, тогда как само течение вре-

мени опровергает его реальностью... Нельзя сомневаться, что Инквизитор произносит окончательное суждение Достоевского об Иисусе. Это суждение, увы, таково: «Иисус, ты ошибся, людям приходится поправлять тебя». И Иисус в конце концов молчаливо соглашается с Инквизитором, целуя его, как и Алеша целует Ивана» [2].

Подобное парадоксальное прочтение Достоевского, причем предпринятое мастером психологического романа, еще раз убеждает в том, что в XXI веке обострилась проблема понимания христианских традиций и смысла их интерпретации.

Полемическое осмысление Библии актуально в науке, публицистике, художественной литературе. Говоря на уроках литературы об использовании христианских сюжетов и образов, необходимо помнить, что перед нами интерпретации канонического текста в творчестве того или иного писателя, но никак не копирование библейских историй и не попытка какого-либо автора создать свое Писание.

Интерес к Библии не ослабевает у ученых, философов, писателей на протяжении веков. Необходимость обращения к Библии, ее огромное воспитательное значение подчеркивал Л. Толстой: «Заменить эту книгу невозможно». А. С. Пушкин называл ее «ключом живой воды». Обращение к Библии на уроках литературы – это вытеснение бездуховности, поразившей нас, возрождение русского самосознания.

«Быть русским – значит не только говорить по-русски. Быть русским – значит верить в Россию так, как верили в нее русские люди, все ее гении и строители. Без веры в Россию нам не возродить ее» (И. Ильин).

Тема гармоничной, созидательной, нравственной жизни для людей и во имя них выявляет значительную черту русской классики – азбуку приобщения к христианству – православию.

Православие в художественном контексте русской классики – это всегда минута наивысшего напряжения исканий и судеб героев.

Герои Достоевского, обращаясь к Евангелию, познают высшую духовность, идут к самоочищению и вере. Азбука христианства дана (например, в «Братьях Карамазовых») через своеобразный гуманистический «цикл» возрождения героев – от греха к искуплению, покаянию и братству в любви. Созвучны Достоевскому и размышления Л. Толстого, который убежден, что путь христианства не в обрядах, свечах, иконах, «а в том, чтобы люди любили друг друга, не платили злом за зло, не сулили, не убивали друг друга». «Верю в Бога, которого понимаю как Дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне, и я в нем», – писал Л. Толстой.

Самобытная особенность русской классики XIX века еще и в том, что величие христианской любви и всепрощение активно взаимодействуют с особым типом любви женщины и мужчины, мерилom которой является христианская любовь – прощение и отречение во имя блага других. Русская художественная культура открыла своеобразный критерий: каков герой в сфере любви, таков и его социально-нравственный потенциал, степень его зрелости, ответственности. Русский тип любви, чаще всего, самоотвержен, он возвышает того, кто любит, и озаряет великим светом любимого. Это – великая работа души, победа над эгоизмом. Это и дар небес, и богатство духа с его безграничной целеустремленностью к совершенству. Имея в виду этот тип любви, Достоевский в речи о Пушкине сказал о ней как о важнейшем национальном достоянии, как о высшем типе русской духовности, выходя к России, ее святыням, русскому народу. Русский тип любви как мера жизни и преодоления смерти, покаяния и очищения с особой верой выражен в русской классике XIX века.

Русская литература всюду проявляется как сила интеграции: она останавливает распад в своем необоримом стремлении к цельности. На пути к обретению этой цельности – гуманизм и гуманность. Гуманизм как культ высокой личности и гуманность как культ.

Примечания

1. Четина Е. М. Евангельские образы и сюжеты, мотивы в художественной культуре. Проблемы интерпретации. – М.: Флинта: Наука, 1998. – С. 3–4.
2. Четина Е. М. Цит. соч.

Е. Л. Кудрина

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается художественное образование как механизм сохранения, воспроизводства ценностных традиций общества, а также формирования духовно-нравственного фундамента личности.

Ключевые слова: художественное образование, духовность, нравственность, культурные традиции и ценности.

Y. L. Kudrina

SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF CULTURAL EDUCATION DEVELOPMENT

The article deals with artistic education as a mechanism for preservation, reproduction of valuable traditions of society, as well as the formation of spiritual and moral foundations of personality.

Keywords: art education, spirituality, morality, cultural traditions and values.

Современный период развития нашего общества характеризуется как важными позитивными переменами, так и целым рядом негативных явлений, неизбежных в период крупных социально-политических изменений. Многие из них оказывают отрицательное влияние и на общественную нравственность, и на гражданское самосознание; они изменили не только отношение людей к закону и труду, человека к человеку, но и к государству и обществу в целом. Смена ценностных ориентиров происходит и в образовании.

Следует отметить, что проблемы образования всегда находятся в центре внимания как органов власти, так и российской интеллигенции. При этом художественное образование как самостоятельно, так и в контексте духовно-нравственного воспитания занимает важное место среди образовательных проблем и представляет собой весьма противоречивую картину.

С одной стороны, на рубеже XX–XXI веков появляется ряд нормативных документов, явно свидетельствующих о немалой заинтересованности государства в деле повышения общего уровня образования и культуры на всех уровнях (от всех типов и видов образовательных учреждений до учреждений культуры и искусства). Это Национальная Доктрина образования в Российской Федерации (2000), Концепция художественного образования детей в Российской Федерации (2001), Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (2001), Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 годы, где обозначены стратегические цели и задачи в сфере образования [1].

Подводя итоги Пленарного заседания IX съезда ректоров вузов России (на данном съезде в качестве самостоятельного мероприятия работала секция, связанная с проблемами духовно-нравственного воспитания), Президент России Д. А. Медведев отметил, что «следует думать не только о путях преодоления кризиса, но и о формировании системы ценностей, на основе которых будет развиваться российское общество», тем самым засвидетельствовав факт того, что образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, его сплочении перед лицом современных внешних и внутренних вызовов времени, в укреплении социальной солидарности, повышении доверия человека к жизни в России, к согражданам, обществу, государству, настоящему и будущему своей страны.

С другой стороны, нарушается поступательное развитие российского общества, когда в период смены ценностных ориентиров распадается духовное единство общества, меняются жизненные и нравственные приоритеты молодого поколения, происходит разрушение ценностей и взглядов старшего поколения. Идет деформация традиционных для России нравственных установок и моральных норм, без чего невозможно укрепление духовных начал нашей жизни, ее нравственных основ.

В настоящее время первостепенное значение в художественном образовании приобретает духовно-нравственное развитие личности, возрождение в российском обществе гуманистических общечеловеческих идеалов свободы, добра, национальных достоинств, гражданственности и патриотизма, приобщение каждого человека к высшим достижениям отечественной и мировой культуры. «Позитивное развитие общества зависит во многом от активизации его духовного обновления, деятельности мыслящих личностей, ориентирующихся на высокие духовно-нравственные ценности. Среди таких системообразующих ценностей наиболее значимыми традиционно выступают: самоценность человеческой личности (сострадание, сопереживание, любовь к ближнему), творческая активность (умение правильно выбрать позицию в нестандартной ситуации и быть деятельно активным в ее решении), художественный вкус (способность ощущать красоту окружающего мира)» [6].

В этом случае повышается роль художественного образования, которое, являясь особым механизмом сохранения и воспроизводства культурных традиций и трансляции гуманитарных ценностей, выполняет целый ряд специфических функций, что позволяет ему фокусировать всеобщие человеческие ценности, включая сосредоточение художественного и духовно-нравственного опыта человечества. Художественное развитие личности, которое влияет, с одной стороны, на духовную культуру человека, а с другой – на реализацию его творческих задатков, является одним из условий успешной человеческой деятельности. По мнению Л. С. Выготского, «...искусство есть общественная

техника чувства, орудие общества, посредством которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа» [4, с. 239].

Заметное место в образовательной политике государства стала занимать проблема нравственного воспитания и формирования духовных ориентиров молодого поколения Российской Федерации. В посланиях Президента России Федеральному собранию Российской Федерации (2007 и 2008 годов) подчеркивается, что «духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность... и общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом для экономических и политических отношений».

А. В. Камышева [8] отмечает, что в настоящее время проблемы духовности, нравственности, духовно-нравственного формирования рассматриваются, обсуждаются и прорабатываются на различных уровнях общественного и личностного развития. Вносятся соответствующие изменения в российское законодательство, в том числе декларирующие приоритетность данного направления в концепции отечественной молодежной политики; разрабатываются и внедряются образовательные программы по проблемам духовно-нравственного развития и воспитания на различных ступенях и уровнях как общего, так и профессионального образования; проводятся научные конференции, круглые столы, дискуссии и др. мероприятия.

Вместе с тем, до сих пор нет единого подхода к определению феномена духовно-нравственного развития и тесно связанных с ним понятий «духовность» и «нравственность». И это несмотря на то, что во все периоды общественного развития высоко ценилась нравственная воспитанность, насущной потребностью было и есть практически-духовное освоение мира, потому что от этого напрямую зависит выживание человечества.

В культурно-антропологическом контексте понятие «духовность» употребляется для характеристики «духовного мира личности», который тесно связан с внутренним субъективным миром человека. С точки зрения Л. П. Буевой, главным в таком подходе является не приобретение знаний, а их смысл и цель, когда духовность выступает как «показатель существования определенной иерархии ценностей, целей и смыслов, высший уровень освоения человеком своего мира и отношения к природе, обществу и самому себе» [3, с. 119].

В рамках педагогики С. Л. Шпанагель предлагает различать два подхода: религиозный (в частности, православный) и светский. В первом случае духовность рассматривается в качестве «духа народа», выражаемого в нормах, традициях и образе жизни. Во втором случае духовность трактуется как «высшие нравственные ценности, включая нравственное и профессиональное совершенствование, стремление делать добро, сохранять честь и достоинство». Автор определяет духовность как «состояние человеческого самосознания, которое находит свое выражение в мыслях, словах и действиях», подчеркивая, что она определяет степень овладения человеком различными видами духовной культуры: философией, искусством, религией и т. п.» [10, с. 10].

Для психологии также характерно выделение двух подходов: религиозного и светского. В частности, Е. И. Гарбер, анализируя содержание понятия «духовность», отмечает следующие различия: в религии духовность понимается как близость (единение) с Богом, «искра Божья» в душе (психике) верующего человека; в философии оно трактуется как «постижение всеобщего», а в психологии – как высший уровень развития психологической индивидуальности [5, с. 16].

Анализируя сходства и различия религиозного и научного путей изучения проблемы духовности, В. В. Знаков выделяет отдельно религиозное направление, которое имеет четко заданные границы: в нем духовное выступает только как божественное откровение: Бог есть дух. А жизнь духовная – это жизнь с Богом и в Боге [7].

Епископ Кемеровский и Новокузнецкий Аристарх отмечает, что «мы должны определить для себя понятия нравственности и духовности. Если вопрос о нравственности на сегодняшний день отчасти для многих является понятным – это общепринятые законы и нормы человеческого поведения, то понятие о духовности является расплывчатым, и мы имеем по этому вопросу разброс мнений. Например, “Педагогический словарь” дает такое определение: духовность – это высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, когда основными ориентирами ее жизнедеятельности становятся непреходящие человеческие ценности; ориентированность личности на действия во благо окружающих, поиск ею нравственных абсолютов. В более упрощенных вариантах этого понятия к духовности относят все виды человеческого творчества: художественного, научно-познавательного, технического и др. Чаще всего духовность в светской традиции получает если не сугубо знаниевую, то, по крайней мере, морализаторскую или эстетизированную трактовку.

Православно-христианская трактовка духовности логична и понятна. Известный православный богослов, эмигрант Павел Евдокимов пишет: “Слово «духовный» отсылает к Святому Духу и указывает на уровень бытия, свойственный «рождению свыше». Существуют современные, более основательные церковные разработки по вопросам духовности, в пример можно привести слова протоиерея Александра Салтыкова о специфике православной духовности. Он выделяет такие черты православной духовности, как центрированность на категории Образа, иконографический канон соборного опыта Церкви, символичность духовности, а также связь с категорией духовного подвига, основанного на «трезвении ума»”.

Итак, совершенно очевидно, что понятия о духе и душе относятся к сфере религиозного мировоззрения, и в этом контексте понятие о духовности исходит из того, что Духом является Бог, а духовностью является Богоподобие, которое достигается человеком в течение всей его жизни» [2].

Таким образом, можно отметить, что в современных условиях практически во всех общественных науках происходит разделение светского и религиозного подходов к пониманию проблемы духовности.

Актуальность проблемы нравственного воспитания становится все более значимой в связи с тем, что сегодня подрастающее поколение все чаще обвиняют в агрессивности, безверии и бездуховности. Вместе с тем, как отмечается рядом исследователей, существует целый ряд причин, повышающих эту актуальность. Во-первых, наше общество нуждается в подготовке широко образованных, высоко нравственных людей, обладающих не только знаниями, но и прекрасными чертами личности. Во-вторых, в современном

мире маленький человек живет и развивается, окруженный множеством разнообразных источников сильного воздействия на него (как позитивного, так и негативного характера), которые ежедневно обрушиваются на неокрепший интеллект и чувства ребенка, на еще только формирующуюся сферу его нравственности. В-третьих, само по себе образование не гарантирует высокого уровня нравственной воспитанности, ибо воспитанность – это качество личности, определяющее в повседневном поведении человека его отношение к другим людям на основе уважения и доброжелательности к каждому человеку. В-четвертых, вооружение нравственными знаниями важно и потому, что они не только информируют ребенка о нормах поведения, утверждаемых в современном обществе, но и дают представления о последствиях нарушения норм или определенного поступка для окружающих людей [9].

В связи с многообразием толкований понятий «духовность» и «нравственность» нет и единого подхода к характеристике понятия духовно-нравственного развития личности. Изучением данной темы занимались многие ученые (В. В. Абраменкова, Н. А. Бердяев, Л. П. Буюева, В. В. Зеньковский, В. П. Зинченко, В. В. Знаков, А. Е. Лихачев, В. И. Слободчиков, В. С. Соловьев, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский, С. Л. Франк, В. Д. Шадриков), большинство из которых давали собственное определение, исходя из научной позиции и целей своей научной работы.

Исследователи подчеркивают, что «духовно-нравственное воспитание – это процесс содействия восхождению детей к нравственному идеалу через приобщение их к нравственным ценностям (добро, долг, верность, истинность, благодарность, отзывчивость, милосердие), пробуждение и развитие нравственных чувств (стыда, сострадания, долга любви и веры); становление нравственной воли (способности к служению добру и противостоянию злу, терпения и терпимости, готовности к преодолению жизненных испытаний и противостоянию соблазнам, стремления к духовному совершенствованию); побуждение к нравственному поведению (послушание, служение Отечеству)» [11].

Передача духовных ценностных ориентиров, на которых на протяжении сотен лет держится уникальная культура, необходима для выживания и сохранения общества. В определенной мере духовный кризис, который переживается в России, обусловлен распадом механизмов передачи основополагающих ценностей или их подменой.

Сегодня важнейшими критериями решения социальных проблем становятся нравственность, духовность, общая культура человека. В условиях рыночной экономики именно культура способствует сохранению духовных и нравственных ориентиров нации, являясь формой утверждения самобытности народа и основой духовного здоровья нации, определяющим условием реализации социального потенциала личности и общества, критерием развития общества и человека, выступая гуманистическим идеалом.

Внимание к культуре не дает немедленных результатов, но пренебрежение ею чревато бездуховностью и социальной апатией общества. Проблемы сохранения уникальной системы образования в области культуры и искусства требуют адекватных государственных решений в отношении художественного образования. Следует признать и гарантировать реально сложившийся статус разных уровней и ступеней в отечественном художественном образовании и культуре, повысить статус отечественного детского художественного образования до статуса основного общего творческого образования.

Являясь сложным, многоплановым процессом, духовно-нравственное развитие и воспитание личности в целом неотделимо как от жизни человека во всей полноте и

противоречивости, так и от общества, семьи, культуры, от страны проживания и культурно-исторической эпохи, которая формирует образ жизни народа и сознание человека.

Ослабление взаимосвязей между образованием и культурой приводит «к дезориентации этических ценностей, к этическому разобщению, непониманию, утрате внутренних связей между культурными эпохами, свидетельствуя о возникновении новых этико-культурных приоритетов, питающих упрощенные духовные потребности и эстетические чувства новых поколений, ориентируя их на масскультурные ценности, убогую молодежную субкультуру, рационально приземляющую, стандартизирующую мышление и поведение. Глобализация человечества породила культурный тип массового человека, переступающего через устоявшиеся моральные нормы, не знающего ответственности перед настоящим и будущим, перед людьми и совестью, неудержимо стремящегося к комфорту, престижу, власти, не желающего сдерживать свои соблазны и желания» [12, с. 3].

В условиях изменившейся парадигмы усиливается значимость художественного образования, требующая поиска новых педагогических методов, которые были бы направлены на реабилитацию классических духовно-нравственных ценностей в сознании молодого человека. Требуется полноценное вживание в качественно новый тип как мировой, так и национальной культуры каждого человека, организация его активного участия в диалоге культур, формирующая духовно-нравственное развитие.

Примечания

1. Алексеева Л. Л. К вопросу о современном художественном образовании // Педагогика искусства: электронный научный журнал. – 2006. – № 1. – Режим доступа: www.art-education.ru/AE...archive...10-12-2006.htm
2. Аристарх. Духовно-нравственные проблемы общества и значение Церкви в их разрешении // Право и безопасность. – 2008. – № 1 (26). – Режим доступа: dpr.ru/pravo/pravo_22_5.htm
3. Буева Л. П. Духовность, художественное творчество, нравственность // Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 119.
4. Выготский Л. С. Психология искусства / под ред. М. Г. Ярошевского. – М., 1987. – 344 с.
5. Гарбер Е. И. О природе психики. Семнадцать уроков по психологии. – М.: Изд. дом «Школа-Пресс 1», 2001. – 112 с.
6. Зайцева Л. Н. Роль художественного образования в формировании духовной культуры подрастающего поколения. – Режим доступа: <http://www.rsu.edu.ru/~pedag/3/4/4Pokrov145.pdf>
7. Знаков В. В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. – 1998. – № 3 – С. 108–113.
8. Камышева А. В. Представления о духовно-нравственном развитии и источниках его формирования у современной молодежи. – Режим доступа: www.tambov.orags.org/conf-int-10-09/stat/
9. Педсовет «Духовно-нравственное воспитание как основа гармоничного развития личности учащегося». – Режим доступа: www.uraledu.ru/node/
10. Шпангель С. Л. Историко-педагогический анализ духовно-нравственного воспитания в детских корпусах России: автореф. дис. ... к. п. н. – Екатеринбург, 2002. – 19 с.
11. Эссе. Духовно-нравственное воспитание: традиции и новации. – Режим доступа: letopisi.ru/index.php
12. Цагараев В. А. Метод семиотического анализа объектов визуальной культуры в духовно-нравственном воспитании учащейся молодежи: автореф. дис. ... к. п. н. – Владикавказ, 2008. – 22 с.

А. А. Насонов

РОЛЬ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются проблемы современного религиоведческого образования. Обосновывается необходимость сотрудничества светских учебно-научных учреждений и религиозных организаций в этом вопросе.

Ключевые слова: секуляризм, клерикализм, основы религиоведения в школе.

A. A. Nasonov

ROLE OF RELIGIOUS DISCIPLINE IN THE FORMATION OF A TOLERANT ATTITUDE TOWARDS POLYCONFESSIONAL RUSSIAN SOCIETY

The article reviews problems of the modern religious studies. The cooperation of secular and clerical educational scientific and religion organizations in the field is chosen.

Keywords: secularism, clericalism, religious studies at school.

На сегодняшний день в российском обществе все большую актуальность приобретает необходимость формирования и трансляции духовных традиций. Вместе с тем, смысловое содержание таких понятий, как «духовность», «нравственность», «толерантность» и т. д. продолжает трактоваться по-разному в научных кругах, религиозными организациями и заинтересованной общественностью. Немаловажным аспектом всех этих споров является вопрос: что является основой для складывания духовно-нравственных установок, кто, где и как должен их формировать в обществе, членам которого традиционно свойственна приверженность разным конфессиям?

Современный мир часто характеризуют как «постиндустриальный», «информационный», «глобализирующийся». Казалось бы, в условиях, когда происходит размывание национально-политических, экономических и культурных границ и изменение гендерных ролей, прежние проблемы социума либо изживаются, либо приобретают совершенно иные особенности. Однако и для современного мира характерно активное противостояние двух общественно-политических и культурно-цивилизационных тенденций. Первая из них, зародившаяся еще в эпоху Возрождения в XIV–XVI века и эпоху Просвещения XVIII века в Европе, в научной литературе получила название «секуляризация», или «секуляризм» (от позднелатинского слова «saecularis» – светский, мирской) [1, с. 461]. Она первоначально предполагала стремление к формированию параллельно с церковной светской культуры и искусства, а затем и вытеснение церкви из почти всех сфер политической и экономической жизни общества. Историческое развитие в XIX и особенно XX века привело к отделению церкви от государства и школы от церкви во многих странах мира. В ряде случаев при развитии тоталитарных систем прежняя патриархальная конфессиональная традиция вытеснялась насильственными методами квазирелигиями, происходила замена догматических постулатов идеологемами.

В истории России секулярные явления также имели место. Своего рода их предтечами выступали процессы, протекавшие в период складывания и укрепления российской государственности (XV–XVII века). Первоначально Русская православная церковь (далее РПЦ) была одной из главных сил в обществе, выступающей за консолидацию земель вокруг Москвы и формирование института сильной княжеской, а потом и царской власти. Однако с постепенной ликвидацией состояния раздробленности светская власть начинает тяготиться опекой духовных сил. Отсюда стремление ограничить рост церковного землевладения в XVI веке, противоречия между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном в середине XVII века. Непосредственно секулярные тенденции проявились в истории России в XVIII веке в политическом курсе Петра I, устранившем политико-административную самостоятельность РПЦ, и в преобразованиях Екатерины II, ликвидировавших церковное землевладение. И, безусловно, самыми радикальными в рассматриваемом смысле были действия большевиков в XX веке.

Ответной реакцией со стороны религиозного сообщества на развитие секуляризма стала тенденция противоположного направления, именуемая учеными-религиоведами «клерикализм» (от позднелатинского слова «clericalis» – церковный) [2, с. 225]. Ее можно характеризовать как попытку со стороны конфессий и их адептов воссоздать всеобъемлющее влияние церкви в новых исторических условиях. При этом могут использоваться как сложившиеся демократические механизмы (например, выборы), так и переходные ситуации смены или трансформации политических режимов (так называемая «клерикализация политики»).

Противостояние клерикальных и секулярных тенденций характерно и для современного российского общества. В Конституции Российской Федерации в качестве одной из главных основ конституционного строя 14-й статьей провозглашается светский характер государства, а также уточняется, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [3, с. 7]. Однако грандиозный всплеск интереса граждан России к религии, начавшийся еще на рубеже 80–90-х годов XX века, породил попытки возрождения отдельных элементов церковно-государственных отношений прошлого.

В начале XXI века развернулась активная дискуссия по вопросу духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. 23 июля 2007 года известные российские академики, среди которых были также нобелевские лауреаты В. Л. Гинзбург и Ж. И. Алферов, выступили с открытым письмом «Политика РПЦ: консолидация или развал страны?» в адрес Президента России В. В. Путина. В этом обращении ученые высказали опасения, связанные с «возрастающей клерикализацией российского общества», «активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни», а также отметили, что считают инициативу введения в средних общеобразовательных школах курса «Основы православной культуры» противоречащей Конституции РФ и ущемляющей права атеистически настроенных граждан и представителей иных традиционных конфессий [4]. Это письмо вызвало огромный резонанс среди деятелей науки, образования и культуры, религиозных организаций и, в целом, заинтересованной общественности. Мнение академиков нашло как поддержку, так и жесткую критику, а также привело к оживленной дискуссии, которая развернулась на страницах периодических изданий, интернет-сайтов и т. п.

Во многом высказывание полярных точек зрения, как представляется, связано с сохранением в российском обществе установок советского периода времени, когда наука являлась основным инструментом «обличения» церковных догм. К примеру, в высших учебных заведениях преподавался предмет «научный атеизм», а большая часть историческо-этнографической литературы оперировала такими понятиями как «кризис клерикальной идеологии», «религиозные пережитки». С подачи официальной пропаганды было принято считать, что «религиозные предубеждения» – это явление, уходящее в прошлое с естественной сменой поколений [5]. В свою очередь, религиозные объединения, находясь «на осадном положении», для сохранения своего и без того шаткого положения отказывались от какого-либо изменения взглядов на возможность достижения компромиссов со светским обществом.

На наш взгляд, главным значением письма академиков стало то, что, во-первых, была заявлена и детально проиллюстрирована позиция одной из заинтересованных сторон, а именно: значительной части научного и образовательного сообщества, во-вторых, было обращено внимание федеральной власти, что такая позиция существует и, безусловно, должна учитываться при принятии решений в данной области, и, в-третьих, была высказана готовность к достижению компромиссного решения. Возможно, этими соображениями объясняется тот факт, что за последние три года, которые последовали за дискуссией, были предприняты практические шаги для решения проблемы, так или иначе принимающие во внимание спектр мнений. В частности, с начала 2010 года в девятнадцати регионах России стартовал эксперимент по преподаванию в четвертых классах государственных школ нового предмета – «Основ религиозных культур и светской этики», предполагающего деление на несколько модулей (светский, сравнительно-религиоведческий, православный, исламский, буддийский, иудейский). Родителям учащихся (или лицам, их заменяющим) предлагается выбрать модуль, на основе которого будут обучаться их дети [6].

Примечательно, что на сегодняшний день также проводятся исследования мнений самих учеников по вопросу преподавания предметов религиоведческой направленности. Как отмечает Н. А. Валеева, проводившая исследования по этой теме в школах г. Ярославля, «согласно мнению учащихся, в качестве преподавателя должен выступать педагог со специальной подготовкой, сочетающей черты светского образования и осведомленность в вопросах религии» [7, с. 28]. И, действительно, стоит обратить внимание, что существует два основных подхода к объяснению сущности религии. Первый из них, богословский, предполагает рассмотрение сущности любого духовного явления с позиций вероучения, к которому себя причисляет исследователь-теолог и которое воспринимается им как единственно верное. Примером этого подхода является книга Ю. Максимова. Автор через сравнение особенностей центральных категорий (греха, покаяния, чуда, рая) в исламе и христианстве обосновывает истинность и духовность православия [8]. С точки зрения второго, научного, подхода исследователь должен стремиться не к категорической, односторонней оценке того или иного учения на уровне «плохо – хорошо», «истинно – ложно», а, в зависимости от специфики отдельной области знания, определить, что повлекло формирование отличительных (или, наоборот, схожих) черт в догматике, почему конфессия смогла завоевать умы отдельного этноса, нации или превратиться в традицию мирового масштаба [9].

В условиях возрастающей потребности в квалифицированных кадрах средних общеобразовательных учреждений в религиоведческой области возрастает роль вузов в их

подготовке. В этом смысле потенциалом обладают высшие учебные заведения культуры и искусств, которые могут не только обеспечить необходимый уровень усвоения соответствующих учебных программ будущими специалистами, но и донести до сознания обучающегося тесную взаимосвязь светской и церковной культур, влияние духовных установок общества на его взаимодействие с окружающей природной средой [10], показать важность толерантного отношения к инакомыслящим и возможность их комфортного существования в одном социуме [11].

Традиционно науку и религию рассматривают как непримиримых противников, и данное суждение имеет основание. Однако стоит заметить, что зачастую противоположность интересов научного и религиозного сообществ искусственно абсолютизируется, а возможности их взаимодействия признаются бесперспективными. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что человек науки может являться верующим, одновременно причисляя себя в какой-либо конфессии и производя изыскания в области своих научных интересов. Как представляется, именно религиозно-научное образование является той сферой, где могут быть консолидированы усилия как светского, так и духовного образования. Важно предоставить человеку возможность выбора, в каком ракурсе и с каких позиций он может узнать о том или ином явлении.

Примечания

1. Овсиенко Ф. Г. Секуляризация // Религиоведение: словарь / под общ. ред. Е. С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2007. – С. 461–462.
2. Там же. – С. 225–226.
3. Конституция Российской Федерации / принята всенародным референдумом 12 декабря 1993 г. – М.: Проспект, 2001. – 48 с.
4. Александров Е. Политика РПЦ: консолидация или развал страны? (Открытое письмо Президенту РФ В. В. Путину) // Официальный сайт Новой газеты. Научно-популярное приложение «Кентавр». – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/kentavr03/00.html>
5. Кочетов А. Н. Буддизм-ламаизм и его пережитки в Советском Союзе // Атеистические знания – народу. – Л.: Госместпромиздат, 1963. – С. 167–197.
6. Чернявский А. Сибирская этика: школьная духовность под контролем власти // Официальный сайт газеты «НГ. Религии». – Режим доступа: http://religion.ng.ru/society/2010-04-21/6_krasnoyarsk.html
7. Валеева Н. А. Некоторые аспекты введения курса «Основы православной культуры» в число учебных предметов: взгляд школьников (на примере г. Ярославля) // Государство, общество, церковь в истории России: мат-лы IX Междунар. науч. конф. (Иваново, 10–11 февраля 2010 г.): в 2 ч. – Иваново: Изд-во ИвГУ, 2010. – Ч. 2. – С. 24–29.
8. Максимов Ю. Религия креста и религия полумесяца. Христианство и ислам. – М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергеевой лавры, 2008. – 240 с.
9. Иоаннесян Ю. А. Вера Бахаи. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. – 320 с.
10. Томилов Н. А. Традиционно-бытовая культура и этническая экология // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саян в области природопользования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 11–13 мая 2009 г. / под ред. И. И. Назарова. – Барнаул: АРТИКА, 2009. – С. 98–109.
11. Насонов А. А. Ламаизм на территории Южной Сибири: проблемы межконфессиональной толерантности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 6. – С. 15–17.

М. В. Глебова

РУССКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ШКОЛА – ОСНОВА ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

В статье освещаются проблемы современного школьного воспитания и образования на основе русских национальных ценностей.

Ключевые слова: система ценностей, роль школы в обществе, национальные ценности.

M. V. Glebova

RUSSIAN MODERN SCHOOL AS BASIS OF RUSSIA'S SPIRITUAL RENAISSANCE

The article highlights the problems of modern school education and education on the basis of Russian national values.

Keywords: system of values, the role of schools in the community, national values.

Развитие национально-государственного образования в России – задача стратегическая, требующая для своего решения последовательного возрождения и восстановления истинной культурной сущности русского народа, национальных образовательных традиций.

Школа была и остается важнейшим общественным, социокультурным и государственным институтом образования и воспитания человека и, по словам Феофана Затворника, «самым святым из всех святых дел» на земле.

Воспитание и образование, в отличие от других сфер общественной жизни, целиком и полностью погружены в духовное, пронизаны духовным началом и в концентрированном виде выражают уровень духовности. Именно в формировании духовности зиждется сердцевина воспитательной работы с учащимися в школе. Самое пристальное внимание в педагогической практике должно уделяться обновлению, обогащению и актуализации самого содержания образования и воспитания, его соответствию духовно-культурному наследию России.

Обосновывая приоритетность образования в общественном развитии и приоритетные направления в самой образовательной системе, следует подчеркнуть теснейшую и неразрывную связь отечественной школы с российской общенациональной идеей.

Ф. М. Достоевский пророчески говорил, что нация, прекратившая жить большой идеей, обречена на вымирание. Он задавался мучительным и судьбоносным вопросом: «Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной?». К его чести и славе, он дал на него свой выстраданный ответ в знаменитой Пушкинской речи на заседании общества любителей русской словесности [6].

Отечественные мыслители рано или поздно, но всегда обращали свое внимание на образование как фактор возрождения России. И. А. Ильин писал: «Судьба будущей России лежит в руках русского учителя...». Русская идея, считал он, «должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного глаза. Эта идея должна быть государственно-историческая, государственно-национальная, государственно-патриоти-

ческая, государственно-религиозная. И только в таком качестве она будет светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость...» [8].

В понимании В. С. Соловьева русский национальный идеал выглядит так: «Святая Русь. Вот идеал – и не консервативный, не эстетический, даже не формально этический, а идеал нравственно-религиозный» [13].

Если говорить об эффективной, системной и упреждающей социально-экономической, тем более, образовательной политике, то она может быть выстроена только на духовно-нравственной основе современной школы.

Ключевые и содержательные приоритеты русской национальной школы выверены и четко сформулированы выдающимися отечественными мыслителями: духовность, самобытность и традиция; патриотизм, державность и государственность; соборность, коллективизм и справедливость; культура и творчество; синтез православной и светской культур (синтез знания и веры).

Современная российская школа базируется на мощном этническом базисе русскости (80 % в составе населения России составляют русские), русского языка и русской культуры, общности и широте русского мира, насчитывающего более 288 млн человек, по оценке Президиума Государственного совета Российской Федерации (2006), российской цивилизации в целом, духовным ядром которой выступает православие.

Именно русская школа сегодня выступает отправным началом и основополагающим принципом русского пути, стратегией воспитания духовности подрастающего поколения и в целом народа России, его образования и воспитания, выхода из общенационального кризиса, стратегией социально-экономического и культурного развития России.

До недавнего времени в нашей педагогической науке духовная жизнь общества и человека понималась и оставалась в качестве надстроечного фактора, а понятия духа и души продолжают оставаться практически вытесненными на периферию философского познания и педагогической практики. До сих пор остаются невостребованными духовные основания как направляющие моменты общеобразовательного, социокультурного развития и самоопределения личности учащегося, что приводит к искажению направленности и характера его социализации.

Согласно философскому подходу выдающихся русских мыслителей С. Л. Франка, Н. О. Лосского, Н. А. Бердяева и И. А. Ильина, личность предстает как то подлинное и глубинное в человеке, которое выходит за пределы «обыденного чувственного мира», рациональных критериев истины и добра, поскольку Личность соотносится с Абсолютной реальностью – Богом в своих высших возможностях самоопределения и самоустановления. Н. А. Бердяев считал: «Личность нельзя мыслить ни биологически, ни социологически. Личность духовна и предполагает существование духовного мира» [1].

Чтобы личность учащегося состоялась, необходимо в полную меру в образовательно-воспитательном процессе школы задействовать все его творческие силы, разум, знание мира, природы, людей, веру и волю к саморазвитию и самосовершенствованию.

Высшие ценности определяют содержание духовности. Объективно значимые и высшие ценности (Бог, Родина, вера, добро, истина, красота, любовь как их связующая нить) формируют образ должного в виде идеала, душевно-смысловой наполненности человека.

Православная духовность обеспечивает предельную устойчивость бытия личности школьника на основе выхода к высшим ценностным инстанциям его социокультурного самоопределения и развития.

Вне духовности процесс образования, воспитания обесмысливается, обездушивается, становится нейтральным, механическим взаимодействием, тупиком человеческой сущности.

Современная педагогическая мысль, находясь под глубоким влиянием общей тенденции секуляризации, страдает натурализмом. Преодоление педагогического натурализма, то есть признания, что тайна роста человека, его духовного становления не может быть понята вне религиозных установок культурного сознания, является необходимой теоретической предпосылкой педагогического процесса. Основной в жизни человека следует признать не физическую и не психическую ее сторону, а духовную, которая глубже разделения физического и психического мира и которая является залогом целостности. Именно духовный процесс включает в себе ключ к пониманию всего, что происходит в человеке. «К духовному росту, – писал В. В. Зеньковский, – нельзя прийти через развитие психических сил – интеллекта, воли или чувств, хотя духовная жизнь и опосредуется этим развитием душевной периферии» [7].

При всех различиях понимания духовности и духовного, связанных с традициями светской и религиозной мысли, общим для них является понимание духовности как высшего уровня развития и саморегуляции личности, на котором основными мотивационными регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности. Духовное становление личности, таким образом, предполагает выход за пределы эгоцентризма и подключение к созидательной энергии надындивидуальных общностей или высших сил, ориентацию личности на широкий спектр общечеловеческих и трансцендентных духовных ценностей, направленность на познание ценностей, универсальной связи всех вещей и явлений и целесообразную деятельность внутри этой связи.

Ценность имеет сложную многоуровневую структуру и выражает наиболее общие типы отношений между субъектами любого уровня, от личности до общества в целом. Духовные ценности функционируют на уровне идеала, наиболее адекватно проявляясь в религии, искусстве, нравственности как видах собственно духовной культуры с ее высшими ценностями, такими, например, как *вера, любовь и красота*. Ценности идеала пронизывают, конечно, всю сферу человеческой деятельности, но их воздействие значительно ограничивается уже на уровне нормы и, тем более, значимости, где образуются социально-политические ценности, соответственно, морали, права, политики и экономики.

Главная особенность ценностных отношений, прежде всего, в том, что они включают в себя не только должное (норму), но и желаемое, связанное с добровольным свободным выбором, душевным стремлением. Поэтому ценности выражают также отношения между людьми, которые не разъединяют людей, а, напротив, объединяют, собирают их в общность любого уровня: семью, коллектив, нацию, государство, общество в целом. Отсюда следуют и основные свойства ценностей, определяющие их роль и функции в обществе: внутренняя свобода человеческого самоопределения; социальная значимость материального носителя, имеющего ценностную основу; невозможность логического доказательства наличия или отсутствия отношений ценностного уровня [16]. Благодаря этим свойствам общечеловеческие ценности, какими бы неосуществимыми они не казались, образуют в структуре социального субъекта (личности, народа) тот ценностный стержень, который духовно укрепляет человека и целый народ. Именно ценностные отношения определяют глубинные основы народной жизни. Ядром этих отношений явля-

ются собственно духовные ценности, которые, в свою очередь, по-особому преломляются в характере народа, образуя уникальный мир ценностей российской духовности.

Современная попытка преобразовать жизнь в России базируется на идее прогресса, понимаемого как движение человечества по единому пути и в одном направлении; и этот путь есть путь европейской цивилизации. Происходит абсолютизация пути, пройденного Европой, – пути формирования «естественного права» человека на эгоизм, «войны против всех» (Гоббс). Но этот путь, при всей выразительности его успехов в деле повышения материального благосостояния, чреват громадными духовными потерями. Несет он и другую угрозу: «Идеологические воздействия иного этноса на неподготовленных неофитов действует подобно вирусным инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму. То, что на родине рассматривается как обратимое и несущественное отклонение от нормы, губит целые этносы, неподготовленные к сопротивлению чужим завлекательным и опьяняющим идеям» [4].

«Можно попытаться войти в круг цивилизованных народов, в чужой супер-этнос, – отмечал Л. Н. Гумилев, – но ничего не дается даром. Надо осознавать, что ценой присоединения в любом случае будет отказ от отечественных традиций, нравственности, иерархии ценностей и последующая культурная ассимиляция» [5].

Анализ преобразований, происходящих в российском обществе, показывает, что в основе этих изменений лежит четкая система ценностей, вполне понятных и естественных для западной цивилизации, но исторически чуждых российской цивилизации. Богатство как идеал западного образа жизни даже сейчас в России с большим трудом воспринимается как ценность для большинства населения. На русской почве произрастают идеи другого порядка – гуманизма и сострадания, любви и милосердия, всечеловечности и соборности.

Единой дороги, по которой идут все народы, нет. У каждого из них свой путь, своя история, свой духовный опыт. Установление общего миропорядка, попытка формирования единого образа жизни, стандартизированной системы нравственных ценностей не может быть оценена позитивно. И потому думается, что России придется выбирать свой, российский путь, который, в том числе, не принесет разрушения души народа, в который естественно «впишутся» исторически создавшийся менталитет народа, его нравственные ориентации и установки.

Сфера образования, как основа мировоззрения, национального самосознания и гражданского воспитания, является источником духовного, нравственного, интеллектуального, культурного и профессионального развития отдельной личности и народа в целом. Сегодня образование в России в результате превалирующего действия тенденции абстрактной универсализации, ведущей к сближению национальных систем образования по функциям, организации и содержанию, равно как и других обстоятельств, стало безнациональным и духовно ослабленным. Системный кризис, охвативший все наше общество, усугубляется кризисом духа, кризисом воспитания, разложением духовных основ самого человека: его воли, мышления, веры, совести. Поиск конструктивных вариантов путей выхода из кризиса связан с ответом на вопрос: есть ли у нас идеи и принципы русского образования, можно ли их сформулировать сегодня или в ближайшее время? Ответ один, и он положительный. Можно выделить три основополагающие идеи: идея соборности, идея национального долга, идея русского космизма – имеющие колоссальный образовательный и воспитательный потенциал, определяющие приоритетные пути духовного становления личности [14].

Устанавливая факт различия воспитательных систем отдельных народов, К. Д. Ушинский отмечает в отечественной системе воспитания отвлеченное подражание иностранным образцам и ее беспомощность [15]. Поэтому воспитание и не могло принести своих плодов, и русский народ по-прежнему в массе своей остается недостаточно образованным.

Современный русский ученый И. Ф. Гончаров справедливо отмечает: «Национальной культуре принадлежит огромная роль в воспитании и духовном становлении человека. Однако характерной чертой отечественного образования является именно культурная неосведомленность, отсутствие кругозора и масштабного знания. Знания о России, ее культуре скупы и неполны. Многим и многим школьникам просто неведомы важнейшие явления русского духа. Общественное сознание также мало уяснило ведущие идеи и особенности родной культуры. “Незнание России посреди России” (Н. В. Гоголь) и есть коренная причина ослабления национального самосознания и размытого национального самоуважения. Не удивительно, что большая часть нашей духовной культуры до сих пор не оценена по достоинству, а культурные ценности, известные нам, не стали достоянием выпускников образовательных учреждений» [3].

В основу национальной системы воспитания, на наш взгляд, должен быть положен принцип, составляющий отличительную особенность народа, который, следовательно, должен стать целью воспитательной деятельности в школе. Свое суждение относительно цели русского образования с гениальной глубиной высказал И. А. Ильин: «Россия встанет во весь рост только через воспитание в народе духовного характера... Идея воспитания духовного характера должна стать и станет ведущей идеей, программой, мерой» [8].

Духовно определяющее начало отечественной школы, ее почва, живой корень — это русское православие, которое должно быть внесено во все источники развития подрастающего поколения. Традиции подлинного образования в России изначально связаны с православием. Вспомним слова великого Н. В. Гоголя о православии: «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии...» [2]. Ядром, стержнем отечественной новой школы, укрепленной национальными корнями, является русская культура в широком значении. Чтобы преобразовать наше общество — необразованное в глубине, необходимо реализовать принцип всестороннего освоения религиозной и светской культуры, единства и взаимодействия современной науки и русского православия. Без признания равноправия религиозной и светской культур, совмещения, интеграции, синтеза, взаимопроникновения православной веры и светского знания не преодолеть негативных тенденций в системе отечественного образования, духовного кризиса в нашем обществе.

Сегодня очевидно, что оздоровление государственного бытия немислимо без консолидации общественного мировоззрения, что становится возможным лишь в рамках ясной и понятной национально-государственной идеологии, которая должна содержать в себе фундаментальные нравственные ценности и моральные ориентиры, идеалы народного бытия. Эти идеалы неизменно коренятся в религиозной сфере человеческого сознания, ибо именно религия претендует на то, что хранит в себе абсолютную Истину. Она отвечает на вопросы о добре и зле, добродетелях и пороках, смысле жизни человека. Дух православия есть дух целомудрия, нестяжания, кротости, покаяния, смирения и любви. Лишая себя таких духовных опор, общество лишается человеческих качеств, веры и здравого смысла.

Кризисное положение общества, и школы в частности, является следствием многих сложных причин, важнейшие из которых — духовная ослабленность народа и обеднение его творческого потенциала.

Налицо нехватка самобытных, дальновидных, оригинальных людей с достаточно высоким творческим потенциалом, развитым интеллектом, наделенных нравственными силами. Как следствие – снижение творческого потенциала общества, который в ближайшее десятилетие может упасть до отметки, с которой начинается его интеллектуальная деградация.

Антиинтеллектуальные факторы в обществе сегодня значительно усугублены и активизированы. В сегодняшней России на фоне декларируемой свободы слова личность, ее интеллект подавляются так же, как и в тоталитарные времена. Единомыслие ежедневно насаждается через систему ценностей, навязываемых молодежи всей системой средств массовой информации. Качественное отличие нынешней глобализации от предыдущего периода развития цивилизации состоит в том, что впервые объектом человеческой деятельности стало формирование и изменение сознания. Информационные источники крайне отрицательно действуют на сознание и подсознание, чувства, воображение подрастающего поколения. Результаты подобного манипулирования сознанием – отключение здравого смысла, разума, подавление логического мышления, самостоятельности ума, повышение внушаемости.

Многие психологи, философы, деятели науки, культуры, педагоги отмечают необходимость кардинального изменения современной образовательной системы, находящейся в глубоком кризисе. Современное образование не ведет ученика к самобытности, не готовит к творческому развитию, но, самое главное, не ориентирует его на всестороннее развитие личности.

Взросшие требования к использованию интеллектуальных ресурсов обусловлены прогрессирующей в последнее время динамичностью ситуации в обществе. Время требует адекватной реакции на изменяющиеся условия и активизации необходимых для достижения продуктивных результатов потенциалов личности. В наибольшей степени этими способностями обладает творческая личность.

Наш народ богато одарен от природы художественно, интеллектуально, религиозно. Но за всю историю его существования у него не было школы полноценного умственного воспитания. Отсюда на одном полюсе – общепризнанная, величайшая мудрость, породившая не только великую гуманитарную культуру, но и культуру точных наук и технических свершений; на другом – много «умственно некавалифицированной массы» (И. П. Павлов), природный ум которой не усовершенствован культурой воспитания, строгим познавательным трудом. Россия, блистая гениями во всех сферах духовной культуры, никогда не имела достойного качества жизни, не обладала совершенной технологией труда, обустроенностью быта. Разрыв между уровнем развития культуры и уровнем цивилизации накладывал свой отпечаток на интеллектуальный и духовный облик личности.

В то время как в экономически развитом мире интеллектуальный потенциал признан основным, в отечественном образовании усиливается тенденция снижения качества образования и ослабление интеллектуального потенциала наших школьников.

Согласно международным исследованиям, Россия занимает 52-е место в мире по уровню естественнонаучных знаний школьников. Качественный анализ результатов исследования показывает неспособность детей самостоятельно мыслить [9]. По данным международного исследования PISA-2003 (40 стран-участников), по уровню математической грамотности российские школьники занимают 29–31 место. По уровню компетентности в решении проблем школьники России оказались на 25–30 месте (лидеры – Корея, Гонконг, Финляндия, аутсайдеры – Индонезия, Бразилия, Тунис) [10]. В исследо-

ваниях, проведенных научными коллективами М. Мартина, Р. Линна (Великобритания) в 46 странах мира (2004), было обнаружено сходство показателей национального интеллекта (IQ) с показателями математических и естественнонаучных достижений 15-летних школьников. Был установлен факт высокой корреляции интеллекта с математическими и естественнонаучными способностями. При среднем показателе национального IQ 100 баллов Россия ранжируется на уровне 97 баллов [11].

На заседании Государственной думы Федерального собрания РФ в апреле 2009 года министр образования и науки РФ А. А. Фурсенко отметил катастрофическое снижение уровня и качества образования в России за последние 15 лет.

Проблема умственного воспитания школьников все еще остается нерешенной. Более того, реальный учебный процесс в школе противоречит объективным законам процесса познания. Знания учащимися усваиваются в «готовом» виде, что не соотнобразуется с законами психического, в частности умственного, развития.

Ум совершенствуется более медленными темпами, чем другие высокие человеческие качества. Учитывать следует и объективный процесс необратимого угасания возможностей эффективного развития личности. Здесь важно не опоздать с началом и обеспечить учащимся необходимые стимулирующие условия для умственного развития.

Таким образом, первостепенная социально-педагогическая задача – кардинальное преобразование умственного воспитания школьников путем качественного обучения и воспитания. Развитие ума должно стать одной из приоритетных целей современной русской школы.

Духовная основа развития образования требует освоения новой парадигмы педагогической деятельности. Речь идет, в первую очередь, о духовно-нравственном облике и масштабе личности самого педагога-профессионала, специалиста высокой общей и гуманитарно-педагогической культуры, трансформируемой в культуру мышления, действия, развития духовных сил и интеллектуально-творческих способностей учащихся.

В заключение отметим: будущее отечественного образования неразрывно связано с развитием русской национальной школы, воспитательно-образовательный процесс которой направлен на духовное, нравственное и интеллектуальное развитие учащихся в свете национальных культурных ценностей и идеалов, на формирование национального самосознания, опирающегося на духовные традиции России. Полноценное умственное воспитание, приоритет духовных ценностей, легитимность религиозного мировоззрения, опора на великую русскую культуру с ее ценностями и традициями – ведущие ориентиры современного отечественного образования, конечный обобщенный результат которого состоит в духовном становлении человека и русского народа в целом.

Примечания

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: АСТ, 2003.
2. Гоголь Н. В. Предсмертные записки // Духовная проза. – М.: Русская книга, 1992. – С. 443.
3. Гончаров И. Ф. Русская современная школа (Концепция): пособие для создателей русской школы. – СПб., 1998. – 76 с.
4. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. – М.: Рольф, 2001. – С. 183.
5. Гумилев Л. Н. От Руси до России. – М.: Сварог и К, 1998. – 336 с.
6. Достоевский Ф. М. Пушкинская речь // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. – Л.: Наука, 1984. – Т. 26.

7. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1993. – С. 131.
8. Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего. – Новосибирск: Русский архив, 1991. – С. 8–12.
9. Ковалева Л. С. Состояние российского образования // Педагогика. – 2001. – № 2.
10. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов общего образования: проект / под ред. А. М. Кондакова, А. А. Кузнецова. – М.: Просвещение, 2008.
11. Линн Р. Интеллект и экономическое развитие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – Т. 5. – 2008. – № 2. – С. 89–108.
12. Павлов И. П. О русском уме // Рефлекс свободы. – СПб.: Питер, 2001. – 432 с.
13. Соловьев В. С. Идея сверхчеловека: в 2 т. – М., 1998. – Т. 2.
14. Сорока-Росинский В. Н. Путь русской национальной школы // Педагогические сочинения. – М., 1991.
15. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 2.
16. Человек и духовно-культурные основы возрождения России [Текст] / под ред. Г. П. Выжлецова, В. Т. Пуляева, В. Н. Сагатовского. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 288 с.

Е. А. Гуськова

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Автор статьи рассматривает духовно-нравственный кризис современного общества, его понятийные и практическо-воспитательные аспекты в приложении к проблематике школьного образования.

Ключевые слова: духовность, нравственность, духовный кризис современности, школьное воспитание и образование.

Е. А. Guskova

SPIRITUAL AND MORAL ASPECTS OF RAISING SCHOOL AGE YOUTH

The author examines the spiritual and moral crisis of modern society, its conceptual and practical and educational aspects in the annex to the problems of schooling.

Keywords: concepts of “spirituality”, “morality”, the spiritual crisis of modernity, schooling and education.

В наше время проблема воспитания подрастающего поколения стоит очень остро. Среди причин этого главная состоит в том, что сегодня усиливается разрушение традиционных ценностей. Возникают новые требования к личности и ее социализации, во многом исключая проявления духовности; растет уровень бездуховности, бескультурия, граничащего с невежеством. В рамках глобализации активно навязываются западные идеалы, происходит уничтожение «кода нации». Наблюдается переоценка роли образования и недооценивание роли воспитания подрастающего поколения.

Школа является одним из первых институтов социализации человека, и можно говорить, что на начальном этапе становления личности именно школа напрямую соприкасается и во многом способствует формированию направленности личности.

Духовное развитие, духовность с точки зрения философии рассматривались Н. А. Бердяевым, И. А. Ильиным, В. С. Соловьевым.

Проблемам формирования молодежи огромное внимание уделяли великие педагоги и мыслители К. Д. Ушинский, В. В. Розанов, отстаивающие идею воспитания подрастающего поколения в контексте русских традиций: семья, религия, культура, патриотизм.

Современные ученые И. М. Ильинский, В. А. Руденко, А. И. Осипов, Б. С. Гершунский, А. В. Сиволапов, Ю. А. Чеботарев, А. С. Запесоцкий и ряд других исследователей обосновывают идею воспитания и обучения молодежи в соответствии с российской социокультурной традицией, основанной на духовности, патриотизме, осмыслении культурного наследия России.

В рамках обозначенных проблем, стоящих перед обществом в виде вопросов воспитания молодого поколения, рассмотрим аспекты духовно-нравственного воспитания молодежи школьного возраста.

Воспитание, как указывает Российская социологическая энциклопедия, в педагогическом сообществе – «...это специфическая деятельность взрослого по включению ребенка в конкретные ситуации жизни сообщества, формированию условий для его внутреннего развития – осуществлению самовоспитания. В воспитании происходит дифференциация систем ценностей, признание традиционных или выработка новых» [9]. Нравственное воспитание определяется как «особая форма многогранного процесса развития человека: сознательное и систематическое культивирование общечеловеческих нравственных качеств, организуемое и направляемое освоение моральных ценностей, формирование способностей жить согласно нормам и принципам морали с целью воплощения их в практической деятельности» [9].

Понятие нравственности в духовном и светском понимании несколько различны. С точки зрения школьной программы, нравственность определяется как поведение человека, которое формирует среда обитания и моральные нормы, одновременно из нравственности постепенно вырастает мораль. Мораль формирует идеал, в основе которого лежит «...всеобщее духовное единение людей. Духовное единство людей достигается только через соблюдение принципов и норм морали» [1, с. 138]. Таким образом, в учебнике не прослеживается четкое толкование понятий «мораль», «нравственность», «духовность». Профессор Московской духовной академии А. И. Осипов определяет нравственность как «верное наше отношение к окружающему миру, природе, ценностям», в котором действует принцип «...не делай другому того, чего не желаешь себе» [5]. Нравственность, по его мнению, выступает с точки зрения очевидных норм, оценка нравственности происходит по тому, чем интересуется человек. Духовность же трактуется как то, что является направляющей силой, мотивом при совершении того или иного поступка. С точки зрения А. И. Осипова, можно быть нравственным поэтом, но бездуховным человеком; обладать безупречной нравственностью, но проявлять полную бездуховность.

Духовность в общем смысле определяется как совокупность проявлений духа в мире и человеке. В социологии, культурологии, публицистике «духовностью» часто называют «объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. В рамках такого подхода проекция духовности

в индивидуальное сознание называется совестью, ...укрепление духовности осуществляется в процессе проповеди, просвещения, идейно-воспитательной или патриотической работы» [9].

Система образования сегодня призвана содействовать социализации личности, влияя на духовный облик молодого человека. Многие ученые разделяют мнение, что одной из важнейших проблем социализации является депатриотизация российского образования как проявление дефицита духовности. Адаптированность молодого человека школьного возраста к взрослой жизни предполагает умение приспособиться и влиться в предлагаемые условия, при этом одно из первых мест в системе ценностей занимает успешность. Успешность, как правило, измеряется работой в денежном эквиваленте. Во многих учебниках проходит мысль: успешен, если

- а) высокое положение в обществе;
- б) достаточный материальный статус;
- в) высокое образование и престижная профессия.

Для достижения этих целей возможны, допустимы любые средства.

Аналогичные взгляды формируются в семье. Рождение и становление личности ребенка происходит в семье, где основными ценностями являются деньги, власть, достижение цели любой ценой, приспособленчество. Да, мир сегодня изменился, и приходится много думать о хлебе, о деньгах. Здесь возникает проблема: родители не воспитывают своих детей, отдавая это право в лучшем случае школе (хотя авторитет семьи первичен), в худшем случае ребенок воспитывается сам. Однако школа при своей устремленности воспитать молодого человека не может дать ребенку внимание, любовь. Незаменимость семьи укоренена в самом ее естестве. В. Розанов так объясняет установленный порядок вещей: «Тайны гроба и жизни полнее, целостнее, ярче открыты женщине, она их преимущественная хранительница; и то, что еще к ней примыкает, – семья может быть полна еще смыслом этих таинств, когда все вокруг его утратили. Мы возвращаемся к школе – разве она теряла ребенка? Вымаливала его жизнь, скажем, не у Бога, а хотя бы у “природы”? Может ли, умеет ли, если бы даже хотела, она молиться так горячо, страстно, так бояться Бога, как семья, и даже такая, в которой нет “Катехизиса”? [8, с. 134] Далее Розанов делает вывод, что «...школа дает только посох человеку, которого формирует семья» [8, с. 134]. Согласно А. Маслоу, у истоков отклоняющегося поведения лежит дефицит отношений привязанности с другими, чувство одиночества, ненужности, что ведет к апатии, отчуждению, цинизму, безответственности. Эти качества «расцветают» в ребенке, когда семья освобождает себя от его воспитания. Как результат, мы видим безразличных, обозленных, циничных молодых людей, которые невосприимчивы к принятию и пониманию культуры, высоких нравственных идеалов. Особенно хотелось бы отметить воспитание современных девочек. Во многих семьях основные установки воспитательного процесса сводятся к следующему: брать от жизни все, пока молодая; добиваться достижения цели – любой ценой, при этом о качествах девочки речь не идет. Отсюда идет отмена таких понятий нравственности, как скромность, чистота, стыд, целомудрие. Как отмечал В. Соловьев, «Чувство стыда есть уже фактически безусловное отличие человека от низшей природы. Стыдясь своих природных влечений и функций, человек тем самым показывает, что он не есть только это природное материальное существо, а еще нечто другое и высшее... Здесь охраняется не материальное благополучие субъекта, а его высшее человеческое достоинство, ...не охраняется, а свидетельствует, что оно еще сохранено в глубине существа. Бесстыдство и безжалостность

в корне подрывают его нравственный характер...» [цит. по: 7]. Далее появляется новая проблема: девочки не хотят становиться женами и матерями, так как видят в этом «ущемление своих прав».

Сожительство в так называемом «гражданском браке» становится нормой. В семейной жизни такой модели взаимоотношения между супругами часто сводятся только к извлечению выгоды. Видоизменилась и родительская любовь по отношению к детям: проявление нежности, любви, ласки, внимания заменяется поверхностным «сыт – обут – одет» в сочетании с «мне некогда» до проявления жестокости, подчеркнутого безразличия.

Распад семьи – ситуация глубочайшего стресса для ребенка, сочетающегося с чувством необъяснимой вины и боли, которое порождает опять же тревогу, отчуждение, апатию. Все вышеназванные моменты, в конечном счете, ведут к ярко выраженным нарушениям в нравственной сфере, игнорированию социальных правил, пренебрежительному отношению к моральным ценностям. Таким образом, получается порочный круг, из которого необходимо искать выход.

Насаждаемая «рыночная идеология» воспитывает чрезмерную заботу о собственном престиже. «Рыночная» составляющая в школьном образовании, как нам представляется, не всегда играет положительную роль. Внедрение новой оплаты труда во многом сводит деятельность учителя к зарабатыванию «бонусов». В данной ситуации ребенок выступает как «объект воздействия». Применение новых технологий, безусловно, облегчает труд педагога, но часто приводит к тому, что учитель совершенствует свою профессиональную деятельность, отрабатывая свои навыки работы с новой техникой и забывая о своем основном «предмете». Происходит упрощение и без того не очень глубоких отношений между ребенком и педагогом. И здесь маленький человек получается лишним. Он чувствует казенщину, бюрократизм и ...лицемерие со стороны взрослых и школы в частности. Таким образом, существующая система образования не производит ценности, которые формируют нравственность и способствуют нравственному развитию личности. Реализуя коммерческие цели и шлифуя свой профессиональный рост, педагоги утратили способность трудиться самоотверженно, а ведь личный пример учителя, который должен являться образцом нравственности и духовности, как указывал К. Д. Ушинский: «...это плодотворный луч солнца для молодой души, который ничем заменить невозможно» [цит. по: 4].

Повсеместная компьютеризация, владение новой техникой сегодня вытесняет духовно-ценностное измерение, способствует формированию новых нравственных установок в среде обучающихся: школьники практически перестали читать. Произведения школьной программы изучают в сокращенном или электронном варианте. Среди молодежи успешно внедряется «новая форма» общения – переписка через Интернет. При общепризнанной загруженности учащихся компьютер занимает одно из ведущих мест в формах проведения досуга. Кажущаяся в данном случае глобализация ведет к упрощению развития ребенка, утилизации его сознания, невосприятию культурного фона, низкому уровню общекультурной подготовки, падению грамотности. В то время, как культура, по определению Д. С. Лихачева, – «...огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих огромное пространство, из просто населения – народом, нацией» [цит. по: 6], процессы глобализации, нивелирование межпространственных рубежей выступают как возможность унифицирования людей; стирание этнической самоидентификации способствует размыванию таких характеристик, как национальность, дела-

ет невозможным причислять себя к той или иной культуре, народу. Копирование европейской системы ценностей и ее полное восприятие ведет к незнанию и разрушению собственных традиций. В XIX веке К. Д. Ушинский отмечал, что «характер и направленность общественного воспитания является продуктом длительного развития нации, который нельзя заимствовать у других народов» [11]. В. Розанов, развивая свои идеи, говорил о том, что «вне традиций своего народа, вне смысла своей религии, вне целого движения двухтысячелетней истории гражданин, отовсюду изгнанный, образовал идею нового гражданина, фикцию, которая могла бы заключать его общественный договор» [цит. по: 3]. В данном случае мы можем говорить об идее интернационализации и глобализации. Согласно системе нравственного воспитания, предложенной К. Д. Ушинским, «...воспитание патриотизма, беззаветной, деятельной любви к родине занимает в системе нравственного воспитания главное место в соответствии с основой всей педагогической системы – народностью. Любовь к Родине – наиболее сильное чувство человека, которое при общей гибели всего святого и благородного гибнет в дурном человеке последним», «мы смело высказываем убеждение, что влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями» [цит. по: 4].

Игнорирование духовных оснований национальной культуры, отсутствие патриотизма, слепое следование идеалам европейской цивилизации неизбежно ведет к утрате российским обществом способности сохранять свои жизненно важные параметры. Переориентация воспитательной деятельности на идеалы индивидуализма и самодостаточности России принесло не укрепление, а снижение ценности трудовой деятельности, патриотизма, нравственности, духовности, справедливости.

Какое будущее ожидает Россию? Здесь можно процитировать Аллена Даллеса, одного из идеологов «холодной войны», который четко выразил цели и задачи США в то время: «Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить... Мы будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать, таким образом, поколение за поколением. Мы будем драться за людей с детских лет. Главную ставку будем делать на молодежь. Станем разлагать, развращать, растлевать их. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов» [цит. по: 2].

Цель таких действий в идеологическом аспекте ясно выразил Г. Киссинджер: «...Новая история... не что иное как завершающий этап холодной войны, цель которого расчленение России. С побежденными церемониться не стоит» [цит. по: 2]. Известный геополитик З. Бжезинский декларирует, что «новый мировой порядок, гегемония США создаются против России, за счет России и на обломках России» [цит. по: 2].

Россия – великое государство, богатое не только культурой, но и недрами, территориями. Сильная, могучая Россия на Западе не нужна. Мощная преграда для любых притязаний – это ее народ. От качеств народа, нации зависит судьба страны, ее суверенитета.

Примечания

1. Ведение в обществознание: учеб. пособие для 8–9 кл. общеобразовательных учреждений / под ред. Л. Н. Боголюбова. – М.: Просвещение, 2008. – 270 с.
2. Ильинский И. М. Вызовы XXI века // Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков: материалы международных конференций, Москва 18–19 ноября 2000 г. – М.: Социум, 2001. – С. 16–26.

3. Розанов В. В. История школы // История российского образования. – Режим доступа: www.vestnik.edu.ru/rosanov05.html
4. Константинов Н. А., Медынский Е. И., Шабаетова М. Ф. История педагогики. – М.: Просвещение, 1982.
5. Осипов А. И. Нравственность и духовность. Фрагмент лекции. Искажения христианства. – Режим доступа: <http://azbyka.ru>.
6. Пивоваров Б. Актуальность духовно-нравственного воспитания в школе: доклад // Выступление на пленарном заседании съезда работников образования Новосибирской области, Новосибирск, август 2009 г. – Режим доступа: <http://www.orhedu.ru>
7. Парошина Р. А. Духовно-нравственное становление современного молодого человека. – Режим доступа: http://oozv.narod.ru/nauka/paroshina_ped_problema.
8. Розанов В. В. Сумерки просвещения. – М.: Педагогика, 1990. – 624 с.
9. Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. – М., 1998.
10. Руденко В. А. Образование и духовность в современном российском обществе: факторы и вектор диспозиции в процессе системных реформ: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. – Режим доступа: http://delist.ru/article/1504_2007_rudenkova/page2.html.
11. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. – М.: Педагогика, 1990. – Т. 1. – 416 с.

Е. А. Ильченко

ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Автор статьи описывает свой методический опыт преподавания курса «Православная культура».

Ключевые слова: курс «Православная культура», организация и методика преподавания.

Е. А. Ilchenko

EFFECT OF ORTHODOX CULTURES ON THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS

The author describes his methodological experience of teaching the course "Orthodox culture".

Keywords: course "Orthodox Culture", organization and methods of teaching.

*Моя православная мудрая Родина,
К истокам твоим устремлюсь...*

С 1999 года во многих регионах России, в том числе и в Кемеровской области, широкое распространение получило преподавание факультативного курса «Основы православной культуры», «Основы православия», «Традиции русской православной семьи», «Православная этика».

Практика ведения занятий по программе «Православная культура» подтвердила, что интерес к данной теме со стороны как учащихся, так и родителей за это время не ослаб, а существует стабильная тенденция к его росту.

Особенно актуальным стал вопрос изучения традиций православной культуры в связи с обновлением содержания образования, развитием воспитательной функции образовательных учреждений в новых социокультурных условиях. Это выражается в педагогической практике интеграции знаний о православной культуре в учебно-воспитательной деятельности образовательных учреждений. Без знания основ православной культуры и традиций учащимся многое непонятно при изучении литературы, истории, мировой художественной культуры, обществознания, так как в современные учебники включен материал по библейской истории, православной художественной культуре, истории Русской православной церкви. Для многих российских школьников становятся традиционными праздники Рождества, Пасхи, Дня славянской письменности и культуры, дни памяти российских святых.

Поэтому целью реализации нашей программы «Православная культура» стало приобщение детей и молодежи к православным культурным ценностям, которые необходимы для формирования гражданина, интегрированного в современное российское общество, в пространство национальной и мировой культуры.

Эта программа знакомит с культуuroбразующей ролью православия, подчеркивая его культурологический, а не религиоведческий аспект, и рассчитана на обучающихся среднего школьного звена основной и средней школы. Для более успешной реализации данной программы может быть использован учебник «Основы православной культуры» А. В. Бородиной.

Немаловажными условиями является наличие тематически оформленного учебного кабинета, богатого аудио- и видеоматериалами, комплекта икон, иллюстраций и репродукций духовной живописи. Для расширения знаний обучающиеся посещают индивидуально-групповые занятия по нашей программе «Православное краеведение». Сегодня ключевой характеристикой образования становится не только передача знаний и технологий, но и формирование творческих компетентностей, готовности к переобучению. Это и актуализирует социальный заказ по обучению современных школьников исследовательской деятельности. Понимание этого подводит нас к необходимости включения программ по организации исследовательской деятельности в образовательный маршрут обучающихся.

Краеведение открывает широкие возможности для самостоятельной деятельности учеников, для поиска, исследования и даже небольшого открытия. Православное краеведение – один из источников знаний о родном крае, его православных истории и традициях. Оно знакомит со святыми и святынями своего края, помогает уяснить неразрывную связь, единство истории каждого города с историей области и государства.

Особенностью программы «Православное краеведение» является развитие исследовательских способностей обучающихся на основе использования источников и объектов православного краеведения, которое реализуется в уникальных возможностях сочетания теории и практики. Данная программа включает в себя теоретическую и практическую части, так как большую часть времени необходимо отводить на практические занятия, где основное внимание уделяется закреплению методов работы юного православного краеведа-исследователя. Они формируют навыки поисковой и исследовательской деятельности

через подготовку рефератов и учебно-исследовательских проектов, таких как «Собор сибирских святых», «Возрождение православия в Кузбассе», «Традиции православия в государственной символике Российской Федерации», «Храм – “покров и защита” Кузбасса и Киселевска». С этими работами они выступают на Православных чтениях, городской краеведческой конференции «Люби, знай и помни», областной конференции «Живи, Кузнецкая земля!», всероссийских конференциях.

Результатом такой работы стало исследование о том, что благодаря появлению храмового комплекса в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница» и храма в честь святого благоверного князя Александра Невского наш город стал символически защищен четырьмя храмами со всех сторон света. Далее места нахождения храмов, обозначенные на карте города Киселевска, соединили линиями, которые образовали «крест» – это дало нам возможность сделать вывод, что наш город находится под «покровом и защитой» Богородицы и святых, под их «крестным знаменем». В центре этого «креста» расположен район шахты № 12, самой старой шахты города Киселевска. Именно рядом с комбинатом этой шахты в августе 2006 года была открыта часовня святой Варвары, покровительницы шахтерского труда, в память о погибших шахтерах нашего города.

Одним из результатов совместной деятельности с обучающимися стала разработанная экскурсия во все храмы города Киселевска под названием «Мой православный Киселевск», которая успешно используется для посещения горожан и гостей города. Материалы о работе регулярно предоставляются к печати в редакцию городских газет «Киселевские вести», «В бой за уголь», приложение «Под сенью православия».

Важнейшая задача, которую ставит перед нами модернизация образования, – формирование будущей профессиональной элиты, выявление и поддержка наиболее одаренных и талантливых детей и молодежи. Образовательные учреждения на достаточно высоком уровне должны обеспечивать и допрофессиональную подготовку своих воспитанников по разным направлениям деятельности.

На основе программы «Православная культура» был составлен курс предпрофильной подготовки «Золотые купола» и «Родные святыни» для обучающихся старших классов, по окончании которого им выдается свидетельство. Данные предпрофильные курсы организуются с целью знакомства со святынями православного мира и приобщения учеников к православным культурным ценностям для формирования граждан, интегрированных в современное российское общество, в пространство мировой и национальной культуры. Знакомство с истоками православных традиций и интеграция обучающихся в культурное пространство России способствует их подготовке к профессиональной деятельности в обществе.

В отношении к содержанию базового гуманитарного образования изучение православных традиций является расширением историко-обществоведческого, филологического и искусствоведческого образования. Такая работа не только влияет на духовно-нравственный уровень обучающихся, но и способствует выбору профессии и определению их жизненного пути.

Знакомство с православной культурой органично вливается в реализацию программы духовно-нравственного воспитания и образования нашего города, которая утверждается ежегодно после подписания в мае 2000 года Договора о совместной научно-педагогической и культурно-просветительской деятельности управления образования администрации города Киселевска и Кемеровской и Новокузнецкой епархии РПЦ. За это время

педагоги города дважды прошли курсы повышения квалификации при Центре духовно-нравственного воспитания и образования ИПК Новокузнецка по темам «Преподавание “Основ православной культуры” в общеобразовательной школе» и «Традиции русской православной семьи».

Опыт работы по данному направлению распространяется среди образовательных учреждений через работу методического объединения и ежегодных городских семинаров-практикумов. А образовательные учреждения «Начальная школа – детский сад № 62» и «Средняя школа № 27» являлись участниками регионального эксперимента по проблеме «Формирование единого образовательного пространства на этнокультурной основе», опыт работы которого обобщен и освещен в сборнике.

Особое внимание уделяется духовно-нравственному воспитанию в сиротских учреждениях. Можно отметить работу «Детского дома № 1», педагогами которого была составлена программа «Истоки» по формированию духовно-нравственных ориентиров личности и социальной адаптации детей-сирот в обществе. Регулярно для воспитанников проводятся встречи со священником и службы в домовом храме, таким образом, в городе имеются все типы учреждений, на базе которых организована работа по духовно-нравственному просвещению воспитанников.

Осознанной необходимостью стало проведение курсовой подготовки для всех заместителей директоров по воспитательной работе по проблеме «Организация воспитательной работы в образовательном учреждении на этнокультурной основе», так как в городе ежегодно проводятся мероприятия с участием всех образовательных учреждений: уже 9 лет проходит фестиваль детских коллективов «Рождественская звезда», конкурсы творческих и фоторабот «Пасхальная открытка», фестивали духовной музыки и Дни славянской письменности и культуры, конкурсы сочинений и викторины, посвященные различным датам.

Все это доказывает, что данное направление востребовано учениками, педагогами и родителями. Так, например, традиционно в проводимом городском праздновании Дня славянской письменности и культуры в 2009 году приняли участие в различных мероприятиях более восьми тысяч обучающихся. В образовательных учреждениях прошли общешкольные праздники, тематические классные часы, литературные встречи и гостиные, викторины, конкурсы сочинений и рисунков, кинопоказы, выставки, экскурсии в храмы. А на городской конкурс-выставку рисунков обучающихся «Светлая Пасхалия», посвященный Светлому Христову Воскресению, в 2010 году было представлено 140 работ из 19 образовательных учреждения Киселевска. С большим желанием откликнулись образовательные учреждения на призыв о новом празднике – Дне православной книги, проводимом с 2010 года 14 марта. В рамках празднования было проведено 80 мероприятий для обучающихся, педагогов и родителей, связанных с разъяснением содержания и значения православной книги, в которых приняли участие более пяти тысяч обучающихся.

В 2010 году, в канун празднования 65-летия Великой Победы, предполагаются встречи со священником для беседы с обучающимися по теме «Роль Русской православной церкви в Великой Отечественной войне».

Следует отметить, что духовно-нравственное воспитание в нашем городе начинается не только с детей, а с их родителей. С 2001 года в городе работает городской клуб «Счастливая семья» для педагогов и родителей. Его деятельность направлена на зна-

комство с православным взглядом на жизнь семьи и восстановление приоритета высших духовных интересов и ценностей над материальными. Постоянными членами клуба являются Благочинный Киселевского округа, представители управления образования и социальной защиты, врачи, психологи. Тематика заседаний различна: «Когда семья счастлива», «Нам все можно, но не все полезно», «Целомудрие и телегония», «Все ли игры и игрушки полезны нашим детям».

В последнее время особое внимание уделяется проблеме религиозной безопасности. Во избежание проникновения религиозных объединений и экстремистских группировок в образовательное пространство города чаще стали проводиться лектории, классные часы, беседы с обучающимися, педагогами и родителями по данному вопросу с приглашением специалистов, на которых подробно рассказывается о сектах, активно действующих на территории Сибири и Кемеровской области.

Таким образом, видно, что работа в нашем городе по формированию духовно-нравственных качеств обучающихся отвечает Национальной доктрине образования РФ, где подчеркивается, что «система образования призвана обеспечить историческую преемственность поколений и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию России».

Руководители образования всех уровней должны понимать, что бюджетные затраты на духовно-нравственное воспитание и образование детей являются долгосрочными инвестициями в будущее развитие российского общества и государства, в их кадровый, интеллектуальный, научно-технический, творческий и культурный потенциалы.

Примечания

1. Бородина А. В. Основы православной культуры: учебник для средней и старшей ступени общеобразовательных школ, лицеев, гимназий. – М., 2002. – 256 с.
2. Дунаев М. М. Православие и русская литература. – М.: Христианская литература, 1996. – 319 с.
3. Основы православной культуры: сб. ст. по вопросам отечественной истории и литературы. – Новокузнецк, 2002. – Вып. 1. – 114 с.
4. Примерное содержание образования по учебному предмету «Основы православной культуры»: приложение к Письму МО РФ от 22.10.2002. – М., 2002. – 30 с.
5. Родные святыни: сб. ст. по православному краеведению. – Новокузнецк, 2001–2002. – Вып. 1, 2. – 114 с.
6. Чечель И. Д. Управление исследовательской деятельностью педагога и учащегося в современной школе. – М.: Сентябрь, 1998. – 14 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Г. И. Сбитнева

ПРЕПОДАВАТЕЛИ КАФЕДРЫ ТДК НА ЕЖЕГОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РБА

Российская библиотечная ассоциация (РБА) была образована в 1994 году как ответ на возникшую в библиотечном профессиональном сообществе потребность в объединении усилий для сохранности и развития библиотечного дела в стране. РБА – национальное некоммерческое общественно-профессиональное объединение, ориентированное на интеграцию профессиональной сферы. В РБА представлено большинство регионов и библиотечных сетей, она объединяет лидеров библиотечной профессии. Это наиболее квалифицированные, социально-активные профессионалы библиотек и профессорско-преподавательских кадров. Конференции РБА проходят ежегодно. В 2010 году в г. Томске был организован Всероссийский библиотечный конгресс: XV ежегодная и V отчетно-выборная сессия. Работало 31 секция и 7 круглых столов.

В конференции РБА принимали участие 11 представителей профессорско-преподавательского состава кафедры ТДК, которые выступили с докладами на 6 секциях.

На секции центральных библиотек субъектов Российской Федерации с докладом «Российская библиотечная школа: реакция на вызовы времени» выступила заведующая кафедрой ТДК, доктор педагогических наук, профессор И. С. Пилко. Она охарактеризовала основные положения Болонской декларации и проблемы их внедрения в практику отечественного библиотечного образования, раскрыла суть и определила ключевые понятия компетентностного подхода. По мнению докладчика, в ГОС ВПО третьего поколения по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» компетентностный подход лишь декларирован, а не последовательно реализован. Предложен возможный способ формирования научно-обоснованной компетентностной модели библиотечного специалиста посредством разработки под эгидой РБА отраслевого профессионального стандарта. Определены актуальные направления взаимодействия учебных заведений, территориальных органов управления, работодателей и профессиональной ассоциации по подготовке квалифицированных кадров библиотечно-информационного профиля. Яркий, содержательный доклад вызвал большой интерес у присутствующих, что является свидетельством заинтересованности библиотечного сообщества в наличии квалифицированных кадров.

Доцент кафедры ТДК О. Н. Морева в докладе «Актуализация профессиональных знаний библиотечных специалистов: сотрудничество вузов и библиотек» рассмотрела различные пути обновления профессиональных знаний библиотечных специалистов в условиях современного вуза, представила опыт работы кафедры технологии документальных коммуникаций КемГУКИ в системе повышения квалификации библиотечных работников. Преимуществами высшей библиотечной школы на рынке дополнительного библиотечного образования являются:

- ✓ хорошо осмысленное и систематически изложенное теоретическое знание по различным вопросам, актуальным для современной библиотечной практики;

- ✓ педагогическое мастерство, которое заключается в умении адаптировать материал под каждую аудиторию слушателей, выбирать оптимальные методы и организационные формы обучения, которые приведут к желаемому результату.

Повышению эффективности сотрудничества кафедры и библиотек по модернизации знаний библиотечных работников может способствовать использование различных форм долгосрочного планирования, поскольку в этом случае и содержательная подготовка будет качественнее, и организационные вопросы могут быть разрешены оптимально, исходя из целей образовательной деятельности.

В докладе доцента кафедры ТДК Г. И. Сбитневой «Студенческие исследования библиотечно-информационной практики» были рассмотрены дипломные исследования студентов заочной формы обучения. Отмечается актуальность тематики студенческих НИР. Особый акцент сделан на дипломные работы, посвященные информационно-телекоммуникационным технологиям. Отдельным готовым информационным продуктом можно считать приложения к дипломным работам.

Результаты НИРС публикуются в сборниках трудов кафедры ТДК («Вузовская наука – библиотечной практике»), ОНБ им. В. Д. Федорова г. Кемерово («Библиотечная жизнь Кузбасса»), в журналах («Библиотечное дело»).

В целях дальнейшего улучшения качества работ кафедрой был подготовлен сборник «Методы информационно-аналитической деятельности». Дипломные работы, подчеркнула Г. И. Сбитнева, несомненно, являются формой участия регионального вуза в решении актуальных проблем практики.

Базами исследования являются ряд библиотек г. Томска, Томской области, г. Красноярска и Красноярского края. Обследовано большинство библиотек г. Кемерово и Кемеровской области. Таким образом, идеология кафедры ТДК распространена не только в Кемеровской области, но и регионе в целом.

В докладе доцента Л. Г. Тараненко «Оценка состояния электронных краеведческих ресурсов региональных и муниципальных библиотек», представленном на секции «Краеведение в современных библиотеках», на примере муниципальных библиотек Кемеровской области, а также Кемеровской ОНБ им. В. Д. Федорова была рассмотрена проблема учета электронных краеведческих ресурсов. В рамках пилотажного исследования на предмет библиографического отражения электронных краеведческих ресурсов проанализированы каталоги и базы данных НТЦ «Информрегистр»; НИЦ «Информкультура»; Российской национальной библиотеки; ГПНТБ СО РАН; Кемеровской ОНБ им. В. Д. Федорова; муниципальных библиотек Кемеровской области. Обнаружено, что при наличии значительного количества центров учета и регистрации полноценного библиографического отражения электронные краеведческие ресурсы не получают. Намечены проблемы в оценке и учете электронных краеведческих ресурсов и предложены пути их решения.

Доцент О. Н. Морева приняла участие в работе секции по формированию библиотечных фондов с докладом «Управление качеством библиотечного фонда». Проблемы обеспечения качества библиотечного фонда рассмотрены с позиций технологического и управленческого подходов. Используются основные идеи концепции всеобщего менеджмента качества (TQM – Total Quality Management), которые адаптированы применительно к управлению библиотечным фондом. Сформулированы потребительские свойства

библиотечного фонда, которые и должны стать показателями его качества. Для их достижения необходимо обеспечить качество исполнения всех технологических процессов формирования фонда, его ресурсной базы, наладить контроль на всех этапах его формирования. Особое внимание следует уделить моделированию фонда, т. е. созданию проекта будущего фонда с качественными параметрами.

Качество фонда сегодня становится ключевой проблемой фондоведения, от решения которой зависит будущее библиотек. Интернет-ресурсы стали мощным и успешно развивающимся конкурентом фондам библиотек, поскольку потребитель предпочитает удобство получения информации. Библиотечным фондам нужно стать более комфортными для своих пользователей.

Доклад был воспринят участниками секции как очень актуальный и содержащий интересные прорывные идеи для современной практики.

На секции кадров библиотечной профессии и непрерывного образования выступили два преподавателя. В докладе «Профессиональные стандарты в библиотечно-информационной деятельности: подходы к разработке» преподавателя О. В. Усольцевой выявлены недостатки квалификационных моделей профессиональной библиотечной деятельности. Для решения сложившихся проблем автор предлагает внедрение в библиотечно-информационную сферу системы профессиональных стандартов. По мнению докладчика, профессиональные стандарты могут стать основой для разработки образовательных стандартов и должностных инструкций. О. В. Усольцева сделала вывод, что профессиональные стандарты являют собой компетентностную модель специалиста, предполагающую выделение квалификационных уровней и необходимых компетенций к ним. Представлен алгоритм формирования профессиональных стандартов и возможное участие членов РБА в его разработке. Приведен перечень трудовых функций и описан способ его разработки. В качестве примера представлен фрагмент профессионального стандарта для специалиста 5 квалификационного уровня библиотечно-информационной деятельности.

В докладе преподавателя кафедры М. Г. Ли «Формирование технологического менталитета библиотечных специалистов средствами компетентностного подхода» были охарактеризованы современные образовательные технологии формирования профессиональных компетенций специалистов библиотечно-информационной сферы и методы их диагностики. Доклад вызвал оживленный интерес аудитории. Участники дискуссии позитивно оценили все подходы, практикуемые на кафедре ТДК.

В докладе студентки 5 курса БИД С. В. Савкиной «Методы оценки качества электронных книжных выставок», представленном на секции «Электронные ресурсы и информационно-библиотечное обслуживание», была рассмотрена проблема оценки качества электронных книжных выставок, охарактеризованы выделенные параметры их оценки и показатели качества. Отражен анализ существующих методов оценки информационных продуктов и услуг. Дана характеристика методов, применение которых возможно для оценки электронных книжных выставок. Приведены результаты апробации разработанной методики оценки качества, проект экспертной системы, позволяющей проводить оценку без участия экспертов.

Библиотекари-практики проявили большой интерес к выступлению С. В. Савкиной и обратились с предложением выступить с докладом по проблеме технологии подготовки электронных книжных выставок на совместном заседании секции «Краеведение в

современных библиотеках» и секции по чтению. В ее докладе «Технология подготовки электронных книжных выставок» был представлен электронный продукт, отражающий алгоритм создания электронных выставок, методические рекомендации по их подготовке и оформлению и нормы времени на технологический процесс. Уделено внимание вопросам оценки качества электронных выставок.

На этой же секции выступила доцент кафедры Л. М. Туева с докладом «Современные трансформации в руководстве чтением», в котором представила теорию и практику руководства чтением как основного вида деятельности библиотеки. Рассмотрен исторический контекст теоретического развития понятия «руководство чтением», связанный с идеологическим видением деятельности библиотек в советский период их развития. Выявлены и убедительно показаны трансформации в содержании руководства чтением на фоне социальных перемен в стране, доказана связь методов и форм руководства чтением с социальными условиями.

Современный период охарактеризован появлением новой идеологии, направленной, с одной стороны, на развлекательное чтение, а с другой – на привлечение внимания властей и общественности к деятельности библиотек с помощью крупных акций и кампаний. Показано использование всего накопленного арсенала форм и методов руководства чтением, а также активное внедрение зарубежного опыта библиотек по привлечению населения к чтению. Обращено внимание на необходимость подготовки самих библиотекарей, начитанных и готовых к ведению индивидуального руководства чтением. Подчеркнуто, что его суть в настоящий период заключается в ориентировании населения в книжной культуре, оказании помощи пользователям в выборе содержания чтения в соответствии с интересами и уровнем читательского развития. Предложено с этой целью составлять небольшие рекомендательные списки литературы от лидеров чтения, авторитетных людей в мире книжной культуры, активно использовать для этих целей компьютерные технологии и возможности сети Интернет.

В докладе А. Ш. Меркуловой и О. Я. Саковой «От библиографического свертывания к аналитическому: опыт подготовки каталогизаторов в вузе», представленном на секции «Автоматизация, форматы и каталогизация», были рассмотрены особенности вузовской подготовки специалистов в сфере аналитико-синтетической переработки информации, дан анализ содержательной подготовки каталогизаторов в средних профессиональных и высших учебных заведениях, выделены общепрофессиональные и специальные компетенции, свойственные специалистам в области аналитико-синтетической переработки информации. Особое внимание уделено системе непрерывного образования специалистов в области аналитико-синтетической переработки информации. В докладе декларируются недостаточные усилия по реализации принципа преемственности образовательного процесса и необходимость выстраивания единой цепочки по подготовке каталогизаторов в системе «ссуз – вуз». Авторами предложено совершенствовать развитие партнерских отношений между вузами, осуществляющими подготовку каталогизаторов, и региональными, а также национальными библиотечно-информационными корпорациями.

Выступления педагогов кафедры ТДК вызвали широкий резонанс среди участников конференции. Отмечался высокий уровень докладов, актуальность тематики, практическая направленность исследований, оригинальность предлагаемых решений. Доклады всех преподавателей были рекомендованы к публикации в ведущих профессиональных изданиях.

Л. Ю. Егле

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО: ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ»**

В марте – апреле 2010 года в Кемеровском государственном университете культуры и искусств проходила межрегиональная студенческая научно-практическая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия», которая ежегодно проводится с целью выявления и активизации творчески одаренной молодежи, способной к научной деятельности в области культуры и искусств.

Для студентов университета культуры и искусств конференция проходила в два этапа. С 22 марта по 5 апреля 2010 года был проведен первый этап работы конференции. В институтах университета была организована внутривузовская работа 36 кафедральных секций. На этом этапе в конференции приняли участие более 470 студентов. По итогам секционных заседаний были определены лучшие студенческие доклады, которые рекомендовались к участию во втором этапе конференции.

23 апреля был проведен второй этап конференции, в работе которого приняли участие 164 докладчика, в том числе студенты из Омска, Томска, Новокузнецка, Красноярска, Ленинска-Кузнецкого и других городов.

На церемонии открытия конференции выступил Женский камерный хор «Академия» (художественный руководитель и главный дирижер доцент И. Шорохова), был представлен фильм об организации научной деятельности в университете «Наука в КемГУКИ».

С приветственным словом к участникам конференции обратилась ректор университета, доктор педагогических наук, профессор Е. Л. Кудрина. Она подчеркнула значимость научно-исследовательской работы студентов для университета, а также отметила, что подобные мероприятия способствуют развитию познавательного интереса к содержанию научных исследований, формированию профессиональной мотивации будущих специалистов, а также овладению студентами методологией научного познания и методикой научных исследований.

Проректор по научной работе, доктор культурологии, профессор В. И. Марков отметил позитивные тенденции в развитии НИРС в университете, рост числа участников и повышение качества исследований, привлечение на конференцию студентов других вузов Западно-Сибирского региона. В выступлении также была отмечена необходимость ориентации на конкретные практические научно-творческие и образовательные проекты, способные стать основой для привлечения внебюджетных средств и создания при вузе малых предприятий.

Начальник научного отдела, кандидат культурологии Л. Ю. Егле подвела итоги вузовского конкурса «Лучший студент Кемеровского государственного университета культуры и искусств» в номинации «Научно-исследовательская работа». Было отмечено, что конкурс проведен по итогам 2008–2009 учебного года. Основная его цель – выявление и поощрение студентов университета, наиболее активно проявивших себя в научно-исследовательской работе. В 2009 году участие в конкурсе приняли студенты большинства специальностей КемГУКИ. Конкурсная комиссия определила победителей, занявших 1, 2, 3 места, и отметила участников конкурса благодарственными письмами. Победите-

ли конкурса награждены дипломами с выделением целевых премий Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Победителями стали: первое место – С. В. Савкина (Институт информационных и библиотечных технологий, БИД – 052), второе место – К. В. Филатова (Институт культуры, СП – 071), третье место – Т. В. Глушкова (Институт культуры, ОНИ – 051). Л. Ю. Егле также отметила, что научно-исследовательская работа студентов является продолжением и углублением учебного процесса в вузе, она неразрывно связана с деятельностью научных школ университета и организуется непосредственно на кафедрах, факультетах, в НИИ и лабораториях. Содержание научно-исследовательской работы студентов определяется основными направлениями научных исследований этих подразделений и соответствует профилю деятельности университета.

Работа 14 секционных заседаний межрегиональной студенческой научно-практической конференции «Культура и искусство: поиски и открытия» была организована в соответствии с основными направлениями работы конференции под руководством ведущих ученых университета: «Формирование информационной культуры личности» (руководитель д-р пед. наук, профессор Н. И. Гендина); «Информационные, образовательные и социокультурные технологии в библиотечно-информационной деятельности» (руководитель д-р пед. наук, профессор И. С. Пилко); «Исследование и разработка информационно-коммуникативных технологий как основа информатизации общества» (руководитель канд. пед. наук, доцент О. И. Алдохина); «Культурология: синтез наук» (руководитель д-р филос. наук, профессор П. И. Балабанов); «Сценическое искусство в современных условиях: проблемы и поиски решения» (руководитель д-р культурологии, профессор Н. Л. Прокопова); «Современные проблемы развития искусства» (руководитель канд. искусствоведения, доцент И. Г. Умнова); «Актуальные проблемы теории и практики психолого-педагогических исследований» (руководитель канд. пед. наук, доцент Л. В. Мирошниченко); «Современные проблемы научных исследований социально-педагогической деятельности в условиях региона» (руководитель канд. пед. наук Л. И. Лазарева); «Историко-культурное наследие и современное общество» (руководитель д-р культурологии, профессор А. М. Кулемзин); «Художественный текст в пространстве культуры» (руководитель канд. филол. наук, доцент А. В. Шунков); «Концептуальные и художественные аспекты визуальных искусств» (руководитель доцент Г. С. Елисеенков); «Актуальные проблемы научных исследований теории и практики социально-культурной деятельности» (руководитель канд. пед. наук, доцент Н. С. Коргожа); «Экономические проблемы социально-культурной сферы» (руководитель канд. эконом. наук, доцент Н. М. Трусова); «Менеджмент в социально-культурной сфере: основные направления деятельности» (руководитель канд. пед. наук, доцент Е. А. Кагакина).

На секционных заседаниях было заслушано более ста докладов, большинство из которых сопровождалось презентациями. В обсуждении докладов приняли активное участие преподаватели и студенты Кемеровского государственного университета культуры и искусств, Омского государственного университета, Кемеровского государственного университета, Кузбасской государственной педагогической академии, Кузбасского государственного технического университета. Выступления затронули широкий спектр проблем, как традиционных для исследований в области культуры и искусства, так и в значительной мере расширяющих представление о ней. Многие доклады вызвали живой интерес и серьезную дискуссию, которая поможет исследователям в их дальнейшей научной работе.

В рамках межрегиональной студенческой научно-практической конференции «Культура и искусство: поиски и открытия» была организована выставка научных изданий библиотеки КемГУКИ «Культура и искусство: поиски и открытия». В Музее истории костюма была проведена X выставка-конкурс студенческих работ по истории костюма.

На закрытии были подведены итоги работы конференции. Участники отметили важность и полезность участия в подобных мероприятиях. Работа над докладами не только позволила получить новые знания в области культуры и искусства, но и помогла в отработке навыков применения этих знаний на практике. Сегодня от выпускников высшей школы требуется, чтобы они не только квалифицированно разбирались в специальных и научных областях знаний, но и умели формировать и защищать свои идеи и предложения. Для этого, прежде всего, необходимо самостоятельно анализировать и обобщать научные факты, явления и информацию. Было отмечено, что студенческая научно-практическая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия» прошла на высоком уровне.

Во время церемонии закрытия конференции были вручены дипломы I, II, III степеней и благодарственные письма студентам, доклады которых получили высокую оценку преподавательской и студенческой аудитории.

В результате работы межрегиональной научно-практической студенческой конференции «Культура и искусство: поиски и открытия» будет издан сборник статей по материалам конференции.

В. Д. Пономарев, М. В. Белозёрова, А. В. Шунков, Е. А. Коваленко

ОТВЕТСТВЕННОЕ СОЗИДАНИЕ ОТЕЧЕСТВА (ИТОГИ ПЕРВОГО ОТКРЫТОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПАСХАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ)

Источником многих бед современного человека является забвение вечных норм нравственности и торжество бездуховности. Невозможно построить счастье человека без нравственного начала, поэтому важно, в какой системе ценностей будет развиваться его личная, семейная и общественная жизнь.

Вековые христианские ценности, традиции, идеалы формировали ядро православной культуры. Это свидетельства и предания о глубоко нравственном и духовно-подвижническом образе жизни, проявлениях любви человека к своему Отечеству. Сознательное наследование этого духовно-нравственного опыта разными поколениями православных людей является основой «ответственного созидания Отечества», которое направлено на общенациональное самосохранение, на внутренний, нравственный ответ вызовам времени.

Министерство культуры Российской Федерации, администрация Кемеровской области, Кемеровский государственный университет культуры и искусств при поддержке департамента культуры и национальной политики Кемеровской области, Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской православной церкви, Новосибирской и Бердской епархии Русской православной церкви, администрации города Кемерово, Международной славянской академии наук (ЗСО) с 23 по 25 мая 2010 года в городе Кемерово провели Первый открытый Международный пасхальный фестиваль православной культуры, мис-

сией которого стала защита нравственного здоровья человека, укрепление духовности, проявление любви к Отечеству и соотечественникам в разных странах, почитание православных святых и духовное единение людей православного мира.

Организаторы и участники фестиваля все усилия по его проведению рассматривали как вклад в будущее для достижения расцвета отечественной культуры, преодоления «утрат» национальной культуры, ее устойчивого существования и развития.

В адрес фестиваля поступило приветствие от имени Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, текст которого мы приводим ниже:

«Участникам I открытого Международного пасхального фестиваля православной культуры (23–25 мая г. Кемерово).

Дорогие участники и гости фестиваля! От имени Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла приветствую всех собравшихся на I пасхальный фестиваль православной культуры, объединивший представителей России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Сегодня перед нашим обществом стоит важнейшая задача – обрести свои духовные, исторические корни. Во многом способствовать этому призвано искусство. Будучи созданным по образу и подобию Божию, человек изначально наделен особым творческим началом, и зачастую искусство способствует развитию и реализации заложенных Господом талантов.

Нынешний Пасхальный фестиваль Кузбасса, преследуя благие цели популяризации православных традиций, позволяет его участникам и зрителям возвыситься над суетностью окружающего мира посредством соприкосновения с различными видами христианского искусства.

Желаю всем вам, дорогие братья и сестры, благословенных успехов, духовной крепости и чистоты помыслов в эти праздничные дни. Пусть проведение фестиваля станет хорошей традицией и способствует возрождению духовных основ в современном обществе.

Управляющий делами Московской патриархии митрополит Саранский и Мордовский Варсонофий».

Первый Международный пасхальный фестиваль православной культуры включал в себя следующие конкурсные и фестивальные события:

- Международный фестиваль-конкурс «Хоровое вече Сибири»
- Фестиваль творчества «Образ мира, в слове явленный»: поэтический фестиваль-конкурс «Пойми, у слова есть душа!», выставка икон «Всех радостей Радость», акция «Чистое слово»
- Круглый стол «Духовность в современном обществе: проблемы и стратегические ориентиры»
- Выставка православной литературы
- Выставка фотографий
- Концерт-гимн церковных звонарей «Звоны над Томью»
- Участие хоровых коллективов в богослужениях в православных соборах и храмах г. Кемерово
- Гала-концерт творческих коллективов, участников фестиваля на площади Знаменского кафедрального собора г. Кемерово.

Международный фестиваль-конкурс «Хоровое вече Сибири» выполнял важные культуротворческие функции формирования условий для межкультурного обмена

на международном уровне, поддержки и развития традиций отечественной исполнительской школы, выявления и пропаганды новых форм вокально-хорового исполнительства, интеграции в сферу музыкальной культуры России исполнителей с ограниченными физическими возможностями.

В первом отборочном (заочном) туре приняли участие более 250 солистов и коллективов из 4 зарубежных стран (США, Болгарии, Латвии, Украины) и разных городов и регионов России – Москвы, Белгорода, Курска, Рубцовска, Норильска, Тюмени, Ямало-Ненецкого АО, Красноярска, Новосибирска, Бийска, Рубцовска, Барнаула, Горно-Алтайска, Нижневартовска, Минусинска, Томска, Иркутска, Кемерово, Новокузнецка, Юрги, Мариинска, Тайги, Киселевска, Прокопьевска, Междуреченска, Белово.

Конкурсные видеоматериалы участников были представлены на «Хоровой Интернет-ассамблее», размещенной на web-странице фестиваля-конкурса сайта Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Участники детской и взрослой возрастных групп соревновались в четырех номинациях – академическое пение, народное пение, хоровой театр и духовная православная музыка. Видеоформат конкурсных соревнований позволил исполнителям с ограниченными физическими возможностями принять участие в конкурсе международного уровня.

В состав жюри фестиваля-конкурса вошли профессиональные музыкальные деятели, российские и зарубежные специалисты в области вокально-хорового исполнительства: И. В. Юдин, заслуженный деятель искусств РФ, народный артист РФ, художественный руководитель камерного хора Новосибирской государственной филармонии, заведующий кафедрой дирижирования Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки (председатель жюри); З. З. Диденко, народная артистка РФ, заведующая кафедрой сольного пения, профессор Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки; О. О. Орлов, заслуженный деятель искусств РФ, народный артист России, заведующий кафедрой режиссуры театрализованных представлений и праздников, доктор культурологии, профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств; К. С. Стрежнев, народный артист РФ, главный режиссер Свердловского государственного академического театра музыкальной комедии, профессор; В. Г. Баулина, заслуженная артистка России, доцент кафедры хорового дирижирования Красноярской государственной академии музыки и театра; О. И. Шабалина, заслуженный деятель искусств РФ, профессор кафедры дирижирования академическим хором Московского государственного университета культуры и искусств; Т. А. Котлярова, заведующая кафедрой народного хорового пения Кемеровского государственного университета культуры и искусств, кандидат культурологии, доцент; Кирилл Попов, протоиерей Софийской св. митрополии Болгарской православной церкви, предстоятель старинного храма Св. Николая Чудотворца, кандидат богословия Московской духовной академии, дирижер, композитор и педагог; В. А. Царегородцев, доцент кафедры хорового и сольного народного пения Российской академии музыки им. Гнесиных; И. В. Шорохова, заведующая кафедрой дирижирования и академического пения, доцент Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

По итогам первого тура вручены 88 золотых, 118 серебряных и 68 бронзовых дипломов. 45 обладателей золотых дипломов приняли участие во втором (очном туре) фестиваля-конкурса 24–25 мая 2010 года и продолжили конкурсные соревнования за право получить звание лауреата и Гран-при фестиваля. 17 сильнейших участников завоевали диплом лауреата. Жюри также присудило денежную премию и специальный приз

«За лучшее исполнение духовной православной музыки». Кроме основных наград, денежными призами также были отмечены 5 обладателей золотых дипломов и 4 лауреата фестиваля-конкурса. Учрежденный организаторами конкурса призовой фонд составил 100 тысяч рублей.

Завершился Международный фестиваль-конкурс «Хоровое вече Сибири» 25 мая 2010 года гала-концертом на площади Знаменского кафедрального собора (г. Кемерово), который дал зрителям уникальную возможность в одном месте услышать лучшие светские, церковные хоры и ансамбли Сибирского федерального округа. Духовная православная музыка, обработки русских народных песен прозвучали в исполнении Камерного хора Новосибирской государственной филармонии (г. Новосибирск), Камерного хора дирижерского факультета Новосибирской государственной консерватории (академии) имени М. И. Глинки (г. Новосибирск), Ансамбля Храма в честь иконы Божией Матери «Знамение Абалацкая» (г. Новосибирск), Академического хора «АХ НЭТИ» ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ (г. Новосибирск), вокального ансамбля «Viva La Musica» Новосибирской государственной консерватории (академии) имени М. И. Глинки (г. Новосибирск), Певческого объединения Новосибирского государственного педагогического университета (г. Новосибирск), Детского камерного хора «Кантилена» (г. Новосибирск), Муниципального академического хора г. Рубцовска, Новокузнецкого муниципального камерного хора, женского камерного хора «Академия» (г. Кемерово), Детского образцового фольклорного ансамбля «Шу-Шу» (п. Шушенское, Красноярский край), ансамбля народной песни «Росы» (г. Томск), ансамбля народной музыки «Любава» (г. Кемерово), ансамбля народной песни «Кудесы» (г. Кемерово).

Сводный хор, а это более 300 участников хоровых коллективов Международного фестиваля-конкурса «Хоровое вече Сибири», стал символом духовной соборности, единения людей православного мира. В его исполнении прозвучали «Монастырский хорал» А. Полетаева на ст. иеромонаха Романа, «Запевка» Г. Свиридова на сл. И. Северянина, «Славься!» М. Глинки.

24 мая 2010 года в художественно-выставочном комплексе Кемеровского государственного университета культуры и искусств состоялась торжественная церемония открытия выставки икон «Всех радостей Радость» художника-прикладника Л. Ф. Казанцевой (г. Красноярск) в рамках Первого открытого Международного пасхального фестиваля православной культуры. Экспозиция икон была организована НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций и кафедрой литературы и русского языка КемГУКИ.

В церемонии открытия приняли участие представители духовенства: Попов Кирилл Атанасов (Республика Болгария), протоиерей Софийской св. митрополии Болгарской православной церкви, предстоятель старинного храма Св. Николая Чудотворца, кандидат богословия Московской духовной академии, дирижер, композитор, педагог; иерей Андрей Мояренко, руководитель отдела религиозного образования и катехизации Кемеровской и Новокузнецкой епархии РПЦ, кандидат богословия; протоиерей отец Александр (Демченко), руководитель отдела культуры Кемеровской и Новокузнецкой епархии РПЦ, а также В. П. Лега, кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой философии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва); В. А. Царегородцев, доцент кафедры хорового и сольного народного пения Российской академии музыки им. Гнесиных, руководитель Народного хора академии имени Гнесиных (г. Москва); З. З. Диденко, народная артистка РФ, заведующая кафедрой сольного пения, профессор Новосибирской государственной консерватории (академии)

им. М. И. Глинка (г. Новосибирск); В. Г. Баулина, заслуженная артистка России, доцент кафедры хорового дирижирования Красноярской государственной академии музыки и театра (г. Красноярск); представители научной и творческой общественности г. Кемерово; студенты КемГУКИ.

В своем приветствии ректор КемГУКИ, доктор педагогических наук, профессор Л. Е. Кудрина акцентировала внимание присутствующих на важности для Кузбасса такого события, как проведение Первого открытого Международного пасхального фестиваля православной культуры, отметив, что духовное воспитание является одной из основ гуманитарного образования студентов. Выставка икон художника-прикладника Л. Ф. Казанцевой «Всех радостей Радость» стала событием и в духовной, и в культурной жизни города Кемерово, т. к. икона в духовной жизни православного человека занимает особое место, а иконы в оформлении Л. Ф. Казанцевой – еще и произведения искусства.

Протоиерей отец Александр (Демченко) приветствовал аудиторию, зачитав обращение Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и епископа Кемеровского и Новокузнецкого Аристарха, управляющего Кемеровской и Новокузнецкой епархией. Был отслужен торжественный молебен.

В ответном слове Л. Ф. Казанцева отметила, что, оформляя оклады православных икон, она свой дар обратила для воссоздания красоты и гармонии мира. По словам художника, икона для нее – «...не только предмет культа, но и произведение искусства, которое должно радовать человека и наполнять его душу особым духовным светом и гармонией незримого мира...».

Л. Ф. Казанцева родилась в 1954 году в Республике Карелия, окончила Красноярский государственный университет, много лет проработала юристом в администрации Красноярского края. Позже она нашла свое настоящее призвание. Человек глубоко верующий, она начала делать оклады для икон.

Л. Ф. Казанцева внесла свой вклад в сохранение и развитие культурного наследия Красноярья, участвовала в городских, краевых, республиканских и международных выставках: в Троице-Сергиевой и Александро-Невской лаврах, Русском культурном центре в Дели (Индия), Левадийском дворце в Крыму и др.

Л. Ф. Казанцева награждена дипломами и почетными грамотами за высокое мастерство в создании произведений, несущих свет и радость людям.

А. В. Шунков, заведующий кафедрой литературы и русского языка КемГУКИ, кандидат филологических наук, доцент, поделился с присутствующими своими впечатлениями о выставке икон «Всех радостей Радость» и проекте «Молитва в цвете, звуке, слове» как попытке синтеза иконописи и поэтического слова, о песенном цикле, написанном по просьбе Л. Ф. Казанцевой к выставке.

На торжественной церемонии открытия выставки икон Л. Ф. Казанцевой «Всех радостей Радость» была показана литературно-музыкальная композиция «Молитва в цвете, звуке, слове», в которой прозвучали стихи и песни Е. А. Мироненко, доцента кафедры литературы и русского языка КемГУКИ, кандидата филологических наук.

Выставка икон привлекла большое внимание общественности города Кемерово. В течение 24–25 мая 2010 года ее посетили студенты, преподаватели, сотрудники КемГУКИ, Кемеровского государственного университета, сотрудники Кемеровского областного краеведческого музея, участники Первого открытого Международного пасхального фестиваля православной культуры из с. Шушенского Красноярского края, г. Новосибирска, прихожане Знаменского кафедрального собора г. Кемерово.

25 мая 2010 года состоялся Открытый поэтический фестиваль-конкурс «Пойми, у слова есть душа!», организованный и проведенный при совместном участии кафедры литературы и русского языка, кафедры культуры и искусства речи Кемеровского государственного университета культуры и искусств и Дома литераторов Кузбасса. Фестиваль-конкурс проводился по двум направлениям: авторское и исполнительское. В состав жюри конкурса вошли известные в Кузбассе поэты, члены Союза писателей России – Ю. И. Минералов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы и славистики Литературного института им. А. М. Горького (г. Москва), член Союза писателей России, литературовед, поэт, критик (председатель жюри); Б. В. Бурмистров, секретарь правления Союза писателей России, председатель Союза писателей Кузбасса, директор Дома литераторов Кузбасса (г. Кемерово), член Союза писателей России, поэт (заместитель председателя жюри); И. А. Куралов, заместитель председателя Союза писателей Кузбасса, главный специалист Дома литераторов Кузбасса, член Союза писателей России, поэт; Л. А. Никонova, почетный работник общего образования Российской Федерации, член Союза писателей России, поэт, руководитель литературных студий «Берег», «Зернышко», «Фесковские литераторы» (г. Новокузнецк); Г. М. Золотаина, член Союза писателей России, руководитель городской литературной студии (г. Ленинск-Кузнецкий); В. С. Еременко, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Кемеровского государственного университета культуры и искусств, поэт; И. Н. Латынникова, главный режиссер Литературного театра «Слово» ГАУК КО «Кемеровская государственная областная филармония им. Б. Т. Штоколова»; Л. В. Пилипчук, генеральный директор ГАУК КО «Кемеровская государственная областная филармония им. Б. Т. Штоколова»; А. В. Шунков, заведующий кафедрой литературы и русского языка Кемеровского государственного университета культуры и искусств, кандидат филологических наук, доцент.

В заключительном этапе конкурса (авторское направление) приняли участие 28 поэтов, среди них – студенты вузов гг. Кемерово, Новокузнецка, Томска, учащиеся общеобразовательных учреждений г. Кемерово, воспитанники дошкольных учреждений г. Кемерово, представители литературных студий гг. Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Топкинского, Ижморского районов и др.

Каждый участник на суд жюри представил три стихотворения по тематическим направлениям, определенным Положением фестиваля: любовная, патриотическая, гражданственная лирика и др. Главным критерием в оценивании авторских работ являлась художественность произведения, выражаемая через богатый образный ряд, использование выразительных средств языка, ритмику, звучание стиха.

В финале конкурса были определены 6 лауреатов, отмеченные особыми дипломами и ценными книжными изданиями Дома литераторов Кузбасса.

Во втором туре конкурса в исполнительском направлении приняли участие 15 студентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Основными критериями оценки в исполнительском направлении явились глубина проникновения в литературный материал, способность выражать словом личные нравственные убеждения, владение разнообразными средствами речевой выразительности. Участники представляли поэтические произведения, содержащие библейские мотивы и образы, а также богослужебные церковные тексты. Жюри присудило золотой, серебряный и Бронзовый дипломы победителям конкурса.

Подводя итоги фестиваля, хочется отметить, что все конкурсные и фестивальные события Первого Международного пасхального фестиваля православной культуры в яркой, выразительной художественной форме раскрывали жизнь общества и человека как наследника лучших традиций отечественной культуры, в основе которой на протяжении столетий лежит православное мировоззрение и дорогие сердцу каждого православного человека духовные образы.

О. Ю. Астахов

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ДУХОВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ»**

24 мая 2010 года в Кемеровском государственном университете культуры и искусств состоялся межрегиональный круглый стол «Духовность в современном российском обществе: проблемы и стратегические ориентиры» в рамках Первого открытого Международного пасхального фестиваля православной культуры, приуроченного к Дню славянской письменности и культуры. Круглый стол был посвящен обсуждению и оценке современного состояния духовной культуры российского общества и определению перспектив духовного оздоровления всей системы социальных и межличностных отношений в аспекте образовательных и воспитательных практик.

К участникам круглого стола обратился Аристарх, епископ Кемеровский и Новокузнецкий, отметив необходимость сотрудничества государства и Церкви в формировании образовательной политики, направленной на актуализацию духовно-нравственных ценностей в современном обществе. Участников круглого стола также поприветствовала Е. Л. Кудрина, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств, подчеркнув роль университета в формировании духовного потенциала современной молодежи.

Ключевые доклады участников круглого стола были связаны с обращением к следующим аспектам рассмотрения проблем духовной культуры: культурно-философский аспект изучения христианской духовности рассматривался в докладах Д. А. Филина, кандидата философских наук, доцента кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, Иерея Андрея Мояренко, кандидата богословия, руководителя отдела религиозного образования и катехизации Кемеровской и Новокузнецкой епархии РПЦ, В. П. Леги, кандидата богословия, доцента, заведующего кафедрой философии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва); исторический аспект христианизации народов Сибири отразился в докладах А. Н. Садового, доктора исторических наук, профессора кафедры социологии Кемеровского государственного университета, В. А. Овчинникова, кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории Кемеровского государственного университета; художественно-эстетический аспект проявления духовных ценностей был представлен в докладах О. Ю. Астахова, кандидата культурологии, доцента кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и

искусств, И. Г. Умновой, кандидата искусствоведения, доцента, заведующей кафедрой теории и истории искусств Кемеровского государственного университета культуры и искусств, А. В. Шункова, кандидата филологических наук, доцента, заведующего кафедрой литературы и русского языка Кемеровского государственного университета культуры и искусств, протоиерея Кирилла Попова, кандидата богословия (София, Болгария), Э. М. Афанасьевой, кандидата филологических наук, доцента кафедры литературы и русского языка Кемеровского государственного университета культуры и искусств; образовательный аспект духовного развития молодежи рассматривался в докладах Е. Л. Кудриной, доктора педагогических наук, профессора, ректора Кемеровского государственного университета культуры и искусств, Г. Н. Миненко, доктора культурологии, профессора кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, Л. Н. Куваевой, учителя русского языка и литературы МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 11» (г. Прокопьевск), Е. Н. Гуськовой, учителя истории и обществознания МОУ «Новостроевская СОШ» (г. Кемерово), А. А. Насонова, аспиранта Кемеровского государственного университета, А. В. Орловой, кандидата социологических наук, доцента Кемеровского государственного университета.

По результатам работы участниками круглого стола был принят итоговый документ – обращение к представителям органов государственной власти Российской Федерации и местного самоуправления, научной и педагогической общественности.

**ОБРАЩЕНИЕ
УЧАСТНИКОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«ДУХОВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ»
К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ,
НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ**

Участники межрегионального круглого стола «Духовность в современном российском обществе: проблемы и стратегические перспективы», деятели науки, культуры и образования, священнослужители и миряне Кемеровской и Новокузнецкой епархии, работники социальной сферы, представители общественных организаций из пяти регионов России, собравшиеся в г. Кемерово 24 мая 2010 года, заслушав доклады ведущих ученых, представителей образовательных учреждений, общественности, деятелей Русской и Болгарской православных церквей и других конфессий, обсудив вопросы содержания и стратегии формирования духовного вектора развития российского общества, отмечают актуальность поставленной проблемы и выражают признательность организаторам конференции: администрации Кемеровской области, Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской православной церкви, Кемеровскому государственному университету культуры и искусств.

Работа круглого стола осуществлялась на базе КемГУКИ. Одним из главных результатов конференции явилась коллективная рефлексия и оценка современного состояния духовной культуры российского общества и перспектив взаимодействия основных со-

циальных, профессиональных и демографических групп российского общества, Русской православной церкви и других религиозных конфессий в деле духовно-нравственного воспитания личности гражданина России и духовного оздоровления всей системы социальных и межличностных отношений.

Участники круглого стола отметили, что только совместными усилиями общества, государства, системы образования и религиозных конфессий, путем их сотрудничества в социальной сфере можно справиться с негативными тенденциями нашего общества. Участники данного научного и общественного форума одобряют предпринимаемые в последнее время федеральными органами власти меры по решению императивно звучащей проблемы духовного возрождения Отечества: разработку и принятие «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» в качестве методологической основы реализации федерального государственного образовательного стандарта общего образования; проект созданных по инициативе Департамента науки и образования Министерства культуры РФ «Концептуальных основ государственной политики Российской Федерации в сфере духовной культуры для обеспечения единства российского народа и национальной безопасности России»; решение правительства РФ о проведении в 2009–2011 годах в девятнадцати российских регионах педагогического эксперимента по введению в общеобразовательной школе курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Не осталась в стороне от этих процессов и Кемеровская область. Хотя Кузбасс не вошел в эксперимент по апробации предлагаемого курса по основам религиозных культур, департаментом образования и науки, Кемеровским региональным институтом повышения квалификации и переподготовки работников образования с 2009 году проводится свой педагогический эксперимент, направленный на формирование реальных условий духовно-нравственного становления личности учащегося. Активное участие в нем принимает негосударственное общеобразовательное учреждение «Православная гимназия во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» г. Кемерово, которая реализует направление «Создание социально-педагогических условий для формирования духовно-нравственных ценностей личности ребенка». На участие в эксперименте подают заявки и другие общеобразовательные учреждения области.

Участники круглого стола единодушны в том, что духовность и нравственность должны стать важнейшими составляющими дошкольного, начального, общего среднего, высшего и дополнительного образования. Вместе с тем, необходимо более внимательно отнестись к вопросам качества социальной и нравственной среды, в которой осуществляется как образовательный процесс в целом, так и конкретные его направления, связанные с формированием духовно-нравственной культуры подрастающего поколения. Полное согласие вызывают те позиции вышеперечисленных концептуальных разработок, как и многих других видных ученых и общественных деятелей, в которых указывается на недопустимо большое для традиционно коллективистского российского общества материальное и социальное расслоение граждан, подрывающее базовую ценность российской цивилизации – социальную справедливость, дефицит которой обесценивает образовательные и воспитательные усилия педагогов. В той же мере это относится к безответственной и безнаказанной деятельности многих средств массовой информации, что, в первую очередь, относится к электронным СМИ и СМИ, представленными рядом каналов центрального ТВ. Нормой для многих из них стала эстетическая безвкусица, моральная неразборчивость, ненормативная лексика и очевидный антинациональный

уклон содержания программ. Несмотря на бесконечные разговоры и сетования педагогов и общественности на этот счет, правительство реальных мер для обуздания «четвертой власти» не предпринимает – в ситуации, когда гражданское общество не сформировалось и как таковое не функционирует. Поэтому благие намерения с духовно-нравственными экспериментами, программами, морализацией общественной атмосферы в ситуации информационного загрязнения социальной среды превращаются в пустую риторику.

Исходя из задачи приобщения детей и юношества к духовным основам российской культуры, заботясь о гражданско-патриотическом воспитании подрастающего поколения и отказываясь от общих призывов и деклараций, несметное число которых ежегодно высказывается и публикуется в стране, участники круглого стола обращаются к людям неравнодушным к происходящему и способным на практические дела. Считаем необходимым и рекомендуем:

- создавать в образовательных учреждениях, социальной инфраструктуре Сибирского федерального округа культурные формы деятельности и общения подростков и молодежи, направленные на духовно-нравственное становление личности в духе патриотизма, традиционных национально-культурных ценностей;

- консолидировать усилия государственных структур, общества, Русской православной церкви и других религиозных конфессий для решения вопросов духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения;

- обеспечивать общественно-государственную поддержку культурно-просветительной, историко-краеведческой и духовно-нравственной работы организованными контингентами молодежи;

- Кузбасскому межвузовскому совету по духовно-нравственному образованию и воспитанию студенческой молодежи активизировать деятельность по внедрению в вузах Кемеровской области современных методов работы с молодежью в духовно-нравственной сфере;

- департаменту образования и науки Кемеровской области, Кемеровскому государственному университету культуры и искусств, Кемеровскому государственному университету организовать, начиная с 2010–2011 учебного года, подготовку для общеобразовательных школ области учителей «Основ православной культуры» на базе специальностей «Культурология», «Социальная антропология» (КемГУКИ), специализации «Основы теологии» (КемГУ);

- департаменту образования и науки Кемеровской области, высшим учебным заведениям Кемеровской области обеспечить проведение в рамках Международного пасхального фестиваля православной культуры с периодичностью один раз в два года научно-практических конференций и семинаров, способствующих выработке стратегии и конкретных методик духовно-нравственного воспитания молодежи, обмена практическим опытом по этому направлению.

***Участники межрегионального
круглого стола «Духовность в современном
российском обществе: проблемы
и стратегические ориентиры»***

***г. Кемерово
24 мая 2010 г.***

**ПРИВЕТСТВИЕ ЕПИСКОПА АРИСТАРХА,
УПРАВЛЯЮЩЕГО КЕМЕРОВСКОЙ И НОВОКУЗНЕЦКОЙ ЕПАРХИЕЙ,
УЧАСТНИКАМ КРУГЛОГО СТОЛА
«ДУХОВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ»**

Сердечно приветствую всех участников круглого стола, посвященного проблеме духовности в современном российском обществе, проводимого в рамках I открытого Международного пасхального фестиваля православной культуры.

Тема настоящего форума свидетельствует о возросшем внимании общества и государства к вопросам духовно-нравственных ценностей в современной жизни. Сейчас, когда духовное и физическое здоровье наших граждан вызывает наибольшую тревогу, вопрос о развитии устойчивой и высоконравственной личности как основы стабильного развития современного российского общества должен быть вынесен на уровень обсуждения ценностно-целевых ориентиров общественного развития.

За последнее время произошло падение духовного достоинства, смещение ценностных ориентиров от духовных к материальным. Это привело к коммерциализации просвещения, духовной сферы, развитию низменных проявлений человеческой натуры. Стали насаждаться сомнительные ценности западного образца, которые, в свою очередь, порождают псевдодуховность. Появилась угроза необратимой демографической катастрофы, связанная с вырождением нашего народа.

Можно ли изменить ситуацию, отвергая понятие духовности или опираясь на сомнительную, чуждую России псевдодуховность? Нет сомнения в том, что без обращения к национальной культуре, основанной на истинах православия, невозможно возрождение русского народа.

Духовно-нравственные ценности должны стать основными ориентирами в формировании образовательной политики в нашем государстве, и в этой области существует немало возможностей для сотрудничества государства и Церкви. Сегодня необходимо согласование усилий государственной власти, общественных институтов и Русской православной церкви в совместных созидательных трудах во благо нашего народа. Путь к процветанию общества, как в духовном, так и в материальном плане, лежит в следовании принципам взаимной любви и уважения, изложенным в Евангелии: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7.12). Обрести истинную духовность, т. е. реальное, живое общение человеческой души с Богом – вот на что ориентирует нас православная традиция. Стяжание Духа Святого, по слову прп. Серафима Саровского, – вот сущность духовной жизни. Согласно Священному Писанию, *знать* – значит *испытать* нечто на личном опыте, приобщиться. Поэтому Господь наш Иисус Христос, по существу, ставит знак равенства между знанием Бога и спасением (обретением вечной жизни). «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17.3).

Промыслительно, что сегодняшняя конференция проходит в день Святого Духа. Выражаю надежду, что настоящий форум внесет свой посильный вклад в решение проблемы возрождения духовности наших граждан, будет способствовать вовлечению педагогов образовательных учреждений, представителей государственной власти в дело духовно-нравственного воспитания и образования, станет значимым событием в церковно-общественной жизни Кузбасса.

Молитвенно желаю всем помощи Божией, плодотворной работы в проведении сегодняшней конференции и благословенных успехов в дальнейших трудах на благо родного края и России.

**ПРИВЕТСТВИЕ РЕКТОРА КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ Е. Л. КУДРИНОЙ
УЧАСТНИКАМ КРУГЛОГО СТОЛА
«ДУХОВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ»**

Уважаемые участники круглого стола, уважаемые коллеги,
уважаемые гости!

В эти дни в университете закладываются основы новой традиции – проводится Первый открытый Международный пасхальный фестиваль православной культуры, в рамках которого запланирована яркая и разнообразная программа. Она включает творческие конкурсы и показы, выставки и круглые столы – целый комплекс мероприятий, объединяющих самые различные виды искусства – от вокала и музыки до искусства колокольного звона, иконописи и поэзии.

Следует отметить, что для нашего университета свойственно стремление синтезировать образовательную, научную, творческую и воспитательную деятельность. Именно таким мероприятием и является круглый стол «Духовность в современном российском обществе: проблемы и стратегические ориентиры», проводимый в рамках фестиваля, как научное мероприятие, которое напрямую связано с рассмотрением проблем воспитания и образования, формирования духовности и нравственности молодежи.

Для нас происходящие события связаны не только с радостным и праздничным настроением, но одновременно и с продолжением давно сложившейся практики совместной напряженной работы всех структурных подразделений нашего вуза и партнеров, среди которых особо следует отметить Кемеровскую и Новокузнецкую епархию, тесное взаимодействие с которой началось более пятнадцати лет назад в организации конференций, семинаров, круглых столов, чтений и др.

В последние годы наиболее значимым совместным проектом стала работа межвузовского Координационного совета по духовно-нравственному воспитанию студенческой молодежи, деятельность которого поддерживается администрацией Кемеровской области. В прошлом году совместно с администрацией Кемеровской области, Советом народных депутатов и Общественной палатой Кемеровской области были проведены общественные слушания по вопросам духовно-нравственного и патриотического воспитания, материалы которых были опубликованы в «Вестнике КемГУКИ» № 8. В начале этого года члены Координационного совета были активными участниками обсуждения данной проблемы уже с представителями различных, традиционных для Кузбасса, конфессий, проводимого Общественной палатой Кемеровской области. Состоялась заинтересованная дискуссия, по итогам которой были приняты рекомендации.

В университете работает Центр духовной антропологии (в 2009 году – Центр культурологического образования), который непосредственно участвует и обеспечивает сов-

местно с Кемеровской и Новокузнецкой епархией научно-методическое сопровождение проводимого в области эксперимента по внедрению в школьное образование курса «Основы православной культуры» и организует работу межвузовского Координационного совета по духовно-нравственному воспитанию студенческой молодежи.

Все это – отдельные вехи нашего пути, демонстрация искренней заинтересованности нашего университета в обсуждении и решении вопросов духовно-нравственного воспитания и образования современной молодежи. Мы убеждены, что корень большинства проблем человечества, в том числе и нынешнего экономического кризиса, как это отмечал в одной из своих речей патриарх Кирилл, – именно в несовершенстве духовной сферы, в забвении традиционных основ бытия человека, заложенных во всей многовековой истории как религиозными конфессиями, так и трудами светских ученых и педагогов, усилиями всех народов в области воспитания и образования.

Для нас вопросы духовного совершенствования – это и наш прямой долг, наша основная образовательная задача. Ведь именно наши выпускники понесут людям знания, радость, праздник, которые должны стать не принижающими, а возвышающими человеческий дух.

Мы уверены, что именно искусство, богатое и многообразное, основанное на новом осмыслении древних традиций, – это один из важнейших факторов формирования духовности. На наш взгляд, именно вузам культуры и искусства принадлежит важнейшая роль в деле нового обретения человеческой духовности. «Красота спасет мир», – писал Ф. М. Достоевский, подразумевая именно единство красоты внешней и внутренней, духовной.

Представительный состав сегодняшнего научного форума, многообразие и междисциплинарный характер заявленных тем позволяют надеяться, что ныне в этих стенах состоится плодотворная научная дискуссия, которая позволит всем нам уточнить параметры и стратегию практической деятельности по формированию духовного потенциала нашего будущего – нашей молодежи.

Удачи всем нам, коллеги! Плодотворных дискуссий, новых знаний и открытий!

Н. И. Романова

ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА «ЧИСТОЕ СЛОВО»

В рамках I Международного фестиваля православной культуры в Кемеровском государственном университете культуры и искусств в апреле-мае 2010 года был осуществлен социально-культурный проект «Чистое слово».

Ценность опыта данного проекта обуславливается тем, что к его проведению были привлечены профессионалы: как творческие работники, так и ученые (например, к разработке положений различных творческих конкурсов, социологического исследования, дискуссии и др.) – что качественно подняло уровень мероприятия.

Цели проекта: сохранение русского литературного языка; повышение уровня общей речевой культуры.

Проект имел широкую информационную поддержку: данные были размещены на информационных стендах проекта, на сайте КемГУКИ и в университетской газете. Информационные стенды содержали несколько рубрик: «Положения о проекте и о конкурсах», «Терминологическая страница», рубрика «Это актуально!» с газетными и научными публикациями по проблемам современного русского языка, а также рубрика «Красота и мудрость народного языка» с образцами народной речи в виде пословиц и притч и рубрика «Афоризмы».

К проведению проекта на общественных началах активно подключились кафедры вуза, с большим пониманием откликнувшиеся на предложение участвовать в его организации. Это кафедра культуры и искусства речи (зав. кафедрой канд. культурологии, доцент В. В. Чепурина), кафедра дизайна (зав. кафедрой доцент Г. С. Елесеенков), кафедра литературы (зав. кафедрой канд. филол. наук, доцент А. В. Шунков), кафедра иностранных языков (зав. кафедрой канд. филол. наук, профессор С. В. Бондаренко), кафедра экономики социальной сферы (зав. кафедрой канд. экон. наук, доцент Н. М. Трусова); кафедра культурологии (и. о. зав. кафедрой канд. культурологии А. С. Двуреченская). Руководители и преподаватели этих кафедр оказали всестороннюю помощь, благодаря которой проект осуществился. Не состоялся бы он и без существенной поддержки ректората в лице проректора по творческой и международной деятельности профессора В. Д. Пономарева.

В рамках социально-культурного проекта «Чистое слово» прошел ряд мероприятий. 1 апреля был проведен тренинг по теме «Речевой этикет студента университета культуры и искусств» (рук. ст. преп. Т. В. Зайцева, студенты 3 курса группы ПДИУД-071). В ходе тренинга студенты выявили три наиболее значимые проблемы речевой культуры студентов в нашем вузе: 1) проблема понимания ответственности специалиста сферы культуры за состояние своей речи, которая должна являться образцом речи культурного и образованного человека; 2) проблема чрезмерной эмоциональности и неуместного эпатажа в речи наших студентов; 3) проблема использования ненормативной лексики (данная проблема была названа самой главной).

Состоялось 4 конкурса: конкурс студенческих плакатов «Кузбассу – чистое слово», конкурс студенческих сочинений на темы речевой культуры и сохранения чистоты языка, конкурс студенческих эссе на тему: «Речевая культура в экономике», конкурс поэтического перевода.

Студентами 1 курса группы МХК-091 было выпущено несколько студенческих стенгазет по теме «Речевой этикет».

В мае был проведен соцопрос «Состояние речевой культуры студентов КемГУКИ» (результаты исследования будут опубликованы).

5 мая – День «чистого слова» в КемГУКИ. Главным событием дня явилась внутривузовская студенческая дискуссия на тему «Современное состояние русского языка в российском обществе: проблемы и перспективы». Она была проведена на высоком организаторском уровне, отличалась содержательностью и качеством. Дискуссию под руководством Н. И. Романовой осуществила инициативная группа студентов 3 курса групп РАИР-071 и ББП-071.

В рамках проекта прошли акции расклеивания листовок с текстами на тему сохранения и чистоты языка, принадлежащих знаменитым деятелям культуры, «Вопрос недели» и «Найди ошибку!» (куратор – доцент В. В. Чепурина).

Проект охватил 925 человек, из них 475 – студенты КемГУКИ.

Различные мероприятия, формы и методы проведения социально-культурного проекта «Чистое слово», апробированные в Кемеровском государственном университете культуры и искусств, показывают их эффективность в деле привлечения общественного внимания, прежде всего, молодежи, к проблемам сохранения чистоты русского языка и необходимости повышения уровня речевой культуры. Проект на самом деле вышел за рамки нашего вуза и позволил охватить более широкие социальные слои: и школьников (выступающих в роли слушателей в лекториях), и жителей города (читающих листовки, расклеенные по городу), и самих студентов (как непосредственных участников проекта внутри университета и за его пределами). Опыт проведения проекта может быть широко использован в образовательных учреждениях различных уровней.

СЛУШАНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ О РОЛИ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ В ДУХОВНОМ И НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

2 марта 2010 года по инициативе комиссии Общественной палаты Кемеровской области по культуре и духовно-нравственному воспитанию прошли общественные слушания, посвященные рассмотрению роли религиозных конфессий в духовном и нравственном воспитании подрастающего поколения. Редакция журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» публикует основные выступления, прозвучавшие на заседании.

Открывая заседание, **Т. О. Алексеева**, секретарь Общественной палаты Кемеровской области, член Общественной палаты РФ, президент Кузбасской ТПП, отметила чрезвычайную важность обсуждаемого вопроса. В деле воспитания молодежи роль религии нельзя переоценить. Но духовно-нравственное воспитание – задача не только религиозных лидеров. Это обязанность родителей, воспитателей, учителей и обычных граждан. В результате последних общественных слушаний по вопросу патриотического воспитания граждан мнение общественности было услышано, и при администрации Кемеровской области был создан Координационный совет по патриотическому воспитанию граждан Кемеровской области.

В выступлении заместителя губернатора Кемеровской области **С. А. Муравьева** было отмечено, что в последнее время в стране сложилось несколько негативных тенденций: общая нравственная деградация общества, резкое снижение воспитательного воздействия семьи, деградация и нравственное выхолащивание государственной системы воспитания, разрушение сознания средствами массовой информации. Объясняет возникновение этих тенденций ряд причин: ценностная деградация системы образования, ее несоответствие государственной информационной политике, противоречащей традиционным духовным ценностям, несовершенство законодательства, развитие предпринимательства, основанного на эксплуатации человеческих пороков, коррупция в органах власти. Все эти негативные явления приводят к возникновению многочисленных социальных проблем. Так, например, не удается удержать рост количества детей-сирот, причем большая их часть – сироты при живых родителях. Кроме того, у нас появилось новое поколение детей, родители которых никогда не работали и жили лишь на пособия.

Епископ Кемеровский и Новокузнецкий, член комиссии по культуре и духовно-нравственному воспитанию, *Аристарх* в своем выступлении подчеркнул идею о том, что именно от нравственности зависит наше будущее. Религиозные конфессии – это духовный стержень государства. Пренебрежение вопросами духовной жизни и нравственных ценностей ведет к моральному разложению. Поэтому должна иметь место уравновешенная ответственность, которая раскрывает человеческий потенциал. Без нравственных приоритетов никакое благополучие не принесет человеку истинного счастья. Для морального благополучия нации необходимо сочетать права человека с нравственными идеалами.

Муфтий духовного управления мусульман Кемеровской области *Т. А. Бикчантаев* отметил, что сейчас появилось новое значение слова «свобода», предполагающее употребление алкоголя, курение, распутное поведение. Телевидение постоянно показывает сцены насилия и неподобающего поведения. Употребление различных дурманных веществ стало одной из самых серьезных проблем современности. Алкоголь и наркотики превратились в средство побега от своих проблем. Источник всех бед – в том, люди потеряли веру в Бога. Без Бога человек слаб. При отсутствии духовного стержня человеком овладевает зло. Россия нуждается не только в экономическом росте, но и в духовном обновлении. Необходимо, чтобы существовала гармония между идеалами семьи, государства и общества.

Настоятель прихода Непорочного Сердца Пресвятой Девы Марии Римско-католической церкви отец *Энтони Мэтью Чарльз Бранеган* подчеркнул, что поведение человека во многом зависит от его веры. Если бы все соблюдали заповеди, то мы жили бы в мирном благополучном обществе. Представителям всех конфессий необходимо работать вместе, чтобы противостоять тем негативным явлениям, которые встречаются повсеместно в стране и в мире. Католики приехали в Кузбасс в 1997 году и прежде всего встретились с епископом Сафронием, который подчеркнул тогда, что необходимо бороться с влиянием Запада.

Председатель Совета общины местной иудейской религиозной организации «Еврейская община г. Кемерово» *Е. Н. Маркин* отметил, что 90-е годы подарили нам поколение, взращенное на полном безверии и извращенной идеологии. Хотя сейчас молодые люди и возвращаются к религии, они не молятся столько, сколько положено, а слово Бога должно быть в каждом доме. В иудаизме мужчина и женщина – единое целое, и реализоваться они могут только вместе. Слова «мужчина» и «женщина» состоят из двух букв. Первая – «огонь», вторая – «Бог». Если Бога в душе нет, то ее пожирает огонь. У России была кровавая история. Сейчас появились некие предпосылки к возрождению, но необходимо не упустить свой шанс.

Г. М. Соловьева, председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Совета народных депутатов Кемеровской области, высказалась в поддержку идеи о введении религиозного образования в средних школах. Посещение воскресных школ может стать хорошим опытом для любого ребенка.

Советник муфтия Духовного управления мусульман Кемеровской области *Р. Ш. Яралиев* отметил, что ни в одном городе не существует места, куда бы могли прийти мужчина и женщина, желающие вступить в брак, и получить ответы на все интересующие их вопросы. Сейчас молодое поколение просто не знает, как нужно вести себя в семье, какие обязанности лежат на муже и жене. *В органах ЗАГС должны работать представители конфессий, которые смогут дать советы молодоженам. Кроме того,*

необходимо привлекать священников к разрешению семейных конфликтов, в том числе к бракоразводным процессам.

Руководитель Отдела религиозного образования и катехизации Кемеровской и Новокузнецкой епархии иерей **Андрей Мояренко** сообщил, что с 2012 года в России будет введено обязательное религиозное воспитание в школах, но подготовку необходимо начать уже сейчас. В КемГУ уже существует кафедра теологии, основы религиозных культур необходимо вводить на курсах повышения квалификации педагогов.

Член Совета Молодежного парламента Кузбасса **А. Тимаев** высказал мнение, что в России происходит американизация общества, молодежь живет по принципу «бери от жизни все». Причина – влияние средств массовой информации, которые являются мощным средством пропаганды, не зря их называют «четвертой ветвью власти».

Ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусства, профессор **Е. Л. Кудрина** подчеркнула *важность введения религиозного воспитания и в вузах*. В области создан Координационный совет по духовно-нравственному воспитанию молодежи, однако работу в нем необходимо активизировать.

Член Комиссии по культуре и духовно-нравственному воспитанию **Г. А. Евланов** отметил, что в 90-е годы возник ряд серьезных проблем в духовно-нравственной сфере, и решать их необходимо незамедлительно, так как потом эти проблемы глубоко укоренятся в обществе.

Член Совета Молодежного парламента Кузбасса **З. В. Любов** рассказал, что месяц назад Молодежный парламент посещал муниципальные школы, и выяснилось, что у учеников имеются серьезные пробелы в сфере гражданского образования, а ведь из школ должны выходить настоящие члены общества, которые знают свои гражданские права и обязанности.

По итогам общественных слушаний были разработаны рекомендации, которые направлены в органы законодательной и исполнительной власти.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЕПИСКОПА АРИСТАРХА, УПРАВЛЯЮЩЕГО КЕМЕРОВСКОЙ И НОВОКУЗНЕЦКОЙ ЕПАРХИЕЙ «РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ»

Сохранение традиционных нравственных ценностей во все времена было важной частью церковной и общественной жизни, поскольку от их состояния напрямую зависит будущее любой страны и ее народа. Для сохранения традиционных нравственных ценностей и их стойкости перед лицом любых испытаний жизненно необходимо, чтобы мировоззрение человека стало не просто неким обрамлением мирской жизни, но центром, эталоном всех его поступков, мыслей и слов. Поэтому вопросы духовно-нравственного воспитания и образования подрастающего поколения и роль религиозных конфессий и государственных структур в этом как никогда оказываются востребованными.

Влияние традиционных религиозных конфессий осуществляется через их присутствие в жизни общества. Конфессии имеют попечение обо всем, что затрагивает душу человека, и именно поэтому они активно противостоят вражде и разделением, осуждают

безнравственность и преступность, поднимают свой голос в поддержку обездоленных и страждущих, заботливо опекают молодое поколение.

Для того, чтобы быть готовым бескорыстно помочь ближнему, отвергнуть преступные и бесчестные пути обогащения, отдать жизнь за Родину, мало знать сухие исторические факты. Для этого нужно иметь твердые представления о добре и зле, грехе и добродетели. Нужно помнить о высшей ответственности перед Богом и людьми. В этом состоит значение традиционных религиозных конфессий. Они неизменно поддерживают инициативы государства и общества, направленные на патриотическое и нравственное воспитание молодежи, поддержку семьи, материнства и детства.

Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл на встрече 4 сентября 2009 года в храме Христа Спасителя отметил: *«Вместе с мусульманским миром и другими традиционными религиями православные сегодня стараются громко свидетельствовать, что игнорирование духовной жизни и традиционных нравственных ценностей превращают свободу человека в произвол, в раскрепощение греха и человеческого инстинкта и что этот путь губителен для человечества, – подчеркнул Святейший Патриарх. – Только свобода, уравновешенная нравственной ответственностью, а для верующих людей уравновешенная ответственностью перед Богом, является свободой, способной раскрывать человеческий потенциал и не наносить ущерба человеческим отношениям и окружающей среде».*

Религиозное мировоззрение в лице конфессий возвещает: без внимания к духовным основам жизни, без нравственных приоритетов никакое внешнее благополучие, никакие знания и технологии, никакие вещи и деньги, никакая власть и сила не способны дать человеку подлинного счастья, полноты и гармонии бытия. Мир в душе человеческой, мир в семьях и в коллективах соратников, мир в стране и во всем мире немыслим без возрождения духовной жизни.

Религиозные конфессии утверждают необходимость сочетания прав человека с поддержкой традиционных нравственных ценностей в обществе. Существуют нравственные ценности, которые признаются абсолютным большинством религиозных традиций мира. Чтобы сверить свои выводы с другими религиозными традициями, Русская православная церковь провела в 2007 году ряд консультаций. В июле в Москве прошел саммит религиозных лидеров, в котором участвовали представители многих традиционных религий мира из 49 стран. Мы убедились, что большинство религиозных традиций мира совпадают в определении контуров нравственных ценностей.

Что же делать, если есть люди, несогласные с традиционной моралью, которой придерживается большинство людей планеты? Ведь демократия является особенно чувствительной к тому, чтобы в обществе люди разных взглядов не подвергались дискриминации. Этот вопрос подводит нас к рассмотрению того, каким традиционные конфессии, в том числе и Московский патриархат Русской православной церкви, видят механизм воздействия религии на формирование международных и национальных норм и ценностей.

Люди понимают необходимость сохранения в жизни общества непреходящих ценностей. Отсюда главная задача образования и воспитания – научить каждого человека следовать указаниям совести. Это дает возможность укрепить в обществе духовно-нравственные нормы. Вот почему Церковь стремится к тому, чтобы и образовательный, и воспитательный процессы основывались на тех вечных идеалах и ценностях, которые давали бы импульс к созидательной, творческой деятельности.

Другой фундаментальной ценностью является любовь к Отечеству. Что может соединить нас, таких разных людей, нередко относящихся к разным этносам, религиям, людей разных политических взглядов? Патриарх Кирилл считает, что нравственная доминанта и любовь к Отечеству должны составлять суть национальной идеи. Если нравственное состояние общества для нас перестанет быть делом второстепенным, а станет приоритетным, если любовь к Отечеству – это тот фундамент, на котором мы объединяемся, и всякая проповедь, направленная на разрушение патриотизма, будет недопустимой в нашем обществе, то мы сделаем очень многое.

Как в Кузбассе, так и стране в целом проблема сохранения духовных ценностей остается по-прежнему очень острой, но без ее решения страна будет слабеть с каждым днем.

Вот некоторые данные, которые могут обрисовать результат утраты духовных ценностей на примере демографического кризиса в России. Данные печальные. В России сейчас распадается каждый второй брак. 70 % разводов приходится на молодые семьи. Каждый третий ребенок рождается вне брака. Каждый седьмой ребенок воспитывается в неполной семье. На учете в милиции состоят 276 000 родителей. Ежегодно рассматривается 35 000 заявлений о лишении родительских прав. По самым скромным подсчетам, совершается более трех миллионов аборт в год. Эти данные показывают, что демографическая ситуация в России просто катастрофическая.

Сегодня как никогда нам необходимо серьезно задуматься о последствиях, к которым может привести разрушение семей. Очевидно, что между состоянием семьи и общества существует прямая зависимость. Поэтому наш долг – всеми силами противостоять нравственному растлению, убивающему семьи – клетки нашего единого организма – России.

Может ли современная семья в полной мере справиться с этой задачей? Думается, что нет. Еще одной важнейшей задачей для всего нашего общества является решение проблемы детей, воспитывающихся в приютах и детских домах.

Если мы не хотим, чтобы процесс демографического кризиса или самоликвидации наших народов продолжался, государственные и региональные структуры власти должны дать детям здоровое духовное воспитание. Именно здесь религиозные конфессии могут оказать государству большую и многообразную помощь.

Факты и современное положение страны в условиях нравственного распада, когда наркомания стала болезнью молодежи, когда беспорядочные половые связи превращаются в норму поведения, когда создание семьи и воспитание детей перестали быть приоритетом для молодых людей, позитивная нравственная роль религиозного воспитания становится особенно очевидной. **Все традиционные религии воспитывают в человеке чувство ответственности и долга, настаивают на важности создания полноценной и крепкой семьи, рождения и воспитания детей.** Именно религия на протяжении веков давала человечеству силы для воспроизводства и умножения. И отказ от религии становится причиной того, что целые нации оказались под угрозой постепенного исчезновения.

Тяжелейший демографический кризис, охвативший большинство стран Западной и Восточной Европы, имеет духовные корни. В его основе – отказ от традиционного понимания семьи как основы человеческого бытия.

В чем смысл семьи? В том, чтобы ребенок научился доброте и любви. Только в семье ребенок может научиться любви. Любовь – такое качество, которое нельзя привить через

информацию. Нельзя сказать о ней, она должна быть прочувствована. Как и доброта. Поэтому в христианских конфессиях семья называется малой церковью, проповедуется семья как Божие установление, самое основное и великое.

Существенную помощь для создания положительного образа семьи могут оказать **уроки религиозного воспитания**, в том числе и в светской школе. Лишая детей права на религиозное воспитание, мы лишаем их будущего, а свои страны и народы обрекаем на медленное вымирание.

Вопрос о **религиозном образовании** в школах приобретает сегодня особую остроту и актуальность – как в России, так и в Кузбассе. В современных условиях проблема духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения приобретает стратегическое значение. Как вы хорошо понимаете, нынешняя молодежь, и дети в первую очередь, испытывают массу негативных влияний со стороны, размывающих духовные, нравственные, моральные ориентиры, и с этим влиянием необходимо бороться всеми силами и средствами. В этой связи, неотложными задачами становятся воспитание детей и молодежи на основе приоритета духовно-нравственного воспитания на региональном уровне, усиление роли духовного фактора в жизни Кузбасса.

Именно поэтому наблюдаемое иногда желание вытеснить веру и религиозное сознание на периферию общественной жизни, изъять ее из процессов общественной, культурной и исторической жизни народа, несомненно, должно быть признано деструктивным явлением.

Зададимся вопросом: в чем вред религиозного образования? **Что плохого может дать ребенку религия?** Нередко недопустимость религиозного образования в светской школе **мотивируют существованием в мире или стране различных религий**: то есть, чтобы не допустить межрелигиозных конфликтов или розни на религиозной почве, лучше всего вовсе исключить религиозную компоненту из учебного процесса. Эту аргументацию следует признать несостоятельной и опасной. **Атеизм не может служить общим знаменателем для всех религий. Кроме того, традиционные религии мира, будь то христианство, иудаизм или ислам, не являются сами по себе источником конфликтов.** Они могут становиться таковыми, если религиозные идеи берут на вооружение террористы, экстремисты и радикалы разных мастей.

Важно прививать детям разных вероисповеданий уважение друг другу. Это уважение невозможно сделать, просто умалчивая о религии в школе. **Каждый ребенок должен иметь право знать о своей религии**, о религии своих родителей и предков. По достижении совершеннолетия или раньше он может отказаться от религии – это, в конечном счете, дело его свободного выбора. Но **заведомое лишение его права на изучение религии противоречит закону свободы вероисповедания.** Права ребенка должны соблюдаться и быть защищены, но прежде всего – право не быть развращенным, право быть воспитанным в той культурно-религиозной и национально-исторической традиции, к которой ребенок принадлежит по рождению.

В отношении преподавания «Основ духовно-нравственной культуры» отмечу: мы выступаем за то, чтобы дети, крещенные в православной церкви, а их во многих регионах более 90 %, могли знать основы своей религии. Если мы обратимся к нашей истории, то увидим, что самым действенным средством воспитания нашего народа были святые, подвижники благочестия, герои духовности и патриоты страны. Что значит одно только имя преподобного Сергия Радонежского! Житие и пример святого благоверного князя

Александра Невского пленяет и покоряет, прежде всего, святостью, благородством и красотой его души, а поэтому важно знать и понимать, в чем именно проявляется эта красота и святость. Введение предмета «Основы духовно-нравственной культуры» в школьную программу явится самым действенным средством против ослепляющих ум националистических и экстремистских предрассудков, черпающих для себя пищу в религиозном невежестве общества и особенно его молодого поколения.

Многополярность мировоззрений ставит сегодня задачу приобщить учащихся к широкому кругу взглядов на принципиальные вопросы. К таковым традиционно относятся проблемы возникновения жизни, происхождение Вселенной, появление человека. Никакого вреда не будет школьнику, если он будет знать библейскую теорию происхождения мира. Осознание человеком, что он является венцом творения Божия, только возвышает его, а если кто-то хочет считать, что он произошел от обезьяны, пусть так считает, но не навязывает этого другим.

Уважительное отношение к свободе человеческой личности является неотъемлемой частью цивилизованного общества. В связи с этим хотелось бы отметить, что демократические основы устройства жизни народа и государства требуют уважения общечеловеческих прав не только тех граждан, которые составляют меньшинство, но и представителей большинства, к каковым, по данным социологических исследований, относятся в России верующие христианских конфессий.

Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви готова на основе принципа социального партнерства приложить свои усилия для повышения эффективности духовно-нравственного воспитания детей и молодежи, развития духовного потенциала Кузбасса.

В рамках Соглашения с администрацией Кемеровской области, подписанного 12 января 2007 года губернатором Кемеровской области А. Г. Тулеевым, создание православных гимназий, преподавание в школах, вузах, губернаторских учебных заведениях «Основ православной культуры» обозначено как важное действие, нужное для решения вопроса духовно-нравственного воспитания в Кузбассе.

В. В. Путин сказал: *«Мы придаем большое значение усилиям Русской православной церкви по развитию межрелигиозного диалога и сотрудничества, упрочению веротерпимости. У государства и Церкви всегда будет обширное поле для сотрудничества и в вопросах укрепления нравственности, и в воспитании молодого поколения, и, конечно, в сохранении отечественного духовного и культурного наследия».*

Многие из проблем имеют нравственное измерение. Мы постоянно говорим о человеческом факторе. В последнее время уже страшно становится от такого количества техногенных катастроф. Их анализ приводит нас к человеческому фактору, а человеческий фактор – это, в первую очередь, внутреннее состояние человека.

Христианство видит высшее предназначение хозяйственной деятельности в построении такого общества, в котором человек имеет возможность реализовать свой профессиональный и духовный потенциал независимо от социального положения или политических взглядов.

С этой точки зрения очевидно, что выстраивание государством приоритетов социально-экономической политики должно происходить не только на основе технократических методов принятия решений и выражаться не только в росте статистических показателей общественного благосостояния. Рост доходов и сиюминутная коммерческая выгода сами

по себе не могут служить главной целью модернизации, а тем более – основным индикатором общественного благополучия. Важно увидеть перспективу и стратегические цели модернизации – сбережение народа, возрождение и развитие его творческого потенциала с опорой на духовное богатство российской культуры, на ее уникальные достижения. Успешное движение вперед невозможно без опоры на традиционные духовные ценности российской цивилизации, без заботы о духовном состоянии личности. Слепое упование на то, что экономический рост станет панацеей от всего комплекса социальных проблем, порожденных современностью, стратегически бесперспективно. Опыт человечества показывает: ни одну серьезную проблему нельзя решить при помощи только экономических инструментов, оторванных от духовных основ человеческого бытия.

Важно отметить, что, по мнению Патриарха Кирилла, **о необходимости модернизации страны** первой заговорила Церковь несколько лет тому назад – в рамках Всемирного русского народного собора. Здесь было отмечено, что модернизация – это не только экономическая реформа, не только технологическое переоснащение российской экономики, не только современная инфраструктура – это, в первую очередь, построение новой системы отношений между людьми, в том числе и в бизнесе, в промышленности, в образовании, в науке, которая бы основывалась на нашем национальном нравственном фундаменте. Государство, Церковь, деловые круги, основные производители – люди труда, работники промышленности и сельского хозяйства, все общество в целом – должны максимально содействовать реализации положительного потенциала отечественной экономики. Но добиться позитивного результата возможно только объединившись вокруг базовых этических ценностей. При этом Святейший Патриарх обратил особое внимание на то, что «верность традиционным ценностям не означает отсталости или отказа от модернизации государства и общества». Эти начала «можно и нужно сочетать», убежден предстоятель Русской православной церкви.

Если наш народ не будет здоровым физически и духовно, если он не будет сильным, если не возродится в прямом смысле этого слова, то тогда возникает вопрос: а для кого экономика, для кого эти трубопроводы, для кого новые технологии?

Да поможет нам Бог в этом созидании добра, в надежде на то, что Господь поможет нам преодолевать скорби, временные испытания и обрести полноту жизни.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахов Олег Юрьевич, кандидат культурологии, доцент, ведущий сотрудник научного отдела ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: nir@kemguki.ru

Белозерова Марина Витальевна, доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института толерантности и межкультурных коммуникаций ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: tlr@kemguki.ru

Винограй Эмиль Григорьевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии ГОУ ВПО «Кемеровский технологический институт пищевой промышленности» (г. Кемерово). E-mail: phil@kemtipp.ru

Генина Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Кемерово).

Глебова Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, заместитель начальника управления образования МУ «Управление образования администрации г. Прокопьевска» (г. Прокопьевск). E-mail: mvvg.office@mail.ru

Гуськова Елена Александровна, учитель истории и обществознания МОУ «Новостроевская СОШ» (п. Новостройка Кемеровской области).

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, начальник научного отдела ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: nir@kemguki.ru

Ильченко Елена Анатольевна, педагог дополнительного образования МОУ ДОД «Дом детского и юношеского туризма, экскурсий» (г. Киселевск). E-mail: tourkis@mail.ru

Коваленко Елена Анатольевна, заведующая сектором международной деятельности художественно-творческого отдела ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва). E-mail: kolinkk@mail.ru

Куваева Людмила Николаевна, учитель русского языка и литературы МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 11» (г. Прокопьевск).

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, ректор ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: priemnaya@kemguki.ru

Лега Виктор Петрович, кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой философии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: legavp@gmail.com

Медведева Нина Владимировна, аспирант, преподаватель кафедры теории и истории искусств ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: musicologist@mail.ru

Насонов Александр Александрович, аспирант ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Кемерово). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Овчинников Владислав Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Кемерово). E-mail: ovchinnikov@kemsu.ru

Окладникова Елена Алексеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории искусства Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Пономарев Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор, проректор по творческой и международной деятельности ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Попов Кирилл Атанасов, протоиерей Софийской св. митрополии Болгарской православной церкви, предстоятель старинного храма Св. Николая Чудотворца, кандидат богословия Московской духовной академии (г. София, Республика Болгария). E-mail: kikontino@abv.bg

Романова Наталья Ивановна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, права и социально-политических дисциплин ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: feniks@kemnet.ru

Сбитнева Галина Ивановна, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

Степанов Анатолий Анатольевич, старший преподаватель кафедры философии и проблем человеческого развития «Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева» (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан).

Тресвятский Лев Алексеевич, доктор культурологии, профессор кафедры отечественной истории ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» (г. Новокузнецк).

Умнова Ирина Геннадьевна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: umnova@kuzbass.net

Хилько Николай Федорович, доктор педагогических наук, доцент кафедры кино-, фото-, видеотворчества ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского». Сектор региональной культурной политики Сибирского филиала Российского института культурологии Министерства культуры РФ (г. Омск). E-mail: fedorovich59@mail.ru

Чикунова Надежда Александровна, аспирантка Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова (г. Санкт-Петербург). E-mail: nadjaCh@yandex

Шунков Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и русского языка ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (г. Кемерово). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Юртаева Ольга Викторовна, учитель русского языка и литературы МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 34» (п. Краснобродский Кемеровской области).

ABOUT THE AUTHORS

Astakhov Oleg Yuryevich, Candidate of Culturology, Docent, Senior Researcher of the Scientific Department of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: nir@kemguki.ru

Belozyorova Marina Vitalyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Scientific Research Institute of Tolerance and Intercultural Communications of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: tlr@kemguki.ru

Chikunova Nadezhda Alexandrovna, Post-graduate student of “N.A. Rimskii-Korsakov St. Petersburg State Conservatory”. E-mail: nadjaCh@yandex

Egle Lyudmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Chief of Scientific Department of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: nir@kemguki.ru

Genina Elena Sergeyevna, Candidate of Historical Sciences, Docent of the Chair of recent national history of SEI HPE “Kemerovo State University”.

Glebova Marina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Director of “Municipal Education Department of Prokopyevsk Administration”. E-mail: mvg.office@mail.ru

Guskova Elena Alexandrovna, Teacher of History and Social Science of Municipal “Novostroyevskaya Secondary School”.

Ilchenko Elena Anatolievna, Teacher of further education of “House of children and youth tourism, tours” (Kiselyovsk). E-mail: tourkis@mail.ru

Khilko Nikolai Fedorovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent of Creative Photo Video Chair of FSEI HPE “F. M. Dostoyevskii Omsk State University”. Regional Cultural Policy Sector of the Siberian Branch of Russian Institute of Culturology of the Ministry of Culture of the Russian Federation. E-mail: fedorovich59@mail.ru

Kolin Konstantin Konstantinovich, Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Worker of Science of the RF, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Chief Scientist of Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: kolinkk@mail.ru

Kovalenko Elena Anatolievna, Head of Sector of International Art and Creativity Department of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: priemnaya@kemguki.ru

Kuvayeva Lyudmila Nikolayevna, Teacher of the Russian Language and Literature of “Secondary School No. 11” (Prokopyevsk).

Lega Victor Petrovich, Candidate of Theology, Docent, Chair of Philosophy of Orthodox Svyato-Tikhonovskii Humanitary University (Moscow). E-mail: legavp@gmail.com

Medvedeva Nina Vladimirovna, Post-graduate student, Teacher of the Chair of Theory and History of Art of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: musicologist@mail.ru

Nasonov Alexandr Alexandrovich, Post-graduate student of SEI HPE “Kemerovo State University”. E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Okladnikova Elena Alekseyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of Theory and History of Art of A.I. Gertsen Russian State Pedagogical University. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Ovchinnikov Vladislav Alekseyevich, Candidate of Historical Sciences, Docent of the National History Chair of SEI HPE “Kemerovo State University”. E-mail: ovchinnikov@kemsu.ru

Ponomaryov Valerii Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Creative and International Activity of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Popov Kiril Atanasov, Archpriest of Sophia St. Mitropoly of Bulgarian Orthodox Church, Primate of St. Nicholas Ancient Temple, Candidate of Theology of Moscow Theological Academy (Sofia, Bulgaria). E-mail: kikontino@abv.bg

Romanova Natalia Ivanovna, Candidate of Culturology, Docent of the Chair of Philosophy, Law, Social and Political Disciplines of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: feniks@kemnet.ru

Sbitneva Galina Ivanovna, Docent of the Chair of Documentary Communications Technology of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: tdk@kemguki.ru

Shunkov Alexandr Victorovich, Candidate of Philological Sciences, Docent, Chair of Literature and Russian Language of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Stepanov Anatolii Anatolievich, Senior Teacher of the Chair of Philosophy and Human Development Problems of East Kazakhstan Serikbayev Technical University (Ust-Kamenogorsk).

Tresvyatskii Lev Alekseyevich, Doctor of Culturology, Professor of the Chair of National History of SEI HPE “Kuzbass State Pedagogical Academy” (Novokuznetsk)

Umnova Irina Gennadievna, Candidate of History of Art, Docent, Chair of Theory and History of Arts of FSEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”. E-mail: umnova@kuzbass.net

Vinograi Emil Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Philosophy and Political Science of SEI HPE “Kemerovo Technological Institute of Food Industry”. E-mail: phil@kemtipp.ru

Yurtayeva Olga Victorovna, Teacher of the Russian Language and Literature of Municipal “Secondary School No. 34” (Krasnobrodskii of Kemerovo Region).

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»

1. Правила оформления статьи:

- объем статей 8–12 страниц формата А 4;
- текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем;
- ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Примечании в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления;
- статья представляется в бумажном виде и на электронном носителе (по e-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному. При наборе статьи рекомендуется учитывать следующее: шрифт – Times New Roman, размер кегля – 14 пт, межстрочный интервал – полуторный, форматирование – по ширине; все поля – по 20 мм.

2. Сопроводительные документы к статье:

- две рецензии (соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной области; соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной области). В рецензии обязательно должны быть указаны, кроме фамилии, имени, отчества (полностью), должность, ученая степень, ученое звание эксперта, его служебный адрес и телефон, а также дата написания рецензии. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения, где работает рецензент;
- сведения об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах): фамилия, имя, отчество (полностью на русском и английском языках), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательства), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый адрес с индексом;
- название статьи, аннотация статьи (до 400 символов с пробелами) и ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- указание раздела журнала, в котором должна быть размещена статья (перечень рубрик см. в п. 3);
- индексы УДК (Универсальная десятичная Классификация) и ББК (Библиотечно-библиографическая Классификация).

3. Перечень рубрик журнала:

- дизайн и реклама;
- информационно-библиотечная деятельность;
- искусствоведение;
- культурология;
- музыкальное искусство;
- охрана памятников и музейная деятельность;
- психолого-педагогическая деятельность;
- режиссура театрализованных представлений;
- социально-культурная деятельность;
- социально-педагогическая деятельность;
- филологические науки;
- философия и социология культуры;
- хореографическое искусство;
- экономика и менеджмент социальной сферы.

Статья направляется в редакцию журнала по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, отв. секретарю Егле Людмиле Юрьевне; e-mail: nir@kemguki.ru.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

